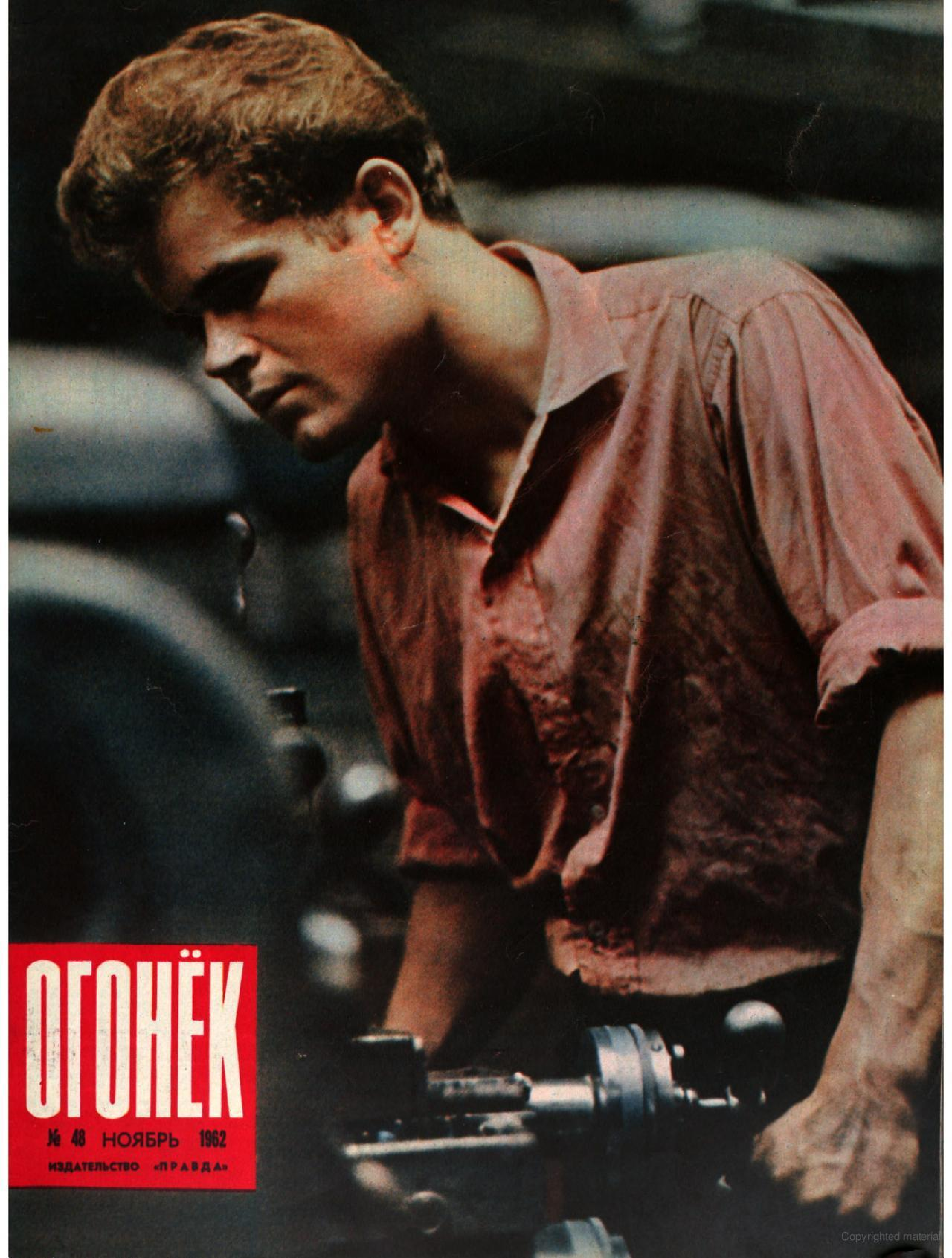

ОГОНЁК
№ 48 НОЯБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 48 (1849)

25 НОЯБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КОМСОМОЛЬСКАЯ, УДАРНАЯ

Мощный вскрышной комплекс монтируется сейчас на Шевченковском карьере рудника имени Орджоникидзе в Днепропетровской области. Шесть тысяч кубометров грунта в час будет вынимать целая система машин: два крупнейших роторных экскаватора, два отвалообразователя, цельносварной металлический отвальный мост и транспортеры.

Каждое утро автобусы привозят на монтажную площадку, раскинувшуюся среди колхозных плантаций кукурузы Никопольского района, электросварщиков, наладчиков, изолировщиков. Над созданием чудесных машин трудится большой коллектив. Да иначе и нельзя: ведь машины эти отличаются гигантскими размерами. Их стальные конструкции уходят в небо, подобно мачтам фантастических кораблей. Высота роторного экскаватора — 64 метра, вес — 3 370 тонн. 130 электромоторов будет установлено на экскаваторе. Состояние ротора и основных узлов будет контролироваться телекамерами.

Когда монтаж закончится, роторные экскаваторы пойдут двумя уступами, снимая слой породы толщиной до шестидесяти метров. Управлять экскаватором будут восемь человек, и одна такая машина заменит работу десяти шестикубовых шагающих экскаваторов. А весь вскрышной комплекс позволит освободить пятьсот семитонных автосамосвалов за смену. Поистине космический размах!

Б. ПЕРЕПАДИ

Роторный экскаватор «ЭРГ-1600».

Монтажная площадка, на которой создаются эти колоссальные машины,— ударная, комсомольская. Комсомольцы Виктор Фоменко и Евгений Нестеренко из бригады коммунистического труда, которой руководит А. И. Соловов, монтируют отвалообразователи. Работают они отлично: их фотографии можно видеть на доске почета.

Электросварщик Федор Набока приехал на стройку из Краматорска. Вместе с товарищами он наплавляет ковши экскаватора специальными электродами. Это укрепит сталь: ведь ковшам предстоит вынуть не один миллион кубометров грунта.

Фото автора.

Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев открывает Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

ВСЕ СИЛЫ ПАРТИИ И НАРОДА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ПРОГРАММЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА, ПРИНЯТОЙ XXII СЪЕЗДОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Москва. 19 ноября 1962 года в Большом Кремлевском Дворце начал свою работу Пленум Центрального Комитета КПСС.

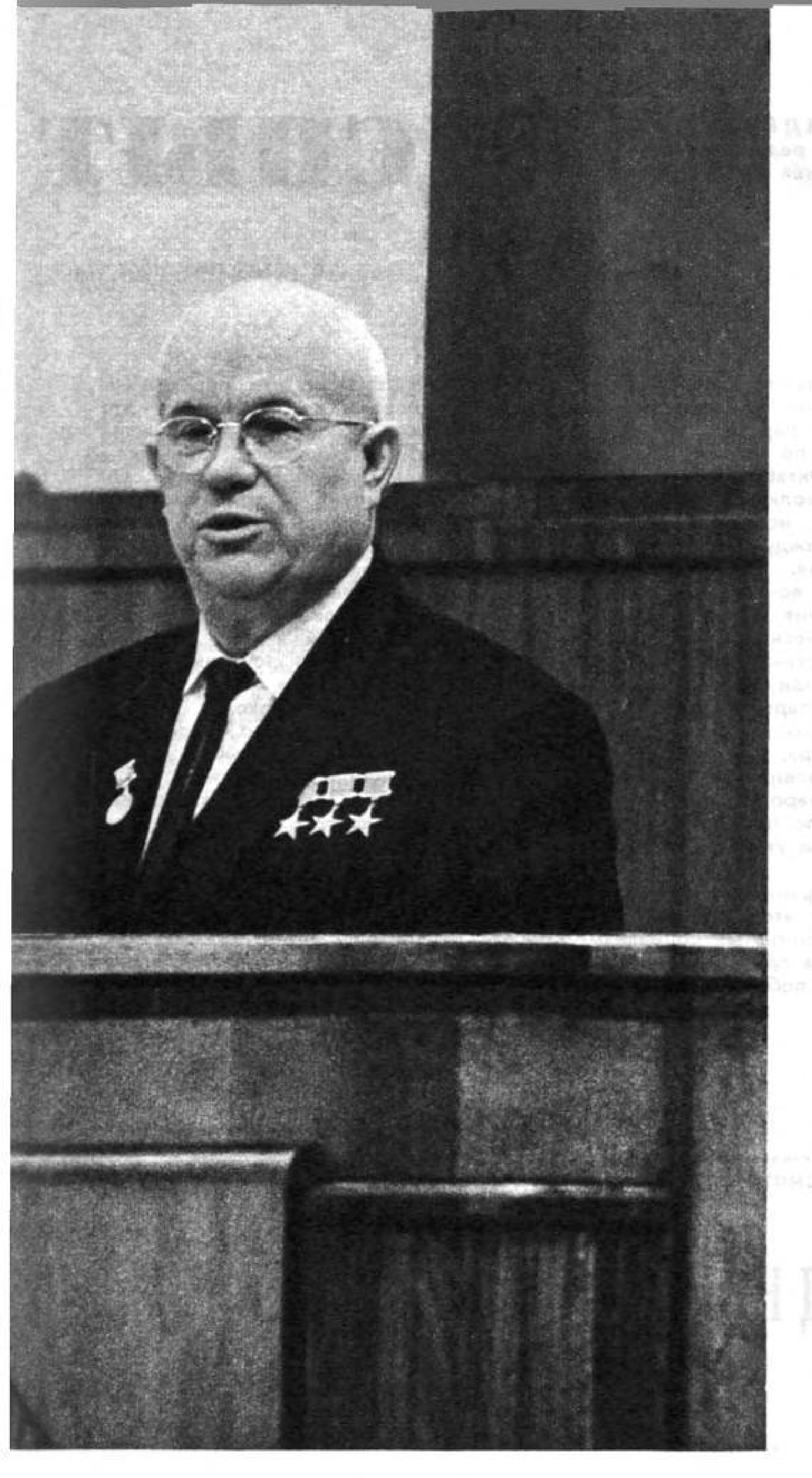
На повестке дня Пленума вопрос о развитии экономики СССР и партийном руководстве народным хозяйством.

С докладом выступил Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

С докладом о развитии экономики СССР и партийном руководстве народным хозяйством выступил Никита Сергеевич Хрущев.

Герои Социалистического Труда комбайнер Нукутского зерносовхоза, Иркутской области, И. Е. Рыцев и футеровщик из Ангарска П. М. Косиков.

← Общий вид зала заседаний.



Герой Социалистического Труда, бригадир комплексной бригады шахты имени Лутугина А. А. Кольчик, руководитель бригады коммунистического труда Горловского азотнотукового завода А. П. Штых и Герой Социалистического Труда Валентина Гаганова.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Академики М. А. Лаврентьев и Н. Н. Семенов.

Коллективный опыт, коллективный разум партии и народа подскажут наилучшие пути проведения в жизнь намечаемых мер по улучшению руководства народным хозяйством.

Из доклада Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 19 ноября 1962 года.

Писатели М. Шолохов, В. Кочетов и А. Прокофьев.

А. И. Микоян у кубинских друзей

Тепло встречал остров Свободы Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна. Кубинцы и советские люди — братья. Дело свободы, за которое борется героическая Куба, близко и понятно нам.

«...Советский народ, Советское правительство, все мы своими чувствами и мыслями с вашим народом, с вашим правительством»,— сказал А. И. Микоян, выступая в Гаванском университете.

На снимке: А. И. Микоян и премьер-министр Республики Куба Фидель Кастро во время посещения опытного хозяйства имени Мичурина в провинции Пинар-дель-Рио.

Фото Пренса Латина—ТАСС.

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

Более полувека живет великая партия Ленина, Коммунистическая партия Советского Союза. За эти бурные годы возникали и не выдерживали испытания временем десятки партий различных толков и самых пышных наименований.

КПСС, начав свой путь с горстки революционеров-ленинцев, пройдя через бесчисленные тюрьмы и ссылки, смогла поднять на борьбу многомиллионные трудящиеся массы, свершить Великую Октябрьскую социалистическую революцию, построить социализм и ныне успешно ведет советский народ по пути развернутого строительства коммунизма. КПСС стала партией всего народа.

В 1959 году на основе решения XX съезда партии вышел в свет учебник по истории КПСС, написанный группой авторов под руководством Б. Н. Пономарева. Книга была издана на многих языках народов СССР, более чем на двадцати языках зарубежных стран, распространена в восьмидесяти странах мира. Но жизнь не стоит на месте. Дальнейшая работа авторского коллектива, появление новых историко-партийных документов и решения XXII съезда партии вызвали необходимость дополнить и уточнить отдельные положения книги, осветить путь, пройденный партией и народом за истекший период.

Недавно читатель получил второе издание книги. Сохраняя основное содержание предыдущего издания, книга обогащена новыми фактами и теоретическими положениями, содержащимися в Программе КПСС и решениях XXII съезда партии.

Положительной стороной учебника является то, что в нем обстоятельно освещена деятельность партии в последние годы, когда ленинский Центральный Комитет партии во главе с Н. С. Хрущевым разработал и осуществил крупные социально-экономические мероприятия.

Авторы уделили много внимания анализу революционной деятельности Владимира Ильича Ленина, его теоретическому наследию.

Новые партийные документы дали возможность авторам более обстоятельно изложить вопрос о возникновении культа личности Сталина, о решительной борьбе партии за преодоление последствий культа личности. В новом издании учебника отмечается, что культ личности Сталина постепенно сложился уже к XVII съезду партии. Вместе с тем авторы убедительно показывают, что культ личности Сталина, нанося серьезный вред партии и стране, не мог остановить поступательного движения Советского Союза, не мог изменить природы социалистического строя и КПСС.

Изучая эту книгу, читатель проникается глубоким уважением к славной истории КПСС, уверенностью, что именно такая партия приведет советский народ к полной победе коммунизма.

М. АХМЕДОВ

«История Коммунистической партии Советского Союза» (издание второе, дополненное). Москва. Госполитиздат. 1962.

Рене АНДРИЕ,
главный редактор газеты «Юманите»

ИСПЫТ

К пятилетию Московского

Пять лет прошло с тех пор, как делегации коммунистических и рабочих партий, собравшиеся в Москве по случаю 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, приняли два документа, исключительно важных для международного рабочего движения.

Это, во-первых, Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, выработанная при консультации с братскими партиями капиталистических стран. И, во-вторых, Манифест мира, с которым 64 партии, представленные в Москве, обратились к народам всех стран.

Прошло пять лет, но эти документы не утратили своей жизненности.

Декларация двенадцати партий подвела итог огромных успехов, уже достигнутых социализмом, и наметила программу его окончательной победы во всем мире.

Она показала, что переход от капитализма к социализму — это главная, основная черта нашей эпохи, что повсюду социализм доказал свое превосходство. Он прогрессирует, в то время как старый, капиталистический мир идет к упадку. И хотя природа империализма не изменилась и он не отказывается от своей цели — достичь мирового господства путем войны, сейчас ему противостоят гигантские силы мира и социализма. Главная мысль, которая красной нитью проходит в Декларации двенадцати: борьба за мир — это первостепенная задача коммунистических партий.

Эта идея вдохновила пламенный Манифест, с которым коммунистические партии мира, верные одной из лучших традиций Октябрьской революции, обратились ко всему человечеству.

Манифест был обоснованием веры в мир, определением условий его защиты.

Продолжаем разговор:
«РАССМОТРЕНО, ИСПЫТАНО, ОДОБРЕНО... ЗАМОРОЖЕНО»

ОДНИ ОТПИСЫВАЮТСЯ, Д

Статья В. Павлова «Рассмотрено, испытано, одобрено... заморожено»[1] в основном правильно отражает задержку выпуска землеройно-фрезерных машин.

Воронежский экскаваторный завод должен был в 1961 году изготовить два промышленных образца этих машин, а вместо этого завод изготовил опытные машины.

Дополнительные испытания, проведенные весной этого года, и неоправданные изменения конструкции фрезерного рабочего органа (о чем говорится в статье) задержали поставку этих машин на строительство канала Иртыш—Караганда.

Одна из машин вышла из строя при наладке ее бригадой завода на трассе канала и до сих пор не восстановлена.

Вторая машина работает с большими перебоями из-за многочисленных дефектов, допущенных заводом при изготовлении (а сейчас также окончательно вышла из строя.—**Ред.**).

К сожалению, Воронежский совнархоз и Управление стройиндустрии Госкомитета Совета Министров СССР по автоматизации и машиностроению не принимают необходимых мер к скорейшему устранению обнаруженных дефектов, несмотря на большую нужду в этих машинах. Только строительству канала Иртыш—Караганда требуется в будущем году еще 6—8 машин.

Заместитель министра строительства электростанций СССР
П. НЕПОРОЖНИЙ

27 августа 1962 года.

Мы не случайно опубликовали письмо товарища Непорожнего. Этому министерству (ныне оно преобразовано в Министерство энергетики и электрификации СССР) предстоит выполнить огромный объем земляных работ.

Миллионы кубометров грунта надо вынуть на трассах будущих каналов и в ложах будущих водохранилищ, которые скоро наполнят землю влагой, сделают выжженные степи и песчаные моря пригодными для посевов, заставят служить человеку.

Конечно, весь этот титанический труд совершат машины. Но когда составлялись планы преобразования земного лика, ставка делалась не только на машины уже освоенные, но и на те, которые еще должны поступить на вооружение промышленности. Следовательно, в том числе и на землеройно-фрезерную машину «ЗФМ-3000», в защиту которой уже четырежды (!!) выступал наш журнал.

И нам понятно стремление руководства министерства (да и не только этого министерства!) как можно скорее пустить эту высокопроизводительную машину в дело.

Как же откликнулись на выступление журнала работники, от которых зависит промышленное освоение землеройно-фрезерной машины?

Перед нами письмо заместителя начальника Управления по авто-

---

[1] См. «Огонек» № 31.

АНИЕ ИСТОРИЕЙ

Совещания представителей коммунистических и рабочих партий

Вера в мир основывается на новом соотношении сил: могущество Советского Союза и социалистического лагеря, в котором насчитывается более миллиарда человек, освобождение угнетенных колониальных народов, сила международного пролетариата, обострение противоречий империализма. Все это делает возможным предотвращение катастрофы: «Война не является неизбежной, войны можно не допустить, мир можно защитить и упрочить».

Какая бессмыслица, если люди не смогут установить отношений, достойных своих свершений, если в момент, когда человек готовится достичь звезд, мир окажется неспособным избежать войны — таков смысл послания, с которым Манифест торжественно обращается к народам всего мира.

События, которые произошли в мире после 1957 года, подтвердили справедливость и глубину этого анализа основных проблем нашего времени.

Программа, принятая XXII съездом КПСС, которая сейчас воплощается в жизнь, зафиксировала меры, которые позволят через 20 лет оставить далеко позади капиталистические страны и построить в общих чертах коммунистическое общество: промышленная продукция, выросшая в шесть раз, сельскохозяйственная — в три с половиной раза, шестичасовой рабочий день и пятичасовой для тяжелых работ, повышение квалификации и заработной платы рабочих, бесплатные жилища для всех, бесплатное питание на предприятиях, бесплатное содержание детей в детских учреждениях, бесплатный городской транспорт и многое другое.

Империалисты видят, что сфера их господства и эксплуатации непрерывно уменьшается, как бальзаковская шагреневая кожа, но они еще не отказались от насилия. Подобно богам Эллады, они хотели бы заковать в цепи Прометея знаний и прогресса.

Недавняя агрессия Соединенных Штатов против мужественного кубинского народа — новое подтверждение этому. Проискам империалистов, которые подвергали мир ужасной опасности, противостоит мирная политика Советского Союза, твердая и разумная, политика, позволившая спасти Кубу от вторжения и предотвратить термоядерную катастрофу.

Война или мирное сосуществование — таков сегодня, как и пять лет назад, главный выбор мировой политики. Война не фатальна, но для того, чтобы обеспечить мир, народы должны проявить предельную бдительность. В первом ряду за мир, за будущее цивилизации сражается Советский Союз. К нему обращены надежды простых людей всего мира.

Джон Б. Пристли — читателям «Огонька»

С такой надписью английский писатель перед отъездом из СССР на родину подарил нам своеобразный дружеский автошарж. Информацию о пребывании Д. Пристли в Советской стране читайте на 24-й странице этого номера.

РУГИЕ ОТМАЛЧИВАЮТСЯ

матизации и оборудованию для промышленности строительных материалов и строительной индустрии Юрия Борисовича Дейнего.

На пяти страницах этого письма описывается история разработки и испытаний землеройно-фрезерной машины. А затем делается неожиданный вывод: в статье В. Павлова факты изложены тенденциозно и искажено фактическое состояние дела, статья «по своему изложению оскорбительна как для коллективов, так и для отдельных работников, участвующих в создании и внедрении этих машин в производство».

Мы оставляем на совести Ю. Дейнего попытку приписать автору статьи желание оскорбить коллективы и отдельных лиц, создающих машину.

Но где же ответы на главные вопросы? Как обстоит дело с промышленным освоением машины «ЗФМ-3000», или, как она теперь называется, «ЗФМ-2»? Кто виноват в срыве выпуска трех промышленных экземпляров этой машины в нынешнем году, как это записано в постановлении?

Будет ли обеспечен выпуск в будущем году?

Не отвечая на эти главные вопросы, тов. Дейнего сообщает, что «Воронежский экскаваторный завод, доработав конструкцию по замечаниям приемочной комиссии, изготовил две землеройно-фрезерные машины «ЗФМ-2» и направил их на строительство канала Иртыш — Караганда... В процессе наладки дизель машины № 1 вышел из строя после 30 часов работы». 10 августа 1962 года вышел из строя и дизель машины № 2. Причины — плохая очистка воздуха, поступающего в цилиндры машины. По чьей же вине в дизельную установку поступает неочищенный воздух? Об этом ни слова.

Между тем вот что сказано в письме одного из руководителей предприятия, на котором построены дизели для машины «ЗФМ-2»:

«В результате осмотра дизеля «М615» на машинах «ЗФМ-2» на месте эксплуатации установлено, что причиной преждевременного выхода из строя дизелей является сильная запыленность воздуха, поступающего в дизель, в результате неправильно сконструированной и небрежно изготовленной Воронежским экскаваторным заводом системы воздухоочистки на машине «ЗФМ-2».

И далее: «По имевшемуся соглашению, системы воздухоочистки Воронежским экскаваторным заводом должны быть согласованы с нашей организацией; это соглашение Воронежским заводом нарушено: система воздухоочистки не была согласована».

Стоит ли после этого говорить, кто именно виноват в том, что обе машины «ЗФМ-2» бесполезно простаивают в степи?

Однако и воздухоочистка не единственный порок землеройно-фрезерной машины, в котором повинен Воронежский экскаваторный завод.

Обо всем этом в письме Ю. Дейнего ни слова.

А жаль. Ведь волокита с освоением промышленного выпуска землеройно-фрезерной машины есть не что иное, как вопиющее нарушение государственной дисциплины, обязательной для любого руководителя.

В заключение скажем, что ни руководство Воронежского экскаваторного завода имени Коминтерна, ни Воронежский совнархоз даже не сочли нужным ответить на выступление «Огонька».

Доброго пути, Габиден!

«Очевидец» — так называется автобиографический роман Габидена Мустафина, в работе над которым казахский писатель встречает свое шестидесятилетие.

И название и содержание романа не случайны. В жизненной и творческой биографии Габидена Мустафина отразилась биография века; в жизни героев многочисленных произведений писателя — богатый опыт автора, очевидца и участника великих событий эпохи.

Габиден родился в семье кочевника, аул которого зимовал неподалеку от пустынной тогда местности Караганды. Начавший свои «университеты» у полуграмотного аульского муллы, Габиден продолжил «обучение», служа рассыльным в народном суде; рабочую закалку получил на угольных шахтах Караганды, где был и землекопом, и токарем, и жестянщиком, а первые уроки литературного мастерства ему дала казахская газета «Красное знамя», куда молодой Мустафин был выдвинут как рабкор.

Позже, будучи уже известным писателем, он избирался в руководящие органы партии, в Верховный Совет, руководил и сейчас руководит Союзом писателей Казахстана, избран членом-корреспондентом казахской Академии наук. Какую бы должность Габиден Мустафин ни занимал, он всегда находился в гуще народа, который его породил, одарил опытом и талантом.

Первые рассказы Мустафина были посвящены беднякам — застрельщикам и участникам советизации аула. Еще неумело написанные, они покоряли правдой действительности. Его роман «Жизнь или смерть» (1939) — это первый казахский роман о рабочем классе. Затем последовал роман «Караганда» (1951), который изображает духовное возрождение вчерашнего кочевника.

Глубокая художественная разведка проблем коллективизации осуществлена Г. Мустафиным в многоплановом романе «Шиганак» (1945). Это почти документальное повествование о знатном казахском новаторе-просоводе Шиганаке Берсиеве (скульптура его стоит перед казахским павильоном на Выставке достижений народного хозяйства в Москве).

Сколько написано романов о возвращении домой воина-победителя! Казалось бы, что тут скажешь нового? Но Габиден Мустафин сумел сказать об этом смело и свежо в романе «Миллионер» (1948). В нем есть одно решающее преимущество: роман не иллюстрирует тезис о послевоенном восстановлении хозяйства, а намечает перспективы человеческого роста, глубоко проникает в жестокую борьбу коммунистических начал с пережитками патриархальщины.

Роман «После бури» (1959), в котором художник вновь возвращается к дням своей юности, к периоду нэпа, как бы желая образно переосмыслить материал своих первых рассказов, кажется нам своеобразной творческой подготовкой к тому произведению, над которым он трудится сейчас.

Я вижу писателя, окруженного своими героями: сколько их толпится вокруг автора, требуя новой мысли, нового слова!

И писатель ищет его, передумывая жизнь свою и своих современников.

Доброго пути принято желать вступающим в литературу молодым. А мне хочется пожелать доброго пути «в незнаемое», каким всегда является новое произведение, старому другу.

Доброго пути, Габиден!

Зоя КЕДРИНА

Н. ШМЕЛЕВ

Значит,

Фото Д. ЗЕНЮКА.

Ночь. Собственно, какая это ночь? Комната полна солнцем. Солнце особое. Далекое и безразличное, оно только светит, но ни в чем не участвует. Ночное солнце.

Ветер дергает занавеску, швыряет ее далеко в комнату, и потом она медленно оседает назад. И если подойти к окну, видно, как между домами мечется сумасшедший столб пыли и бумажек. В пустоте двора звонко разносятся голоса, глухо шлепается об стенку мяч — обычные ночные звуки летнего Норильска...

Завтра мне ехать на Талнах. Там, в тундре, открыты залежи меди, никеля. Они ошеломили меня. О Талнахе в Норильске говорят много, и по всему видно — это трудное место.

Я житель столицы. Но я не раз бывал на Севере и все время испытывал смешанное чувство восхищения и какого-то чисто обывательского непонимания, когда близко сталкивался с теми, кто живет и работает здесь. И хотелось не на словах, не умозрительно — это нетрудно было,— а как-то глубже, изнутри понять их, хотелось хоть ненадолго влезть в их шкуру, чтобы разобраться, почему здесь не работает принцип «рыба ищет, где глубже, человек, где лучше» в его обиходном смысле, почему здесь людьми движет все же что-то иное, и что оно, это иное. И каждый раз я искал это иное, и каждый раз оно поворачивалось ко мне то одной, то другой стороной, всегда новой, и, видимо, так будет всегда: оно неисчерпаемо...

Вездеход буквально тонет в грязи. Пашка, оскалясь, яростно рвет ручку на себя — мотор истошно ревет, задыхается, хрипит измученными легкими. Рев переходит в надсадный вой. Из-под гусениц шрапнелью летят комья грязи. Машина вздрагивает, делает отчаянный рывок и еще прочнее вминается в грязь. Пашка, сверкнув белками, нагибается и начинает шарить рукой где-то под сиденьем. Потом вдруг улыбается до ушей, и зубы опять белым пятном светятся на черном лице: «Сели. Дорога, так сказать...»

Кругом болота. В ржавой траве блестит тусклая топь. Тишина. Даже не тишина — пустота, черное молчание воды, и нет конца черной воде, и нет конца пустоте вокруг. Молчат болота, они живут где-то там, внутри, весь этот мир живет внутри, в самом себе, и человек вне его. Перед ним только недвижимое спокойствие воды да вот еще серая россыпь камней, выброшенных на край болота, но и от них несет старческим холодом. И как неожиданный вопль музыки в пустоте — две скрюченные березы, судорожно изогнувшиеся на пригорке.

Этот мир одинок. Здесь слово «одиночество» обрастает плотью и кровью, его можно осязать, можно потрогать и отдернуть назад руку. Тундра живет в одиночестве, и только в одиночестве может сохранить она свою оцепенелость, враждебную всему, что смертно, что пытается изменить изначальный порядок вещей...

Недалеко от нас торчит трактор. Торчит уже третьи сутки, беспомощно уткнувшись носом в грязь. Сквозь пустую кабину светятся все те же болота и то же непомерное пространство. На три дня тундра отняла его, и все-таки придется отдать: если не вытащат вездеходом, придут пешком и чуть не на руках вынесут его из болота. Сейчас это уже будни, привычное, хоть и неприятное дело. Мерзлота оттаяла, зимняя дорога раскисла, и чуть не каждый день в ней намертво тонут тракторы. Дорога пока здесь — главное, ее строят всерьез и прочно, на всякую погоду, но само строительство Талнаха имеет от роду всего несколько месяцев — приходится как-то выкручиваться, возить по топям.

Труднее было зимой (май—тоже зима). Тогда на Талнахе стоял десяток домишек, доверху заметенных снегом. В леске около поселка можно видеть пни, до верхушки которых рукой не дотянуться. Все просто: дерево пилили вровень со снежным настом, потом он стаял, остались вот такие пни. Лютовала пурга, и если, случалось, человек неловко подставлял спину ветру,— сбивало с ног и катило дальше, пока порыв не иссякал. Было худо с продуктами: доставить их сюда не так-то просто. Иногда у людей опускались руки. А нужно было забрасывать оборудование, буровые станки, лес, уголь, горючее. И все упиралось в дорогу. У строителей был только один старенький бульдозер, каким-то образом пробившийся сюда.

Тогда в ход пошли ведра. В сорокаградусный мороз ведра передавались из рук в руки, бульдозер расчищал трассу, и вода крепко схватывала снежный наст. Работали днем и ночью, отмеривали в смену по многу километров. Зимник построили.

Сейчас Талнах вступает в стадию развернутого промышленного строительства. Это действительно богатейшее месторождение. Когда Талнах начнет давать руду, он за год окупит все капитальные вложения — настолько руда богата. В будущем электрифицированная железная дорога свяжет Талнах и Норильск. Основная часть рабочих будет жить в городе, и на проезд на работу будут тратить не больше времени, чем обычно тратит городской рабочий. На Талнахе будет комфортабельный поселок, уют и удобства современного города, все виды обслуживания. Будут... Но сейчас пока ничего этого нет.

Есть только балки, палатки да точно размеченные места, где впредь надлежит стоять капитальным зданиям. Много трудностей сейчас — неустроенный быт, теснота временного общежития, тяжелые условия работы в тундре. Много трудностей предстоит и в дальнейшем. И все-таки желающих работать здесь хоть отбавляй, комбинат вынужден отказывать многим из тех, кто рвется на Талнах. И это уже не геологи, не изыскатели — бродяги, так сказать, по призванию. Это степенные, зачастую семейные люди, и молодые и пожилые, высокой рабочей квалификации и тех профессий, которые до зарезу нужны в самом Норильске. У них есть свой дом, свои привязанности, каждый из них знает, какова на Севере цена уюту в добром смысле слова. И они идут сюда.

Так что же их тянет? И как ответить на такой вопрос? Это так же трудно, как рассказать жизнь человека: что определяет его поступки, каковы мотивы и стимулы его жизни, да еще в таких необычных обстоятельствах.

Надо сразу признаться: сначала мне не повезло. На катере рядом сидел изжеванный человечек. Казалось, его долго мяли в какой-то страшной давке, а он все продирался вперед, и продирался, и его все толкали, и мяли, и прижимали плечами: штаны, лицо, уши — все измято. Спрятав голову в воротник, он всю дорогу сидел неподвижно, в одной позе, и только юркие глаза непрерывно шарили вокруг да руки выстукивали нервную дробь на коленках. Потом в поселке я видел, как он бродил от домика к домику, заглядывал в двери, подошел к мусорной куче и постоял около нее. Остановив проходившего рабочего, он заговорил с ним и вдруг беспокойно завертел головой, ноздри дрогнули: в воздухе потянуло чем-то незнакомым.

Я спросил его:

— Ну, как Талнах?

— Плохо. Что ж? Палатки — это мы знаем. Плохо.

— Наниматься сюда?

— Да нет, посмотреть пока. Вот когда здесь дома поставят... Мне корову бы сюда.

— Что, без своего молока не проживешь?

— Да нет. Не мне. Люди бы покупали. За натуральное да свежее здесь хорошие деньги дадут.

— А корова есть?

— Как же, дома, в городе.

— В городе? А кормишь чем? Хлебом?

— Хлебом, известно.

— А здесь чем думаешь? Это ж тундра.

— Ну, сена бы накосил. Жена из города хлеб бы возила... Однако придется наниматься. Сейчас легче, а то потом народ повалит.

Потом я убедился: здесь, на Талнахе, какой-то предельно острый нюх на таких людей. Я не знаю, о чем он разговаривал в конторе. Я только видел, как он выскочил на крыльцо, яростно шваркнул дверью, матюкнулся и пошел, не оглядываясь, пешком через тундру.

Здесь не обещают золотых гор. Заработки у рабочих хорошие, очень хорошие — иначе и не может быть, ведь условия тут исключительные по своей трудности,— но это не тот длинный рубль, ради которого многие жертвуют всем и готовы лезть хоть к черту на рога. Такой на Талнахе народ не держится, они моментально хватаются за чемоданы, когда видят, что бешеных денег нет, а работать нужно, и много нужно.

Так что дело не в деньгах. Те, кто приезжает сюда из города, обычно не проигрывают, но особо и не выигрывают в деньгах. Конечно, жизнь есть жизнь, и деньги есть деньги. Если бы здесь были плохие заработки, люди не шли бы сюда: на одном энтузиазме далеко не уедешь, семью надо кормить, и расходы на Севере больше, чем в любом другом месте. Но можно зарабатывать не хуже и в самом Норильске. И все же, когда начальник стройки Борис Иванович Новокрещенов, работавший тогда в городе, начал набирать народ на строительство и предложил поехать на Талнах бригаде плотников Миши Каблукова — он давно с ними работал, они хорошо знали его, как и он их,— то не сомневался в их ответе. «Надо поехать»,— больше ничего не было сказано.

«Надо»... Миша Каблуков бросил двухкомнатную квартиру в городе и уехал в этот балóк, где на восьми квадратных метрах, пусть временно, но ведь спят же восемь человек.

Работает разношерстная, но на редкость спаянная бригада Каблукова, и как работает! Иногда бузотерят, иногда они в чем-то неправы, а чаще — правы. Если из-за организационных неурядиц снижаются заработки, начинают душу трясти начальству. Но вот случилось неожиданное: отравились они всей бригадой по какой-то нелепой причине (кажется, черпнули воды прямо из гнилого болотца), увезли их на вертолете в город, в больницу. День-другой отлежались — и такой тарарам подняли: выписывай их раньше срока, работа стоит! Выписали. А ведь могли бы спокойно лежать дальше: деньги все равно идут!

Я дома

Начальник строительства Б. И. Новокрещенов.

Может быть, понятнее всего это стало после нескольких слов, кинутых вскользь плотником Гришей Устименко: «Понимаешь, не люблю привычки. Семья есть, дети есть, а привычки нет. И заводить не хочу. Говорят, есть такие, кто не любит ходить каждый раз по одной и той же улице на работу.

Все ищут какой-нибудь другой переулок. Новый. Я их понимаю. Здесь каждый день—новый. Весь, от начала до конца. Все новое. И все каждый день другое. Необычное».

Удивительно хорош человек: строен, гибок, взгляд теплый и улыбка теплая. И застенчивая. А руки крепкие и голос твердый. Идет по тундре человек, среди деревьев-уродов, идет, откинув назад накомарник, сунув руки в карманы и удобно прикусив зубами папиросу. И чувствует себя здесь дома, для него нет тут чужого, и все свое, и он просто не признает за этим миром права быть без него.

Здесь нет места медлительным и неподвижным. Общая черта всех — неистощимая энергия, постоянная, но не лихорадочная нервная взведенность. И, может быть, наиболее характерен в этом смысле сам начальник строительства Новокрещенов. Его вызвали, предложили поехать сюда, он мог бы и отказаться, и никто не счел бы это за большой грех: дело ведь сугубо добровольное. Он коммунист, и он поехал, бросив спокойную должность в Норильске, удобства города и даже проиграв в зарплате.

Новокрещенов — деловой человек: подвижной, напористый, порой нахрапистый, когда нужно что-то достать, вырвать для стройки. Стену прошибет, если надо, но своего добьется. Своего... Дело, стройка, жизнь рабочих — его товарищей, доброе имя коллектива и собственное тоже, конечно,— вот это и есть свое, ради чего он здесь, со всей своей неуемной энергией: гаркнул будильник, взметнулась лохматая голова с подушки, две жадных, глотком, затяжки из трубки, ковш воды — и опять завертелось колесо, и, бог знает, когда оно сегодня остановится...

У этого «своего» есть еще и другой оттенок. «Здесь интересно,— говорил он мне.— Я заскучал там, в городе. Ведь жизнь по кругу утомляет, чувствуешь, что стареешь. Каждый день хоть и очень нужное, но для меня-то одно и то же. А здесь все вверх дном, каждый день — сплошная революция, и мотор начинает работать по-иному: давай, давай».

Отец Бориса Ивановича, крупный советский работник, умер здесь, в Норильске. В 30-х годах он был оклеветан и репрессирован. Сын, московский инженер-строитель, после института приехал сюда и вот уже многие годы строит город — гигантскую огненную глыбу в пустынной тундре. Для него этот город — памятник отцу. Мог обозлиться человек, на всю жизнь обозлиться. Но такова уж природа советского человека, что не винит он ни в чем свою страну и знает, что его личные несчастья — это и ее горе, и любовь к ней не может погасить ничто наносное, как бы тяжело оно ни было.

...Навстречу идет русоволосая девушка — ослепительная улыбка и спокойные, мягкие глаза. Дорожный мастер Светлана Клягина, бывшая москвичка.

— Светланка, сегодня ж суббота, ты что домой, в город, не едешь?

— Дом — это где хорошо. Мне здесь хорошо. Значит, я дома. Логично?

— Ага.

— И потом, я не хочу ехать в город.

— Можно спросить, почему?

— Не хочу, и все. Мне здесь интереснее. Не понятно? Надо объяснять?

— Нет, не надо.

Она очень эффектна сейчас, в этой черной комариной сетке. Улыбается, прижала к груди огромную охапку огненно-рыжих цветов, а сзади, на склоне, лежит длинный пласт снега, который так никогда и не стает, и скрипят общипанные ели, а сквозь них — пустота...

...Мы лежим с инженером Володей Воробьевым у него в балкѐ. Мне все время хочется назвать его лицо «варежкой» — до того оно курносо, ежасто, и этот полуоткрытый рот и глаза какой-то бездонной доброты. И озорная улыбка — даже когда он серьезен, она только по-особому озорная, но с лица не сползает. Один из лучших инженеров на стройке.

— Володь, когда все построите, останешься здесь?

— Не знаю, навряд ли.

— Почему? Тебе же и здесь найдется работа.

— Скучновато будет. Как часы тикают — тик-так, тик-так — скучно. Куда-нибудь еще подамся.

— А жена не взбунтуется?

— Нет. Она меня любит...

А поздно вечером я видел другое: спешила по тундре девочка, выдергивая сапоги из грязи и через шаг вытирая мокрый лоб. Она жмурилась от солнца, блестевшего прямо в глаза, и казалось, что девочка расталкивает перед собой воздух, раздвигает руками тундру, деревья, солнечный свет — лишь бы скорее дойти, достичь чего-то важного, что ждет ее впереди. Из-за крайней палатки бросился ей навстречу парень, подбежал — и застыли.

Кто они? А нужно ли это знать? Вот так, каждую субботу, она спешит к нему сюда из города. И кто знает, может быть, стоило уехать именно сюда, чтобы понять что-то самое главное, что в иной обстановке может пройти мимо, и ты не заметишь его и не поймешь, что оно — главное. Здесь все проще, здесь во всем остается только главное, самое простое и самое прочное. И все зреет во много раз быстрее: и сами люди и их любовь. А весь лишний хлам, вся будничная суета, которая в ином месте застилает глаза и мешает рассмотреть самое важное, исчезают куда-то.

И еще один человек не поехал в этот вечер в город — Гремарий Григорьевич Чочуа, инженер-дорожник, также бросивший кабинет в городе, чтобы работать здесь.

В балке у него тепло и спокойно, из приемника льется музыка, и она о таком далеком, что и не веришь, есть ли оно вообще где-то, а у окошка темным пятном его профиль, угловатый и неподвижный, и мы оба молчим, и оба знаем, о чем молчим. От юности осталось чувство тепла и солнца и запах ночных водорослей, и даже теперь, когда он бывает там, в Грузии, как в былые времена, кружится иногда голова от острой прозрачности всего вокруг: и гор, и неба, и далеко внизу — камней и воды. Но очень скоро начинает тянуть назад, он и летит обратно сюда, где прожил больше двадцати лет. Теперь здесь его дом, здесь все родное ему, а там — только воспоминания.

Здесь все иное — люди, обычаи, нравы, мерила человеческой ценности, и жизнь по-иному теперь обучила его, и так, как может научить только жизнь,— прочно и навсегда. И, может быть, потому, что он так круто повернул — с юга на север, без полутонов, без переходов,— легче порвались нити, которые связывали Чочуа с прошлым, и появились новые, накрепко привязавшие его к этому сдержанному, полному глухой силы и простоты миру, и теперь уже оторваться невозможно.

...На столе лежит том Достоевского — тяжелые, как жернова, мысли Ивана, безудержный вихрь Митиных метаний... И это не от скуки, не для того, чтобы убить время. Сама жизнь здесь заставляет искать главные пружины в человеке, слишком серьезные ставит она вопросы. И эти вопросы требуют ответа и требуют поисков. Одной героической сказкой, как бы красива она ни была, здесь не обойтись.

— Искали люди веру.— Чочуа говорит тихо, отвернувшись к серому окну.— И Достоевский искал. И не находили. А если думали, что нашли,— она вдруг лопалась, как мыльный пузырь. Они

Дорожный мастер Светлана Клягина.

Инженер Володя Воробьев.

очень красивы, мыльные пузыри. Особенно на солнце. И всегда лопаются. А здесь верят в себя, в товарищей, верят, что жизнь интересна и будет еще интереснее. Это надежнее. И я верю в это, я очень долго живу на Севере.

...А утром на меня свалилось нечто неожиданное и горластое: длинные хваткие руки трясли меня за плечи, сверху надвигались цыганистые глаза и хриплый голос напирал: «Это вы корреспондент? Опять к строителям? А когда будут ездить к нам? Как это — к кому? К нам, геологам-буровикам. Мы здесь и первую дорогу зимой прокладывали».

Мы ходим с Алексеем Владимировичем Прохоровым по поселку буровиков. Длинный, как жердь, почерневший, с воспаленными глазами, он показывает свое хозяйство, и хвастается им, и иногда эдак кокетливо-устало качает головой: «Эх, разве кто оценит? Сколько сделали, сколько сделали. Куда нашим соседям строителям...»

А сделали они действительно очень много, и все это за несколько месяцев.

Прохоров хитроват, как настоящий хозяин, и не прочь при случае слезу пустить: вот, дескать, работаем, стараемся, да овес нынче дорог. Но все крепко уважают его здесь: честно работает человек на общее дело, не для себя — для людей, и везде поспевает, и все помнит.

Еще зимой, в пургу и мороз, завезли они сюда строительные материалы и сейчас почти закончили строительство удобного здания столовой, бытового комбината, где рабочие с буровых смогут обсушиться и помыться, дома-общежития с центральным отоплением. «У нас люди зимой и горя знать не будут. Дома теплые. И клуб, наверное, построим. У нас никто не сбежит отсюда. А у строителей что, вы видели? Ничего пока! Еще у нас пекарь есть — отличный пекарь. Вы наш хлеб ели? Нигде такого нет! Клугин Владимир Петрович. Замечательный старик... Я его из кондитерского цеха из Норильска перетащил». Сколько же в этом хвастовстве уважения к людям, понимания и заботы о них: такие вещи идут от сердца человека. И опять длинные руки начинают мелькать в воздухе, указывая на что-то важное, что мы пропустили, а я думаю про себя, что буровики потому перевыполняют план, что удалось во главе дела поставить человека, для которого отличный хлеб — это так же важно, как и производственная программа...

И опять по той же грязи идет вездеход, и Паша, блестя глазами, рвет ручки, а машина воет и надрывается — ну еще, ну... а одолели-таки! Ну что делать человеку с его энергией, жаждой поднатужиться и одолеть что-то неподдающееся, и чувствовать себя победителем, и вот так радостно улыбаться, размазывая грязь по лбу! Много мест в стране, где ждут таких людей и куда они стремятся, потому что обычного по их силам им мало, а хочется жить в полную силу, и едут они туда, где нужна вся их сила, и они счастливы.

Скрылся за поворотом Талнах. Остался там кусочек от тебя, и теперь всегда, когда вспомнишь о тех, с кем был там, будет негромко щемить сердце...

А. ДЕЙНЕКА,
народный художник РСФСР

6-я академическая

На очередной 6-й выставке членов Академии художеств СССР зритель многое не увидит из обширной деятельности Академии. Монументальные ансамбли, памятники, театральные декорации не вошли бы в скромные залы выставки. Научно-теоретическая, педагогическая, общественная работа, книги, плакаты не могли войти в экспозицию по многим законным причинам.

И все же коллектив членов Академии, более чем в сто человек, показывает свои основные творческие достижения за последние три года.

Здесь представлены три поколения художников разных почерков и вкусов. Но всех их объединяет метод социалистического реализма, задачи социалистической эпохи. Забвение этих основных положений в искусстве не может быть восполнено любой изощренной техникой: величие искусства рождается глубиной духовной сущности нашего времени.

Выставке нельзя отказать в высоком уровне мастерства. Но зритель настораживается, когда видит, как мастерство тратится на тематические случайности, сюжетные мелочи, когда оно не поднимает широких, насущных проблем общества. Нам непонятен в искусстве спор «отцов и детей», но остается вопрос возраста, гла́за поколения. Для больших художников, как В. Фаворский, С. Герасимов, этот вопрос не мучительный, а скорее радостный, ибо молодежь дальше несет эстафету большого искусства, переданную ей старшим поколением. Искусства, решаемого по велению времени.

Не есть ли это живая традиция на путях развития советского искусства и уважение опыта своих учителей? Поиски жизненного — суть новаторства — не могут свести на нет достижения отцов. Но молодежи никогда не надо путать традиции с эклектикой, с подражанием. Находя у старших много мудрого и просто полезного, не надо забывать свою самостоятельность, свои творческие поиски.

Мы видим произведения мастеров, проживших долгую жизнь. Некоторые и до сего дня тают в своем творчестве много интересного, раскрываясь вдруг с новой, еще неизвестной стороны. Другие развивают, а то и повторяют давно найденные приемы, оставляя впечатление давно виденного. Эта самоуспокоенность досадна в работах младшего состава членов Академии. И вполне уместно задать себе вопрос: насколько могут быть убедительными такие работы? Заинтересуют, взволнуют ли они молодых художников, натолкнут ли их на смелые поиски? Что внесет это безусловное мастерство в сокровищницу советского искусства?.. Большие, серьезные размышления рождает выставка, потому что кому много дано, с того много и спросится.

Дело не в размерах картин, размер — это только законная необходимость. Вот, например, у В. Фаворского — самые маленькие по масштабам гравюры на выставке. Но эти шедевры не только «держат стену», на них можно часами смотреть, переживать, размышлять...

Противоположную стену занимает своими работами М. Манизер, давший неожиданно на выставку убедительную серию памятных медалей, посвященных Ленину. Эти вещи не рассчитаны на броскость, на зрительный «отход». Но разглядывая каждую медаль, каждый сюжет, видишь, как они вырастают в большое скульптурное произведение, в большой, по-настоящему новый труд скульптора.

В. Серов упорно и удачно продолжает серию капитальных работ на темы жизни великого Ленина. Выделяются крупные работы Н. Томского — фигура В. И. Ленина и мраморный бюст Н. С. Хрущева. Я думаю, многих друзей Е. Вучетича порадовала его работа — бюст заместителя председателя Национального Комитета Компартии США Генри Уинстона.

Тонкая живопись, любовь к родному пейзажу в этюдах П. Крылова, М. Куприянова, Н. Соколова не мешает им, становясь Кукрыниксами, быть гневными и беспощадными в карикатуре. Многогранно, интересно выставился А. Пластов. Живые ростки нового, теплого, влекущего к себе находит в нашей новой жизни Ю. Пименов — художник индивидуальный, современный. Мне меньше нравятся его заграничные зарисовки. Новые живописные качества мы находим у продолжающего разрабатывать увлекательную повесть о целинниках Д. Мочальского.

Стоит несколько подробней остановиться на этюдах (а пока это только этюды) зарубежных впечатлений многих художников.

В последнее время наши художники много и часто выезжают в различные страны. Беглые впечатления всегда таят в себе и остроту первого восприятия и возможные ошибочные суждения. Но уж очень много в этих этюдах, рисунках географических, исторических атрибуций. Мало человека сегодняшнего дня. Экзотика — не столбовая дорога к сердцу и уму пытливого зрителя.

На выставке мало портретов конкретных людей. Но вместе с собирательными образами строителей, ученых, колхозников в живописи, графике и особенно скульптуре их вполне достаточно, чтобы создать на выставке образы советских людей, полнокровные, исполненные высокого мастерства. Б. Иогансон, А. Герасимов, В. Орешников, С. Лебедева, Г. и О. Верейские, М. Аникушин, С. Коненков — какие разные и прекрасные портретисты! Этот перечень можно бы продолжить вплоть до серии — острой и злой — портретов-шаржей Ф. Решетникова.

Соседями оказались два молодых художника — О. Зардарян и М. Абдуллаев. Они представлены рядом, на беглый взгляд очень похожи. Их сближает не только возраст, но и присущая обоим броскость техники, декоративизм, творческий оптимизм. Но присмотритесь к ним — и увидите глубокую разницу у этих соседей по залу.

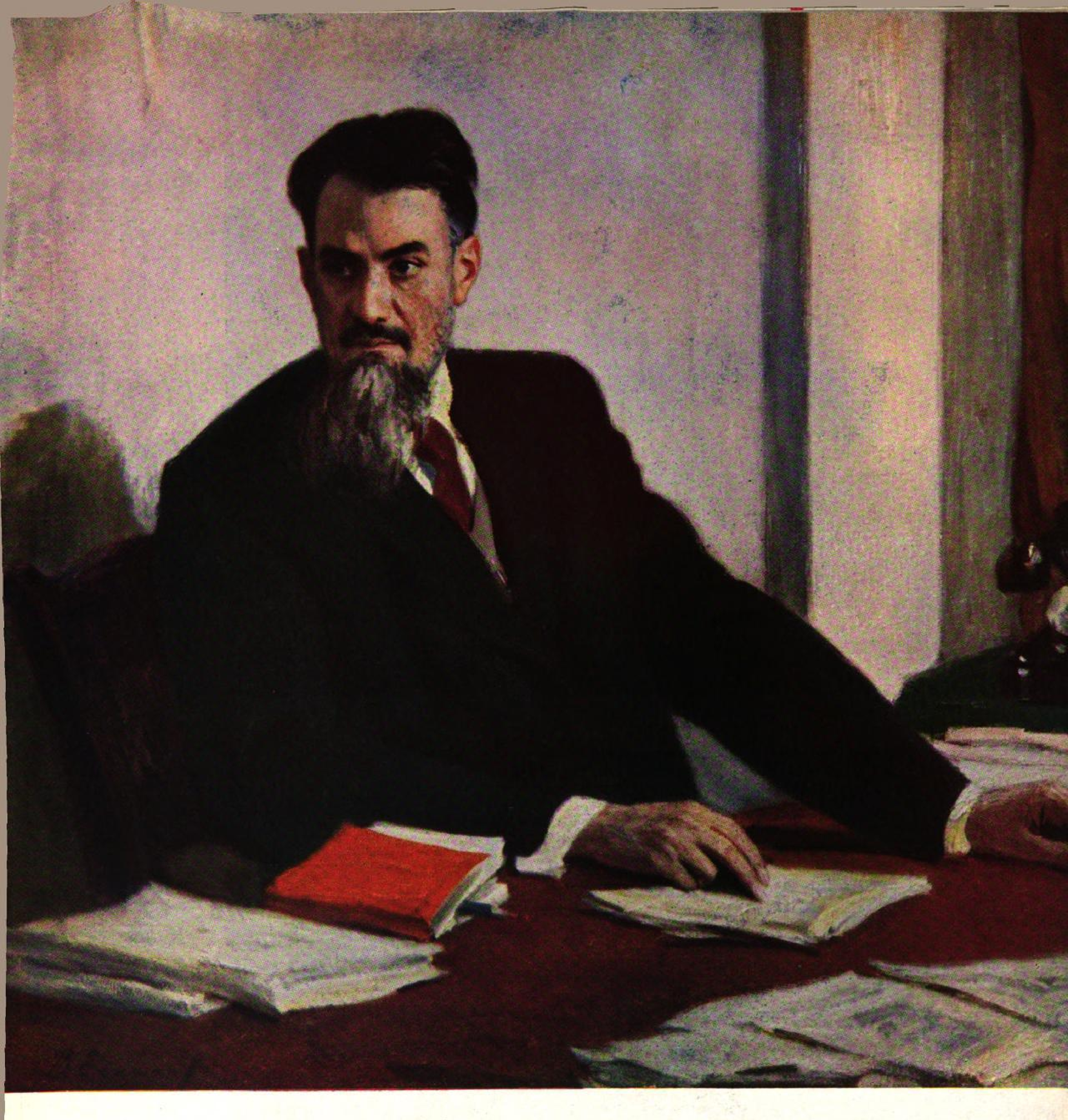
Легкомысленное отношение к форме и цвету у О. Зардаряна, конечно, не восполняется ни творческой бравадой, ни внешне эффектной цветовой локальной окраской. Краска не идет от глубокого убеждения и справедливости решения автора, и от вас ускользает интерес к работам. М. Абдуллаев тоже не отказывается ни от звонкого цвета, ни от декоративизма. Но они идут от глубины наблюдений, от любви к образному миру. Краска кладется на холст не ради краски. Она становится прекрасным изобразительным средством, передающим гамму сложных человеческих переживаний и отношений, дает свое свежее видение городского пейзажа в воздушной дымке, в которую вписываются живые, запоминающиеся люди, их поведение, их социальный смысл.

Так мы познаем природу творчества, поиски изобразительного современного языка.

Отдельная зала отведена на выставке почетным членам Академии. Мы здесь узнаём крепкий групповой портрет румынского художника Корнелиу Бабы, суровые пейзажи Рокуэлла Кента, работы большого венгерского скульптора Кишфалуди-Штробля, пейзажи китайского художника Пан Тянь-шоу, своеобразие портрета Отто Нагеля — немецкого прогрессивного рисовальщика и живописца, и, наконец, творчество недавно умершего крупнейшего скульптора Чехословакии Карела Покорны, представленного рядом скульптур, среди которых зрителя останавливает прежде всего эскиз памятника погибшим горнякам. Произведение идет от образов чешского народного творчества, но своим глубоко человечным смыслом выходит далеко за рамки чехословацкого искусства.

...Глубокие размышления не покидают нас при осмотре выставки. Это и наше отношение к богатству выставленных произведений, и к людям, которые пришли их смотреть, и к тому, какие глубокие контакты рождаются между советским искусством и нашей богатой делами и достижениями советской действительностью. Полной ли мерой мы пользуемся этим богатством? Не просмотрели ли чего-то большого, не мало ли заглядываем в завтрашний день? Все ли сделала Академия, что могла сделать?

Как ни хорошо можно говорить о выставке, лучше самому посмотреть и подумать.



В. Ефанов. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА И. В. КУРЧАТОВА.

VI ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ, ПОЧЕТНЫХ ЧЛЕНОВ И ЧЛЕНОВ-КОРРЕСПОНДЕНТОВ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР

М. Сарьян. МАКИ.

У. Джапаридзе.

БЛИЗНЕЦЫ.

Иванов в Джакарте

Л. ПОЧИВАЛОВ

1. Типичный Иванов

Немало наших людей я встречал в других странах, особенно в Азии. Видел их в долинах Непала — прокладывали дорогу, на индийской земле — строили завод, в джунглях Цейлона — расчищали чащу под посевы сахарного тростника, в Камбодже — лечили людей... Где только сейчас наших нет! Приезжают из Новосибирска, или Баку, или Могилева. Чужая страна. Язык, обычаи, пища, климат — все чужое. Жара — сорок в тени. Письмо с Родины в лучшем случае раз в месяц. И надо работать. Так же, как в Новосибирске или Могилеве. И работают. Уезжают и оставляют после себя на чужой земле полыхающие огнем домны, асфальтовую гладь шоссе, одетые в стекло госпитали... И добрую память.

Теперь передо мной стадион. Издали он так похож на наши Лужники, что кажется неожиданным вблизи от него пышный пальмовый лес, за лесом окраинный квартал тропического города с верандами и балкончиками, занавешенными от солнца тростниковыми шторами, мусульманский храм с белым куполом и каменными стрелками минаретов, а над всем этим — гигантские тучи тропиков с тяжелыми, темными основаниями и вершинами, возвышающимися в небесах, как снежные Гималаи.

Нам навстречу, грузно переваливаясь на ухабах, катятся «МАЗы», «ГАЗы», «ЗИЛы». На ящиках, лежащих у дороги, написано: «Не кантовать». Белокурая девушка в брюках и резиновых сапогах кричит вслед грузовику: «Коля! Подбрось до столовой».

Не сразу и поверишь, что ты так далеко от нашей земли — на тропическом острове Ява.

Главная арена похожа на опрокинутую шляпу великана. Входишь внутрь и сразу чувствуешь себя крошечным в огромном пространстве. Кажется, что здесь царит величественный покой больших гор, и шум стройки, как глухой грохот далеких обвалов, не в силах нарушить этот покой.

— Давайте присядем,— предлагает инженер Сергей Александрович Назаров, который привел меня сюда.— Присядем и помолчим.

Здесь приятно продувает. Мощные стальные стропила, на взгляд невесомые, как паутина, образуют над трибунами тенистые своды козырька. Этот шестидесятиметровой ширины козырек и составляет главную гордость строителей. Ему нет равного в мире.

Когда сюда приезжал президент Сукарно и восхищался стадионом, он спросил наших строителей: лучше ли он Лужников?

Вероятно, лучше, совершеннее в инженерном исполнении, удобнее, красивее. И мы можем гордиться этим. Значит, шагнули дальше. Ведь строился стадион по нашему проекту, под руководством наших специалистов.

Индонезия тоже может гордиться этим удивительным творением. Возвели его на пустыре руки ее рабочих. Вот этих людей с детски простодушными лицами, всегда готовыми к улыбке. Они в обед довольствуются горсткой риса, а в работе не знают устали.

Их сейчас на стадионе тысячи. Они, как муравьи, копошатся на футбольном поле, накладывая на него куски дерна, облепили фермы козырька, прилаживают очередной лист покрытия, на тросах подтягивают к циферблату табло, как к часам Гулливера гигантскую минутную стрелку...

— Там, на козырьке, работает Артамонов,— объясняет Сергей Александрович.— У комментаторской можете встретить Халаджиева. На той стороне, если повезет, отыщите Малиева или Игнатова...

Он делает широкий жест рукой, словно отдает в мое распоряжение всю арену.

— Выбирайте любого. Не знаю, как с точки зрения литературы, но работники у нас все толковые.

Прищурив глаза, он смотрит куда-то вниз, на футбольное поле, силится что-то разглядеть — нелегко. Здесь инженерам, пожалуй, следовало бы выдать морские бинокли отыскивать подчиненных.

— Кажется, он...— не очень уверенно произносит Сергей Александрович.— Он!.. Видите, вон там кран разбирают? А левее, у грузовика,— белая голова. Вон, на крыло облокотился. Это Иванов. Начните знакомство хотя бы с него. Такой, как все. Типичный.

И вот я стою у крана в окружении рабочих-индонезийцев, среди которых выделяется рослый, светловолосый, немного угловатый молодой человек явно нашего, отечественного происхождения.

— Иванов,— протягивает он мне руку, представляясь,— Иван Иванович.

2. Иванов у себя дома

Если бы я познакомился с ним на стройке где-нибудь в Донбассе или на Урале, может быть, и не стал бы особенно удивляться. Но Иванова я встретил за границей. И здесь, на чужой земле, я испытал особую гордость за этого человека. Обычное в человеке у нас — за границей приобретает иную ценность, иной смысл.

Родился в деревне. Рос без отца и матери. Детство горькое: война, оккупация, послевоенная разруха. Мог бы сбиться с пути — люди не дали. Кто-то вовремя сказал нужное слово, кто-то накормил, кто-то устроил на работу.

Ваня Иванов, чернорабочий из магазина, пришел по объявлению: «Требуются монтажники».

— Ты же не монтажник!

— Научусь.

Подумали, посовещались.

— Ладно. Поедешь в Енакиево завод восстанавливать.

Так началась кочевая жизнь. Из города в город. В Уфе смотрят сейчас телепередачи — он ставил вышки. В Москве придет в Лужники, во Дворец спорта на концерт, взглянет на фермы под кровлей, вспомнит: нелегкая была работа! Увидит в журнале фотографию: Кремлевский Дворец съездов. Приятно! Под его сводами каждая заклепка знакома.

Работал в Новочеркасске — завод. В Артемовске — завод. В Енакиеве—домна. Ново-Троицк. Иркутск, Москва, Подмосковье, Владимир, Талдом, Смоленск... Уезжал, а позади либо завод новый, либо электростанция, либо телевизионная линия... Биография многих наших строек — его биография.

Ему говорили: «Теперь нужно туда». Он собирал чемодан и ехал «туда», раз нужно. Прощаясь с друзьями, шутил: «Говорят, «огромадна» наша страна — надо посмотреть».

Что создавал, то дорого. И каждый город поэтому свой. Но Рустави — особая статья. С Рустави многое связано.

Он любил выходить с вокзалов в незнакомые города с легким сердцем, готовый удивляться всему новому, и никогда в этих городах не чувствовал себя чужаком.

Когда впервые сошел с поезда в Рустави, вынул блокнот и спросил встречающих: «А как по-вашему «здравствуйте»?» Когда уезжал, свободно говорил по-грузински и вместе с заводом оставлял в городе множество друзей.

В Рустави он встретил москвичку Нину и привел ее к себе в дом. С тех пор домом и для Нины стали вагоны куда-то бегущих поездов и пахнущие невысохшей штукатуркой бараки, временные пристанища птиц перелетных — строителей.

3. Иванов в Индии

...Пальмы здесь растут не в кадках, а прямо в земле. Солнце, как раскаленный утюг, с утра катится по плоской равнине, и от полей идет пар. Схватишься за дверную ручку — обжигаешь пальцы. А ему браться за арматуру. Без рук останешься! Предстоит монтировать газопровод к первой домне Бхилаи.

Вечером в поселке кто-то окликает Иванова.

Оборачивается: Соклаков!

— И ты здесь?

— И я!

— Значит, все катаемся?

— Значит, так. А ты не забыл, как в Рустави с тобой сидели на честном слове и на одной трубе?

Они вспомнили, как лопнула восьмидесятиметровая труба дымохода, грозя раздавить новый цех. Оба тогда были в числе тех, кто предотвратил аварию.

Расставаясь, Иванов достает блокнот и спрашивает:

— Ты, Николай, здесь старожил. Ну-ка, как по-индийски «здравствуйте»?

Утром он знакомится с теми, с кем предстоит работать. Они складывают руки на груди — такое здесь приветствие. Руки темные и хрупкие, как у детей. Неужели такими руками строить завод?

Он берет гаечный ключ и показывает, как завинчивать болты.

— Йес, сахиб!

— Что такое «сахиб»? — спрашивает вечером у Соклакова.

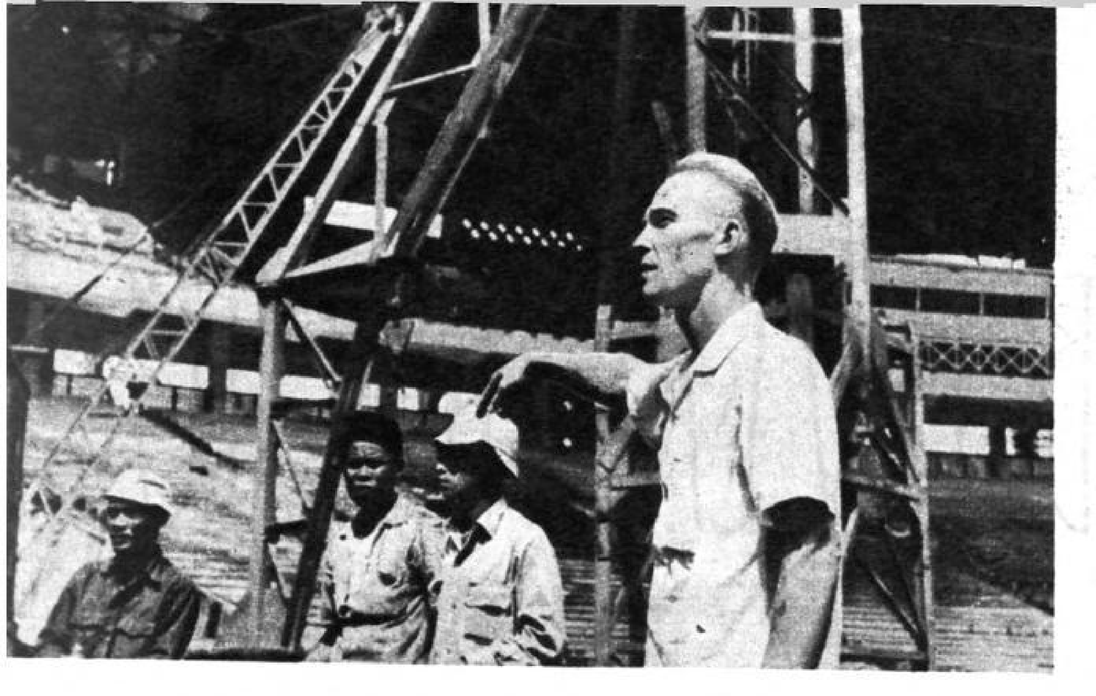
— Господин.

Вот так чудеса! «Господин»! За кого они меня принимают? К чертям: никакого «сахиба»!

Рабочие недоумевают. Этот светлоголовый не похож на «сахиба». Он записывает в блокнот слова их языка, подставляет плечо под груз, когда им тяжело, и приходит на работу раньше времени, чтобы они скорее научились делать то, что нужно.

Однажды на газопроводе случилась авария. Под угрозой пуск первой домны.

Когда в тот день кончилась



Среди рабочих-индонезийцев выделяется рослый светловолосый человек, явно наш соотечественник. Это и есть Иван Иванович Иванов.

Фото автора.

смена, его бригада стала собираться домой.

— Сколько времени? — поинтересовались, видя, что Иванов и не думает уходить.

— Не знаю. Сегодня часы остановились.

Они постояли в сторонке, пошептались — и остались.

Все дни прорыва они работали вместе с Ивановым по две смены, а иногда и по три и ни разу не спрашивали о времени. Беду отвели.

— Хорошо мы поработали,— сказал монтажник Бхали Рау.— Как богатыри. Одно только непонятно.

— Что именно?

— Мы перерабатывали — это понятно. Завод-то для Индии строится. Ну, а вы, вы-то что надрывались? Вы же эксперт.

Иванов рассердился.

— Неужели вы думаете, что я руки в брюки и домой, если калечится газопровод?

Когда он уезжал, его бригада прошла пешком десять километров, чтобы проститься с ним на вокзале. По местному обычаю сели выпить на дорожку крепкого чаю. Иванов снял часы и протянул Бхали Рау.

— Бери. На память.

Рау, положив часы на ладонь, обошел по кругу и показал всем.

— Советские?

— Да.

— Спасибо. Это большой подарок. Ты часто на них посматривал — торопился скорее дела делать. Твои часы показывают быстрое время. Это хороший подарок.

Поезд тронулся, и Иванову кричали с перрона:

— Счастливого пути, Ивановджи!

Так здесь обращаются к другу.

Спустя месяц уже в Москве Иванов прочитал в газете: первая бхилайская домна дала чугун.

— Нина! — крикнул он.— Наливай-ка чаю, да покрепче, по-индийски. Надо отметить!

— Что отметить? — удивленно отозвалась жена из кухни.

— Наши именины!

4. Иванов на Яве

...В самолете он всех удивил тем, что заговорил со стюардессой на хинди, особенно саму стюардессу — индианку.

— Где вы научились?

— В Бхилаи.

Она подарила ему сверх положенных от авиакомпании сувениров веер.

На стоянке в Сингапуре, в зале ресторана, где их кормили обедом, какой-то дряхлый старичок из пассажиров долго к ним приглядывался. Потом спросил по-русски:

— Вы из России?

— Да. Из Советского Союза.

— Дипломаты?

— Нет, рабочие. Работать летим.

Старичок заморгал ресницами.

— Мне, милостивые государи, трудно этому поверить.

— Согласны, трудно. Видите ли, все дело в том, что у нас давно уже нет «милостивых государей».

В Джакарте в первый же вечер Иванов утащил всех новичков на улицу. С ними пошел переводчик Зверев.

Совсем незнакомый мир. Даже на Индию не похож. Смотреть да смотреть! Да удивляться!

— Забавно, в Индии мандарины желтые, а здесь зеленые.

У стадиона дети, увидев их, кричат:

— Добра вечера!

— Саламат соре! — весело отвечает Зверев.

Иванов настораживается:

— Как ты сказал? Повтори!

На другой день новеньких вызывает главный инженер Тятенко:

— Прежде всего — сроки! Конечно, здесь трудно. Куда труднее, чем у нас, а работать нужно так же!

Это правда. Здесь трудно. То нещадно печет солнце, то наползают тяжелые тучи, небесные хляби с грохотом лопаются, как переполненные бурдюки, и обрушивают на землю потоп. Работа не останавливается даже в ливни. Сроки!

Иванов монтирует кровлю крытого зала. К пятнадцатому мая зал нужно сдать. И ни днем позже.

В его бригаде — деревенские парни, которые вначале раскрывали рты при виде башенного крана и на кровлю забирались не по лестницам, а по опорным столбам, как на кокосовые пальмы за орехами. Даже гаечный ключ вызывал у них удивление.

...Он приходит после смены измотанный, в рубашке, пропитанной потом и желтой джакартской пылью.

Нина накрывает на стол. Он устало жует и временами поглядывает в окно.

— Ну вот, опять кран стал!

Отодвинув тарелку, вскакивает и бежит снова на стройку.

...Крытый зал был сдан в срок. Когда в него вошли участники соревнований, в зале еще густо пахло свежей краской. Иванов сидел вместе со своей бригадой. Все глядели на арену, а они на потолок.

— А ты помнишь, Даданг, как мы выкурили все твои сигареты, когда поставили последнюю ферму?

— Помню! Ты еще пытался говорить только по-индонезийски.

— А ты только по-русски!

— И ребята так хохотали, что Джаманг чуть не сорвался с фермы!

В финале соревнований по бадминтону встречались Индонезия с Данией. Индонезия победила. Первая игра в новом зале и первая победа! Соседи бросились к Иванову с протянутыми руками.

— Я-то при чем? — недоумевал тот.

— Зал-то строил ты! Вместе с нами.

...Теперь они работали на большой арене. На совещаниях у главного знакомое: «Сроки! Сроки! На счету, товарищи, каждый день. В августе азиатские игры».

Даданг, бригадир монтажников, одним из первых русских слов выучил именно это — «сроки».

— Вы так торопитесь, словно скорее хотите от нас уехать! — смеется он, закуривая на ходу сигарету.

— А как же! Думаешь, у нас дома мало дел!

...Это случилось вечером. Иванов пришел после смены домой. Надел короткие штаны, с удовольствием опустился в кресло — получили московские газеты.

И вдруг крик с улицы:

— Стадион горит!

Предвечерняя тишина утомленного за день поселка взорвалась грохотом. Захлопали двери, застучали на лестницах каблуки, завыли автомашины.

Переодеваться было некогда. Он успел схватить только пластмассовый шлем от солнца. У его дома стоял дежурный «газик». Ждать нельзя. Люди влезали в машину на ходу. Он услышал голос Нины:

— Подожди! Я тоже!

Но «газик» с воем уже мчался к дороге.

За последними домами они увидели большую арену. Она была похожа на вулкан во время извержения.

Их «газик» подскочил к стадиону, кажется, первым. К ним навстречу бросился темнолицый человек в порванной рубашке и, протягивая руки вперед, срывающимся голосом закричал:

— Пожар! Пожар!

...Горели строительные леса. На ярусах они были так густы, что их называли джунглями. Судя по всему, они вспыхнули одновременно в разных местах и часть арены превратили в огненную Ниагару. Было слышно, как звонко похрустывают в огне бамбуковые опоры и временами глухо, как из-под земли, доносится грохот лопающегося от жара бетона.

Они бежали к огню. Люди спотыкались, падали, рвали одежду об арматуру. Бежали с пустыми руками. Они не знали, как тушить. Они знали, что надо тушить.

Их остановила тугая непреодолимая стена жары. Они похватали все, что попалось под руки: железные пруты, палки, доски и бросились на джунгли. Надо было преградить дорогу огню, как в настоящем горящем лесу, прорубить просеки. Надвигающийся пожар дважды заставлял их отступать. На третьей позиции они закрепились.

К ним на помощь торопились новые. Засверкали каски пожарных, и по обожженным спинам людей прокатилась первая спасительная струя воды. Искры сыпались им под рубашки, люди хрипели, задыхаясь от дыма.

...Напрягаясь из последних сил, Иванов пытался отодрать с опалубки доску. Чьи-то жилистые темные руки легли рядом с его руками. Когда доска поддалась, Иванов увидел перекошенное лицо Даданга. Замахнувшись кулаком на огонь, Даданг с ненавистью закричал:

— Это они! Я знаю, это они! Это те, кто стрелял в президента.

...Нина оттаскивала в сторону тлеющее бревно. Намокшее платье липло к ногам. Иванов окликнул жену, но она не услышала. Женщин было много. Наверное, весь наш поселок пришел спасать стадион. На нижнем ярусе скауты в синих рубахах выносили из зоны пожара сварочные аппараты...

...В поселок возвращались перед зарей, когда была потушена последняя головешка. Возвращались молча, как с похорон.

Дома никто не прилег. У порогов тоскливыми огоньками поблескивали сигареты. Женщины успокаивали детей.

Когда рассвело, не сговариваясь, толпами снова отправились к стадиону. Жены шли тоже. Из города подходили индонезийцы.

...Обгоревшие стволы креплений, рухнувшие бетонные перекрытия, из которых, как жилы, торчат металлические прутья каркаса, скорчившиеся словно от боли, стальные балки... Будто бомба упала.

Не могло загореться сразу в нескольких местах. Кто-то поджег. Кто-то из тех, кому грозил кулаком Даданг.

Днем на летучке Тятенко встает из-за стола и, глядя воспаленными глазами в зал, говорит:

— Товарищи, сроки остаются прежними.

...На площадке Иванова уже ждут монтажники.

— Что делать сегодня? — спрашивает Даданг и отшвыривает в сторону сигарету.

— На кондуктор готовить ферму Р-2,— говорит Иванов.— Детали по списку.

Сроки остаются прежними!

Стадион был сдан в срок. Зарубежные газеты писали о нем, что он великолепен, что в мире мало ему равных.

В срок открылись азиатские спортивные игры.

В поселке, где еще недавно жили наши строители, поселились спортсмены. Наши уехали домой.

Где они сейчас? Где Иванов?

Может быть, в Сибири, в Подмосковье, на Украине, может быть, еще где-нибудь...

Если вы увидите в окно вашего дома, как вырастает вблизи новый завод, или стадион, или больница,— значит, там и найдете этого человека.

Джакарта.

Владимир ФИРСОВ

Память

Поэма

1

Нет! Не ждали мы гостей,
Эдакого чуда —
Тридцать тысяч лошадей,
Тысяча верблюдов.
Бешено
Колокола
Били,
Били,
Били!
Вздрагивали купола
И гостей слепили.
Ощетинилась сосна,
Ель колючей стала,
И берез белизна
По глазам
Хлестала!..
У Батыя
От берез —
Слезы, слезы, слезы.
Не сдержать Батыю слез:
Больно
Бьют
Березы!
Ни проехать, ни пройти:
Все березы на пути.
Не проскачет богатырь,
Не пробьются грозы!..
И тогда
Велел Батый
Вырубить березы...

2

Пока мы судили-рядили
И ссорились меж собой,—
Пришельцы березы рубили,
И ханские трубы трубили,
И смертный готовили бой!..
Так что же случилось с тобою,
Земля,
Что в холодной ночи́
Березы —
На поле боя,
А воины —
На печи!
Каленые стрелы Батыя
Им видеть не довелось.
И снится им,
Снится Россия,
Белая от берез...
А утром,
Когда они встали,
Увидели в серой мгле:
Березы
Белели
Крестами
На вытоптанной земле.
И горько заплакал Ярило,
Заплакал над Родиной всей.
О, сколько беды натворила
Разрозненность русских князей!

3

То не осень плачет
В горькой вышине,—
Мой ровесник скачет
На седом коне.
Скачет на заставу
По лесам, лугам.
И тугие травы
Бьют по стременам.
Очи голубые
Смотрят в синеву...
Воины Батыя
Залегли в траву.
Молодой невесте
Друга не видать.
Не придется вместе
Ночи коротать...
Рано поредели
Русские леса.
Рано потемнели
Синие глаза!

4

Там, где солнце
Тихо за́ гору зашло,
Сколько нас, русоголовых,
Полегло!
Сколько нас?
Поди попробуй сосчитай!..
Будут матери и жены
Причитать,
Будут батьки седоусые
Рыдать!
Сколько нас?
Поди попробуй сосчитать!..
Подымая
Тучи пепла и золы,
На кровавый пир
Слетаются орлы.
А поодаль,
Боязливо семеня,
Черный ворон
Косит глазом на меня.
Я бы плюнул ему в очи —
Да невмочь!
Черный ворон,
Что ты хочешь?..
Черный ворон хочет ночь.
Черный ворон,
Черный ворон
Хочет мне помочь...
Там, где солнце
Тихо за́ гору зашло,
Сколько нас, русоголовых,
Полегло!
А как солнце
Поднималось из травы,
Сколько наших
Не подняло головы!..

5

Глаза у славян
Потемнели от гнева!
Пощады не жди.
Опять подпирают
Холодное небо
Косые дожди.
В глухой деревушке
За синей рекою,
В глубоком бору,
Не зная покоя,
Не зная покоя,
Не зная покоя,
Стучать топору.
Каленые стрелы
Ложатся в колчаны,
И кони храпят.
И матери плачут
Украдкой ночами.
Ночами,
Ночами не спят.
Стучит наковальня,
Стучит до рассвета,
Стучит!
До рассвета
Куются мечи.
Стучит наковальня,
Как сердце планеты,
В холодной ночи!

6

И гуси плыли,
Плыли,
Плыли,
Плыли
Над заводью немеркнущей
зари.
До хрипоты в колокола
Звонили,
Победу возвещая, звонари.
Гудели церкви, гулом налитые,
Летели в поднебесье купола,
И улыбалась
Древняя Россия
Той громкой славе,
Что ее ждала.
Рассветы над озерами вставали,
Размашисто
Пылали васильки,
Не торопясь,
Дороги пробивали
И превращались в реки
родники.
Такой простор,
Что не окинешь глазом.
Земля не молода и не стара...
Бродили по России
Богомазы,
Великие земные мастера.
Брело по небу солнце вслед
за ними,
Раздольно освещая даль
веков...
Им самыми что ни на есть
Земными
Казались лица праведных
богов.
Склонялся мастер
Головою русой
Над солнечной иконой
И не зря
Лукаво улыбался Иисусу,
Похожему
На Сеньку-звонаря.

7

Россия!
Не искать иного слова,
Иной судьбы
На целом свете нет.
Ты вся — сплошное поле
Куликово
На протяженье
Многих сотен лет.
Россия!
Зарождалось это слово
В звучании разбуженных мечей,
В трудах голубоглазого
Рублева
И в тишине
Предгрозовых ночей...
И вновь росли цветы
На поле брани,
На пепелищах
Пели топоры...
Мы все прощали!
Гордые славяне
Всегда великодушны и добры...
Россия!
Прозвучало это слово,
Вписав в бессмертье наши
имена,
От льдов Невы
До поля Куликова,
От Куликова —
До Бородина!..
Тебя хотели загубить,
Россия,
Отнять
Твою печаль и озорство.
Ты столько лет
Могла терпеть Батыя
И верных продолжателей его!

8

Я отстоял
Страну мою в боях.
А сею хлеб
Не на своих полях.
И силу,
Что горит в моих руках,
Проматываю
В царских кабаках.
Прости меня, страна моя,
Прости!
Я должен
Выход правильный найти.
Я отстоял
Страну мою в боях,
Я должен сеять
На своих полях!..
Да здравствует
Уменье
Побеждать,
Жить для людей
И за людей страдать,
Не падать духом
Пред лицом судьбы
И твердо понимать:
Мы — не рабы!

9

Века мы жили
И века терпели.
По пыльным трактам
Кандалы гремели.
Но все равно — веселые дела! —
Мы веселиться все-таки умели,
Звенели гусли,
Балалайки пели,
И братина с вином
По кругу шла.
Стонали песни на тропинках
узких,
Коль недруги
Большой дорогой шли.
Мы пуще глаза
Берегли
Свой русский
Родной язык доверчивой
земли.
Мы нежно берегли
Любое слово,
Чтоб, чистое,
Оно дошло, звуча,
До Пушкина, Некрасова,
Толстого,
До нашего родного Ильича.
Оно шагало вместе с нами,
рядом,
Не зная и не ведая преград.
Вздымало гордо

Флаг над баррикадой,
Победное, врывалось в
Петроград.
Нам это слово приносило
счастье.
(Не зря его веками берегли!)
Декретами моей Советской
власти
Оно пришло
Во все края земли!

10

Ни возгласа.
Ни слова примиренья.
Я — безымянный.
Я умру в ночи...
Меня уже пытали палачи
За семь веков
До моего рожденья.
У рыжего эсэсовца глаза
Глядят так ненавидяще
и стыло,
Как у того,
Что семь веков назад
Мне выжег очи и зарыл
в могилу.
Он разъярен.
Он не поймет никак,
Откуда у меня берутся силы...
А я — бессмертен,
Как бессмертен флаг,
Что реет над Москвой
И над Россией!
Бессмертен я,
Пока они живут,
Родимые смоленские березы,
Пока по небу облака плывут
И травы на заре роняют росы,
Пока не меркнут Ленина слова,
Пока жива великая свобода!
Бессмертен я,
Пока она жива —
Бессмертная история народа!

11

О Родина!
Смогу ль забыть
Твои нелегкие победы,
Твои немыслимые беды,—
Забыть, как прадеды и деды
Умели драться и любить?
О Родина!
Всегда с тобой!
Мне вечно жить и вечно
помнить
На Куликовом поле бой
И бой на Бородинском поле.
Мне помнить битвы, и кресты,
И падающие березы,
И родниковой чистоты
Невысыхающие слезы!..
Я знаю, память не солжет!
Уйдя в живых и в обелиски,
Она умело бережет
Все то, что дорого и близко.
О память Родины!
Она
Прошла походкою солдатской
Из-под знамен Бородина
Под пули площади Сенатской.
И хоть не легок путь бойца,
Она прошла
Путем былинным
От взятья Зимнего дворца
И до победы над Берлином!..
У памяти свои права
На все, чем мы живем, живые.
И все-таки
Моя Россия
Не только памятью жива.
Она жива великим днем
Своей большой и гордой славы,
Где домен огненная лава
Горит негаснущим огнем;
Где, темноту навек рассеяв,
Моя высокая земля,
Как Млечный Путь, летит,
Пыля
Огнями Волги, Енисея;
Где вновь, опередив мечту,
Туда, под звезды золотые,
Стрелой,
Сразившею Батыя,
Летит ракета в высоту.

Парашюти

В квартире у Соручан уничтожили все, что могло бы служить уликой. Договорились, как держаться, если нагрянет полиция.

Лубянову Авдеев перевел в катакомбы. Сам он тоже не приходил ночевать.

Ночами, лежа без сна, Катя вслушивалась в полную шорохов тишину. Мысли были о Вере — Доре Мамедовой: «Схватили! Что же еще? Схватили, допрашивают...»

Связная Авдеева, она, Вера, знала почти все адреса и явки, командиров групп и командиров районов — руководящий состав подполья. «Я б им ничего не сказала, гадам,— думала Катя, меряя на себя то, что, возможно, приходится терпеть Вере, и цепенея от ужаса при этом.— Все равно не сказала б, пусть бы лучше убили...»

День шел за днем, полиция не приходила. Слежки за квартирой тоже как будто не было. Значит, если Веру схватили, она молчит.

Катя бродила по улицам, подолгу простаивала на перекрестках, ожидала: может быть, Веру поведут.

Одесситы знали этот способ приманки: арестованного гонят по городу будто без стражи, будто он на свободе. А на расстоянии следует агент. Наблюдает: кто поздоровается, кто подойдет.

Она бы не подошла! И Вера бы ее не признала — в этом Катя не сомневалась. Ей хотелось лишь издали поддержать ее взглядом.

— День-два еще поработаем, Катя, и я исчезну,— сказал ей однажды Авдеев.— Уйду под землю, никто меня не достанет. Связь со мной будешь держать.

Это было первого марта. Заночевал он в ту ночь у Соручан. Встал на рассвете. Держался бодро, пытался даже шутить: «Иду на свидание к девушке!» Он шел на явку к Шуре Лубяновой.

Вот как вспоминает об этой явке десантник Емельян Павлович Баркалов: «Второго марта, в шесть часов утра, Василий Дмитриевич вызвал меня на явку в Прохоровский садик. У меня было много сведений от районных разведок, которые я собирался доложить Авдееву.

На явку пришли еще Дроздов и Лубянова. Это показалось мне необычным. Никогда мы не являлись по три человека в одно место и в одно время.

Чувствовалось: Авдеев расстроен. На его лице была какая-то печаль. Говорил он мало, задумчиво. Сказал, что за нами следят и что мы должны быть очень бдительны, осторожны...»

Об этой явке рассказывал и Дроздов.

«...Я небритый был, заросший. На явку в своей одежде пришел, а до этого, для конспирации, ходил в словацкой форме.

Авдеев на меня поглядел, покачал головой, показывает глазами на руку (рука у Дроздова искалеченная). Вижу: сердится. «Почему,— говорит,— перчатку не носишь, Степан? За тобою охотятся. Ты же сам выводишь на след: рука твоя — видная примета». Я сказал ему, что «Дед» (Овчаренко — комиссар ильичевцев) арестован. А он уже знал, нахмурился. «Что же,— говорит,— революция не бывает без жертв. Мы с тобой знаем это, и сами должны быть готовы ко всему».

* * *

Окна квартиры Винтера выходили на улицу. С противоположной стороны улицы Мамедова увидала: занавеска на правом окне отодвинута, открыта форточка — условный знак: все в порядке, можно входить.

Дора вошла в подъезд, поднялась по ступенькам, постучала. У Винтеров никто не откликнулся. В соседней квартире чуть приоткрылась дверь. Кто-то — Дора не успела разглядеть кто — отрывисто бросил:

— Нету там никого, уходите.

Дверь бесшумно закрылась.

С недобрым предчувствием вышла Мамедова на улицу. Неторопливо дошла до маленького пустынного сквера. Села на скамейку в самом дальнем углу: отсюда просматривался весь сквер и прилегавшая к нему улица.

Холод шел от промерзшей земли, застывали ноги. С моря дул пронзительный ветер, швырял в лицо ледяную крупу. Улица выглядела пустынной. Редкие прохожие шли быстро, почти бегом, обмотавшись платками, подняв воротники.

К Доре никто не подходил. Слежки как будто не было. Она поднялась и пошла, петляя по переулкам. Иногда заходила в подворотню, и, поправляя чулок, оглядывала улицу. Нет, за ней не следили.

Вернуться ни с чем к Авдееву она не могла. Обдумав, решила повидать Барову: может быть, та знает что-либо о Винтере и поможет связаться с ним.

С Баровой Дора встречалась на квартире ее приятельницы-гадалки. Гадалка жила напротив немецкой комендатуры. Гаданием занималась открыто. Это было удобно для конспирации: к гадалке ходили люди. Людям нужен был свет надежды, пусть обманчивый, пусть неверный.

Дверь в квартиру была не заперта. За столом, напротив гадалки, спиной к двери, сидела женщина в темном платке.

—...Для тебя, для сердца, для дома,— приговаривала гадалка, раскидывая карты привычной рукой.

Дора разделась, положила пальто и платок на стул и, дождавшись, пока женщина поднялась, села на ее место.

— Погадаете?

Тяжело вздыхая, женщина топталась у двери, надевала пальто.

Гадалка перетасовала карты, протянула Доре колоду, и Мамедова, как полагалось, сняла половину колоды левой рукой.

— Вас искали,— дождавшись, пока закроется дверь за женщиной, негромко сказала гадалка.— Приходили, спрашивали...— Она не успела закончить фразу. Снова скрипнула дверь. Шаги. Мужской басовитый голос сказал: — Погадаем, мамаша?

Гадалка молча кивнула. Лицо ее стало каменно-напряженным. На скатерть ложились карты: дамы, валеты, короли...

—...Будет тебе с дороги казенный дом,— привычно выговаривала гадалка,— будет казенный король. Будет большой его интерес к тебе.

Дора понимала: предупреждает.

За спиною поскрипывали стулья, ощущение опасности шло оттуда.

— Ничего хорошего вы мне не нагадали,— она заставила себя встать,— зайду денька через два, еще попытаю счастья.

Обернулась, увидела: двое в штатском сидят, ожидают, курят.

«За мной!» — подумала Дора. Страха не было. Одна напряженная мысль: уйти. Кажется, на кухне есть черный ход...

Оставив на стуле пальто, Дора накинула платок и вышла, будто за надобностью. Но тотчас услышала шаги за собой. В проеме кухонной двери появился тот, что постарше, мордастый.

— Спички есть? — Он, не скрываясь, разглядывал ее.

— Некурящая.

Дора зачерпнула кружкой воды из стоящего на кухонном столе ведра. Делала вид, что пьет, а глотнуть не могла: сдавило горло.

Вернулась в комнату. Другой, помоложе, неловко сидел на стуле перед гадалкой, та задумчиво тасовала карты.

Дора оделась, вышла. Никто не последовал за ней. По улице шагала неторопливо. Не оглядывалась, не останавливалась, только слишком громко стучало сердце...

Двое в штатском показались из-за угла. Подошли вплотную.

— Документ!

Вынула документ — удостоверение на имя Сыренко Веры, местной жительницы. Подала и — рывком назад, бежать... Сзади два пистолета: двое — те, что приходили к гадалке.

За углом стоял полицейский фургон. Открылась дверца. Изнутри чьи-то руки втащили Дору. Сильный, жесткий удар в лицо. Закачалась, как на волнах, машина...

Кто-то стукнул шоферу: «Ну!»

—«...И в дальний путь на долгие года...» — затянул с издевкой мордастый...

— Как мышонка взяли, ну, как мышонка! — рассказывает Мамедова.— Если б был у меня с собой пистолет...— И тут же обрывает

Окончание. См. «Огонек» № 47.

сты

себя: — Да нет, ничего бы не помогло.

...Машину вплотную подогнали к подъезду. Открыли дверцы. Беги! Погнали по лестнице, загнали в комнату. Сорвали платье, обыскивали.

— Вы ж мужчины!

— Парашютистка?! — Следователь и двое подручных говорят по-русски.

— Вы что?! Всю жизнь в Одессе живу.

— Лжешь! — Удары. Короткий приказ: — Винтера!

Вводят. Весь избитый, в крови. Показывают ему на Дору:

— Это кто?!

— Вера. Она...— Глаза виноватые, собачьи.

Василий Дмитриевич Авдеев. Довоенный снимок.

Василий Дмитриевич Авдеев в одесском подполье.

Дора Мамедова.

О Винтере я должна рассказать подробнее. Он немец, родился в России. Бывший председатель колхоза, бывший член Коммунистической партии.

Оставшись на оккупированной территории, открыл закусочную «Дансинг».

Следуя приказу оккупационных властей, зарегистрировался в сигуранце как коммунист. Впрочем, это последнее обстоятельство стало известно позже. Мамедова и Авдеев ничего об этом не знали.

Я видела следственные материалы по делу Винтера. Вот как из его показаний вырисовывается первая встреча с Авдеевым-Черноморским.

8 или 9 февраля в одном из городских скверов Мамедова познакомила Винтера с Авдеевым и Днепровым. Оставив Днепрова с Дорой, Авдеев и Винтер ушли вперед.

— Мне известно, что ты, член партии, самоуправно остался на захваченной врагом территории. Я считаю тебя изменником! — беспощадно прямо сказал ему Черноморский.— Может быть, ты рассчитываешь, что немецкая армия, покидая Одессу, захватит тебя с собой? Напрасно! Ведь тебе даже не дали «Аусвейс» — немецкого удостоверения.

Авдеев знал, куда целит. В сорок первом или в сорок втором году он скорее всего не решился бы на связь с Винтером. Но шел тысяча девятьсот сорок четвертый год, и Красная Армия с боями приближалась к Одессе.

Винтер не мог не думать об этом. Это должно было толкнуть его на союз с партизанами.

Вот почему Авдеев ни о чем не спрашивал Винтера. По существу, он приказывал ему. И тот молчаливо принял его приказ.

19 февраля на квартире у Зайцева Винтер и Мальцев дали партизанскую клятву, в которой были такие слова:

«...Я клянусь, что никогда не выдам своего отряда, своих командиров, и комиссаров, и товарищей партизан, всегда буду хранить партизанскую тайну, если бы это даже стоило мне жизни... Если же по моей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту священную клятву... пусть меня постигнет суровая партизанская кара как врага Родины и народа...»

Если бы все шло гладко, Винтер скорее всего добросовестно выполнил бы то, что от него требовалось. Но он попался, и под давлением сложившихся обстоятельств его политическая нестойкость превратилась в предательство.

В ночь на 23 февраля Винтер был арестован по доносу: одна из доставленных десантниками и розданных Винтером брошюр попала в руки агента ССИ.

На допросах Винтера избивали, и он признался, что брошюру эту получил от девушки по имени Вера и что с девушкой этой его познакомила Барова, которая через нее же получила письмо от сына с советской стороны.

Это сразу насторожило ССИ. Заброшена девушка? А может быть, даже и сын — офицер Советской Армии. А в городе, по донесениям внутренних агентов, действует группа парашютистов...

Где найти Веру, Винтер не знал, но сказал, что это может знать Барова. И гончие побежали по следу.

Винтера продолжали избивать, и он одну за другой называл фамилии подпольщиков, завербованных им же самим. Очередь дошла и до Мальцева. Винтер рассказал, что к Мальцеву на квартиру поместил «партизанского начальника» Днепрова.

При этом он письменно обязался содействовать розыску Веры, Днепрова, а также «начальника» Днепрова. Винтер имел в виду Черноморского, о котором более ничего не знал.

Сперва, не трогая Мальцева, контрразведка установила наблюдение за его квартирой. Однако благодаря тем мерам предосторожности, которые Авдеев принял после исчезновения Мамедовой, это ничего не дало. Предупрежденный Авдеевым, Днепров у Мальцева больше не ночевал.

Тогда арестовали Мальцева. Тот вначале пытался все отрицать. Привели Винтера.

— Расскажите этому дураку,— приказал следователь,— где и при каких обстоятельствах вы его познакомили с Днепровым.

— Гриша, зачем тебе надо, чтобы тебя избивали? — сказал Винтер.— Зачем тебе на́до погибать за кого-то? Говори им всю правду, им все известно!

В тот же день Мальцев также дал обязательство содействовать розыску партизан Днепрова и Черноморского.

Допрос за допросом... Парашютистка? Радистка? Где рация? Явки? Квартиры?

...Очная ставка с Овчаренко. Избитый, измученный! Не лицо — сплошной синяк. Но чувствуется: настроение воинственное. Незаметно подмигнул Доре. Какое там подмигнул! Чуть сощурил опухший глаз: держись!

Не признали друг друга.

Однажды в камеру к Доре бросили девочку. Это случилось вечером. Тускло светила лампочка под потолком. В углах притаились тени.

— Эй, хозяйка, принимай квартирантку! — едва закрылась за стражником дверь, затараторила девочка. А разглядев Дору, ахнула: — Ой, да как же они вас разукрасили!

Огляделась. Попробовала ладонью топчан — матраца не было. Развязала свой узелок, вынула хлеб, разломила его пополам. Присела на корточках подле лежавшей на полу Доры.

— Ешьте! И я поем. Я, когда волнуюсь, ем, ем!

Звали девочку Надей. Она рассказала, что взяли их вместе с матерью по подозрению.

— Придумали, будто мы партизана скрываем, надо же! Придрались: почему, мол, не сразу открыли дверь. А мы с мамой прямо-таки испугались. Подумали, жулики! Нам и в голову не пришло, что это полиция.

Дора, слушая Надю, не сомневалась: за дверью был партизан. И Надя с матерью дали ему возможность уйти.

Улик против Нади не было. На допросах Надя божилась и плакала. Доре казалось, что ее выпустят. Она решила рискнуть.

— Посчастливится тебе выйти,— сказала Дора,— передай моим родичам записку.

Выплели ленточку из Надиной косы. Ржавым гвоздем от топчана прокололи пальцы — у кого быстрее кровь побежит. И, макая гвоздь то в свою, то в Надину кровь, Дора написала на этой ленточке: «Я сижу. Меня выдал Винтер».

...После допросов бросали в камеру. Камера при кабинете следователя. Все слышно: как допрашивают, как мучают.

Однажды кто-то прибежал к следователю, рассказывает: взяли партизанского главного. На улице, шел на явку. Мальцев его опознал.

Вскоре вызвали Дору, не допрашивали, не били, вывели. Пахло талым снегом, весной. Падали со звоном сосульки.

Ввели в ворота соседнего с сигуранцей дома. В этом дворе — тюрьма. Погнали по лестнице: «А ну, бегом!»

Какое уж там бегом! Идти и то не могла — опухли пятки: на допросах били по пяткам...

Камера. На койке, как был в телогрейке и сапогах,— Авдеев. Голова кое-как перевязана. Залито кровью лицо. На бороде кровь.

— Это кто? Черноморский?

— Первый раз вижу.

— Лжешь!

— Зачем? Все равно ведь... Убит человек.

— В эту минуту я себя кончила жалеть,— рассказывает Мамедова,— мне себя нисколько не жалко стало.

В перерывах между допросами она лежала у себя в камере и, стараясь не шевельнуться, чтобы не растревожить боль, думала, вспоминала. Смешалось время: месяцы, дни, события. Звучали в воспаленной памяти фразы, обрывки фраз, песен.

А молодого партизана
Ведут с разбитой головой...

Фальшивишь, Дора, фальшивишь! Пахнет солнцем, укропом, картофельной высохшей ботвой.

Это они с Василием Дмитриевичем в Донецке, на чердаке у Семеновых, чистят оружие и поют.

Как же он любил песню!

По полю танки грохотали,
Матросы шли в последний бой...

Фальшивишь, Дора, фальшивишь...

«...Что ты букли повыставила? Думаешь, это красиво? Ну-ка, сделай прическу поскромнее». Воспитывал!

Все сердечные дела ее знал. Когда еще в Таганроге стояли, готовились к вылету, советовал:

«С этим, Дора, ты не ходи. Мне решительно он не нравится. Фанфаронит! А стоящий человек всегда прост!»

Вот умел он как-то с девчонками по-девчачьи. С хлопцами по-мальчишечьи. К каждому был у него душевный интерес. И подход остроумный, с хитринкой.

И все любили его. Даже те, которые уже совсем «оторви да брось».

«...Вам бы в трудовой колонии работать, Василий Дмитриевич. Правда! С самыми что ни на есть закоренелыми...»

«Вашу Дору я буду беречь, как свои глаза»,— это он отцу ее так сказал в Ростове, когда перед вылетом приехали прощаться из Таганрога.

А однажды вот еще что сказал: «Вернемся, и я вас с Димкой (сыном его) поженю. Будете оба при мне, до самой смерти».

«...Милая Дора, нам с тобой придется рискнуть...»

О подробностях захвата и гибели Авдеева и о предшествовавших этому обстоятельствах стало известно из письма начальника Одесского управления КГБ.

Вот что говорится в этом письме:

...Второго марта Черноморский с Днепровым встретились, как было условлено, утром в половине восьмого на Старопортофранковской улице.

Было слякотно. Шел не то дождь, не то мокрый снег. Разговаривая, они свернули в Треугольный переулок.

Днепров сказал Черноморскому, что арестован Мальцев. Поздно вечером накануне он зашел к Мальцеву: хотел выяснить, нет ли каких-нибудь известий о Винтере. Но едва поднял руку, чтоб постучать, соседка Мальцевых, выбежав из своей квартиры, схватила его за руку: «Бегите! Гриша арестован. У них засада...»

Днепров неожиданно замолчал. Проследив за направлением его взгляда, Черноморский увидел: навстречу им, по середине мостовой, с портфелем шел Мальцев. А по тротуару, заметно стараясь держаться поодаль от него, следовал человек в штатском.

— Будем расходиться,— сказал Черноморский.

В эту минуту Мальцев увидел их.

...В поисках Днепрова и Черноморского вот уже несколько дней ходили по городу Винтер и Мальцев, каждый в сопровождении агента. До сих пор удача, однако, им не сопутствовала.

В этот день Мальцев также вышел из дому рано утром в сопровождении агента по фамилии Магелат — это был тот самый «мордастый», что у гадалки выследил Дору.

Следуя на небольшом расстоянии друг от друга, они направились к месту работы Мальцева, который предполагал, что, может быть, Днепров заглянет к нему в контору.

Мальцев и Магелат неторопливо шли по Треугольному переулку. Вдруг Мальцев, задержавшись на миг, сделал условное движение портфелем.

Но, видимо, сомневаясь, поймет ли Магелат, сблизился с ним и, чуть обернувшись, быстро сказал:

— Тот, что в очках и держит руку в верхнем кармане курточки,— Хозяин Днепрова. Второй — Днепров.

Магелат мгновенно двинулся по направлению к Черноморскому. Он думал, что Днепрова возьмет на себя Мальцев, но тот, еще не утратив надежды остаться в тени, за ним не последовал.

— Руки вверх! — Выхватив револьвер, Магелат шел на Черноморского. В ответ Черноморский выстрелил. Магелат успел отскочить за дерево — пуля не задела его.

Черноморский бежал по Треугольному переулку в сторону Привоза.

Стреляя вслед, гнался за ним Магелат.

Шарахались в панике прохожие, пустели улицы.

Укрываясь от пуль и одновременно отстреливаясь, Черноморский перебегал от дерева к дереву. Однако момент был потерян. Сбегались на выстрелы военные, включались в погоню.

Была слякоть — нерастаявший снег, скользили ноги, и бежать становилось все труднее. Патроны в обойме подходили к концу. Черноморского окружили.

Понимая, что не уйти, последним патроном он выстрелил в себя.

Целился он в висок, но в этот миг оступился. И пуля не убила, а лишь тяжело его ранила.

У одного из дворов стояла рабочая подвода.

Окровавленного, полицейские уложили его на эту подводу, доставили на улицу Бебеля, в центр охранки.

О захвате «большого партизана» немедленно доложили высшему начальству.

Последовал категорический приказ: «Привести в сознание, хотя бы на несколько часов».

В тюремной машине Авдеева перевезли в клинику пособничавшего оккупантам профессора Часовникова. Там ему сделали операцию. Операция была тяжелой и длительной. Но сознание не возвращалось к Авдееву.

За поимку «большого партизана» агенту Магелату была выдана награда: пять тысяч лей. Мальцеву было обещано прощение и приказано продолжать поиск.

«...Захватив Авдеева, оккупанты по-прежнему не знали, с кем они имеют дело...— говорится в письме.

...Мамедова на допросах молчала. Винтер и Мальцев не могли сказать больше того, что знали, а знали они только то, что и Днепров и его старшой «дядя Яша», или Черноморский,— «партизанские начальники».

В этом же письме, основанном на сообщениях свидетелей-очевидцев, обстоятельно и, я бы сказала, проникновенно рассказано о последних минутах жизни Авдеева.

Я позволю себе, ничего не меняя, повторить это:

«...У постели Авдеева безотлучно дежурили офицеры охранки, переодетые санитарами. Им было приказано ловить и записывать каждое слово, произнесенное умиравшим.

Авдеев бредил. Дежурные жандармы могли уловить только одно слово — «Днепр». Видимо, командир в бреду звал своего начальника штаба.

Вечером четвертого марта Авдеев внятно произнес: «Значит, не взяла». Возможно, он имел в виду пулю, которая была в его пистолете последней. Сестра возилась с бинтами и, услышав голос больного, подошла к койке.

— Бредишь все каким-то Днепром,— только и успела она сказать. Авдеев снова впал в забытье, которое продолжалось до следующего дня.

Утром пятого марта к Авдееву вернулось сознание. Из-за бинтов на лице он ничего не видел, не отвечал на вопросы. Дежурный агент вызвал в больницу своего шефа. Тот незамедлительно явился, рассчитывая получить от полуживого партизана ценные сведения. Выходец из Бессарабии, он безупречно владел русским языком. Одетый наскоро под доктора, при входе в палату он сказал:

— О, мы еще поживем, батенька!

Авдеев попросил высвободить из-под повязок глаза. Правый был выбит. Левым он всматривался в холеное лицо «врача», в подтянутую фигуру «санитара». Из-под докторского халата жандармского шефа выступали начищенные до блеска сапоги. На сапогах были шпоры.

Последним усилием Авдеев приподнялся с подушки и, срывая бинты, с размаху ударился раздробленным правым виском о железную спинку больничной кровати...».

Хлынула кровь. Смерть наступила почти мгновенно.

...Из охранки, где людей держали в предварительном заключении, Мамедову перевели в тюрьму, в одиночную камеру.

Сквозь высокое зарешеченное окно был виден кусочек неба, чаще серый, иногда ослепительно голубой. Шел конец марта.

На последних допросах ее не били. Допрашивал новый — франтоватый брюнет. Был он не из охранки, а, как поняла Дора, из следственных органов прокуратуры.

Допрашивал он небрежно, словно ему давно надоело все это. Задавая вопросы, рассеянно поигрывал золотым наконечником авторучки.

Однажды Мамедовой почудился гул орудий. Затаив дыхание, она прижалась щекой к наружной стене. Отдаленно слышалась канонада. Сомнений не было, где-то шел бой.

«Наши!» Дора металась по своей камере. Три шага — и стена. И опять стена. Она задыхалась от отчаяния.

«...Как мне мухой хотелось стать, комашкой, насекомым,— рассказывает Мамедова,— только б вылететь, уползти...— И отворачивается. И говорит виновато: — Нервы уже не те, сдают нервы...»

С того дня тревога охватила тюрьму. День и ночь гудели тюремные лестницы, слышно было, как сверху вниз таскают по ним тяжелые ящики. Слышно было, как выводят людей: оккупанты готовились покинуть Одессу.

...Стук в камеру:

— Собирайся!.. Выходи!

На дворе глубокая ночь. Дождь туманный, беззвучный. У подъезда тускло горит фонарь. Выходят люди и почти сливаются с темнотой.

Машина крытая. Охранники с автоматами.

— А ну, пошевеливайся! Живее!

Погрузились. Тронулись. От движения позвякивает что-то на дне машины. На ощупь это лопаты, земля на них еще не засохла.

Для чего в машине лопаты?

Едут. Разговоров не слышно, только дыхание. Да вздох иногда прорвется, как стон.

«...И как будто все это не со мной,— теперь рассказывает Мамедова.— Я как будто книгу читала. Книга очень тяжелая, но она о ком-то другом».

«...Глуховатый голос негромко: «Это, кажется, еврейское кладбище! (Темно ведь! По каким приметам узнал?) И настороженно: «Кажется, здесь... расстреливают...»

В ответ — ни звука.

Не остановилась машина. Проехали.

— Где же это... они нас...— Голос теперь уже другой. Слышно, как тяжело языком ворочает человек.

Едут. Тьма становится все прозрачнее. Ветер. И ощутимо запахло морем.

«Видно, в море... чтоб следов не осталось...»

«В море?! — Эта мысль, как удар, впервые.— Сразу пойду ко дну. Я не умею плавать».

Остановилась машина. Команда: «Выходи!»

Выходят. Мужчин, ну, может быть, десять. Женщин — две. Одна из них — Дора. Она здесь моложе всех.

Опаленное место: разрушенные дома, завалена камнями дорога, бомбили, видно.

Пахнет морем. Еще над землей туман, а птицы щебечут так, что воздух звенит их щебетом.

— Стройся! Шагом!

Идут молча, ровно, неторопливо, лица серые, как рассвет.

Люди разные, лица разные, но в глазах, в движении, в молчании что-то схожее — будто все они уже за какой-то гранью.

«А я не хочу, не хочу!» — шагая вместе со всеми, стиснутыми губами беззвучно кричит Дора.

За поворотом железнодорожная станция. У платформы состав. Вдоль состава ходят охранники.

Значит... Значит, еще не сейчас, не сию минуту...

А раньше жила она не думая, не сознавая, какое же это благо — жить.

* * *

...Когда наши части заняли город, тело Авдеева удалось разыскать.

Хоронили его с боевыми почестями на площади Иванова, куда он не раз приходил на партизанские явки. В скверах и на городских площадях хоронила в ту пору своих героев Одесса.

Теперь могила Авдеева перенесена на кладбище. На ней надгробная плита из темного мрамора. Надпись:

«Здесь погребен Авдеев Василий Дмитриевич — командир партизанских отрядов города Одессы. Геройски сражался в тылу у врага. Пал смертью храбрых 2 марта 1944 года».

Пал смертью храбрых...

ПОД ИВАМИ ПХЕНЬЯНА

Иван ТАРБА

ЧИТАЮ ПО-АБХАЗСКИ

К трибуне я иду не без опаски.
Внимательны корейцы и тихи.
А я стихи читаю по-абхазски,
как будто я читаю не стихи,
а водопадов гул, и грохот моря,
стук топоров, гудение пиров,
рев тракторов, и шелесты нагорий,
и тихий треск пастушеских костров.

Язык абхазский, здесь, в стране далекой,
пришел ты вновь на помощь, как отец.
Ты в жизни моей — горная дорога
к вершинам человеческих сердец.

Дыша аджикой и морскою солью,
и Гумистой взволнованной дыша,
звучит, насквозь просвечен горным солнцем,
язык мой — моя совесть и душа.

Читаю я. Не надо перевода!
Забыл я свой первоначальный страх.
Язык гортанный моего народа
звучит в Корее на моих устах.

Язык абхазский, зелен ты и снежен.
Мой стих, ты будь достоин языка,
который дал тебе такую свежесть,
как свежесть утра или родника!

Я вижу гор далеких очертанья.
Мой голос из Кореи слышен там
сухумским пальмам, лозам Ачандары,
пицундским соснам, смуглым рыбакам.

Корейцы смотрят добрыми глазами.
В сердца стучусь я, как в дома друзей...
Так я в Корее выдержал экзамен
на языке Абхазии моей.

СЕРДЦЕ НЕ РАЗДЕЛИШЬ

Тебе во мгле рыданья слышатся
за стуком, шелестом и каплями:
ведь если плохо твоей родине,
то, значит, плохо и тебе.
На простыне тебе так холодно,
как на полу тюремной камеры.
Встаешь и ходишь ты по комнате
всю ночь с бессонницей в борьбе.

Когда была самой природою
тебе, младенцу, жизнь подарена,
и ты услышал плач свой радостный
и сердца собственного стук,
то над тобой склонилась родина.
Весь шар земной с морями, далями
она тебе, как будто яблоко,
вложила в пальцы пухлых рук.

Когда ножонками неловкими
ты прикасался к травам утренним,
когда ты пил глотками жадными
из той, единственной груди,
то на тебя глядела родина
глазами добрыми и мудрыми.
Она в тебе мужчину видела.
Она промолвила: «Иди!»

И ты пошел дорогой трудною
сквозь все неправды, слезы, горести.
Ты видел нищету, давившую,
но знал, что нищий — только тот,
кто оставляет свою родину,
и ты в любой беде не горбился,
а кулаки сжимал упрямые,
и, стиснув зубы, шел вперед.

У тех истоков, где рождаются,
ключи не остаются горные.
Они водой с морями делятся —
так уж судьбою им дано.
И сердце родины всем делится,
такое нежное и гордое,
но в то же время неделимое,
как сердце матери, оно.

Возможно ли на небе родины,
для вольных птиц и песен созданном,
представить трещину, что надвое
собой расколет синеву?
Возможно ли представить линию,
что вдруг разделит братьев с сестрами,
отцов — с детьми и дедов — с внуками?
А так случилось наяву.

И потому не спишь ты в комнате,
когда твоя Корея ранена,
и потому ты слышишь в полночи
рыданья каждого села.
Нет, не кореец, отвернувшийся
от раны в сердце своей родины,
и лишь кореец тот, кто чувствует
ту рану в сердце у себя.

Кореи сердце перерезано
границей, как рекой кровавою.
Нет в сердце юга или севера.
Корейцы вместе жить должны!
И над заморскими эсминцами,
над часовыми и заставами
ночами в воздухе встречаются
дыханья, мысли, стоны, сны.

Я гость в Корее из Абхазии,
но я себя корейцем чувствую,
и, как кореец, я в бессоннице,
и рана та во мне горит,
и, как корейцу, слезы горькие
в пхеньянской полночи мне чудятся.
Нет, не разделишь сердца надвое —
так мое сердце говорит!

ПЛАКУЧИЕ ИВЫ ПХЕНЬЯНА

Плакучие ивы Пхеньяна
в сверкающие ручьи
склоняют благоуханно
зеленые косы свои.

Гляжу сквозь дымок папиросы,
как, ими осенена,
венком свои черные косы
несет кореянка одна.

В смешении листьев и света,
где знойная летняя лень,
по теням узорным от веток
проходит она, словно тень.

Ей ивы бормочут певуче,
Неверно название ив!
А если они и плакучи,
то слезы от счастья у них.

Те ивы, ветвями качая,
дыша, как сама благодать,
прохладу вбирают ночами,
чтоб девушке утром отдать.

Трепещут они осиянно,
когда она гладит листву.
Простите, я ивы Пхеньяна
плакучими не назову...

Перевел с абхазского
Евг. Евтушенко.

СКАЧОК ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ

У памятника Сухэ-Батору.

Монголия...

Необъятные степные просторы, пламенеющие закаты над озерами, горные цепи Гобийского Алтая... Какая удивительно романтическая страна — Монголия!

Заговорите об этой романтике с любым жителем Монголии — аратом, интеллигентом, рабочим. Вас поймут и будут вам благодарны. Какой же монгол не влюблен в свою страну!

Но после того, как вы внимательно выслушаете одного, другого и третьего монгольского собеседника, понятие об этой стране и о романтике у вас станет иным, более широким.

Монголия первой из стран мира, после Советского Союза, начала строить социализм.

...Средневековье, князья, буддийские монастыри... Никакой промышленности. Как можно строить социализм в стране, где и рабочий-то класс еще не народился?

Оказалось, можно. И это был великий урок для многих, очень многих слаборазвитых стран. В. И. Ленин сказал: «С помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

Монголия совершила гигантский скачок от феодальной отсталости, минуя капитализм, к социализму.

Посмотрите сегодня на Монголию. Нет, это давно уже не слаборазвитая страна! Побывайте на ее рудниках, на крупных промышленных комбинатах, на шахтах, на нефтяных разработках, в институтах! Прислушайтесь к рокоту моторов — эти самолеты ведут монгольские летчики! Посмотрите на необозримые степи из окна поезда, несущегося через страну! Веками лежала здесь нетронутая целина, сейчас по всей стране она распахивается, эта целина, и куда бы вы ни попали, вас везде встретят веселые лица монгольских трактористов.

«Степь — дом, бугор — подушка» — эта лихая поговорка еще недавно была в ходу у монголов. Посмотрите сегодня на огромное строительство, которое идет везде, под теми же голубыми небесами, с теми же оранжевыми закатами у рек, озер,— повсюду. Не «степь — дом», а дома, дома, дома в степи...

Привет тебе, новая, прекрасная Монголия!

Улан-Батор.
Фото ТАСС.

А. СОФРОНОВ

Ладони твоих братьев

Председатель колхоза «Новый путь» Михаил Яковлевич Смирнов (справа) беседует с писателями Леонидом Соболевым и Токтоболотом Абдумомуновым.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Нет народа без сказок. Сказка — это его история, его поэзия, его песня, его дума и мудрость. В Киргизии много прекрасных сказок, насыщенных удивительно мягким юмором и какой-то особой пластикой слова и мысли.

Одну из них мне хочется пересказать.

В давние времена у одной старухи было семеро сыновей. Однажды старуха созвала их и спросила: «Что каждый из вас умеет делать?» Выяснилось, что первый оказался метким стрелком, второй — отличным следопытом, третий — предсказателем всего того, что происходит на том и этом свете, четвертый — отличным добытчиком пищи, пятый — кораблестроителем, шестой очень быстро бегал, а седьмой знал магическое слово, по которому мог расправиться с любым врагом. И когда выпал час тяжелых испытаний, для братьев пригодились способности и умение каждого из них: все семеро работали сообща, каждый в меру своего таланта. И они победили злого хана Тайбоса. После победы братья спросили: кто же из них более ценен? Но никто на этот вопрос ответить им не смог. Сказка так и заканчивается обращением к слушателям и читателям: подумайте и вы над этим.

И вот мы думаем. Думаем, думаем, но ответить на этот вопрос не можем. И особенно после того, как побывали в Киргизии, любовались этой изумительно красивой землей, видели радушный, сердечный народ, который, словно продолжая дела семерых братьев, сейчас сообща строит новую жизнь, каждый в меру своего таланта, своих способностей...

Декада русской литературы в Киргизии привела нас в город Фрунзе. И дело не только в том, что мы с борта самолета сразу попали в объятия наших друзей, хотя и в этом была своя особая радость. Дело в том, что все, что раскрывалось потом перед глазами, наполняло наши сердца каким-то особым пониманием всего происходящего в настоящее время на киргизской земле.

Дружба русских и киргизов имеет давние истоки. Она возникла еще в те давние годы, когда великий русский путешественник и ученый Н. М. Пржевальский вместе с киргизами занимался изучением Азии. Она родилась еще в те годы, когда Михаил Васильевич Фрунзе, будучи юношей, путешествовал со своими друзьями по горным тропам Ала-Тау и Тянь-Шаня. Она родилась еще до Октябрьской революции, окрепла в годы гражданской войны, когда русские и киргизы бок о бок сражались с белогвардейщиной, с баями, со всеми теми, кто пытался сохранить старый мир на земле Киргизии. Она прошла великое испытание в суровые годы Великой Отечественной войны, когда все народы нашей страны поднялись на защиту Родины.

Мы видели плоды этой дружбы. Они всюду. Где бы мы ни бывали, мы видели новую Киргизию.

Кто бы мог подумать когда-либо, что сельскохозяйственные машины, которые выпускает один из заводов республики, будут работать на полях Индии и Сирии, Болгарии и Объединенной Арабской Республики, Кубы и Румынии?! А сейчас это реальная действительность. Мы рассматривали эти машины, собиравшиеся в просторных цехах завода. Мы видели рабочий класс Киргизии, девушек и юношей в промасленных спецовках, стоящих возле токарных, фрезерных и строгальных станков. Мы слышали, как они читали стихи и киргизских и русских поэтов. Это было во Фрунзе, красивом городе, где, как зеленые свечи, высятся на широких просторных улицах тополя.

...Киргизская литература выросла и окрепла за годы Советской власти. Аалы Токомбаев и Тугельбай Сыдыкбеков, Токтоболот Абдумомунов и Чингиз Айтматов, Касымалы Баялинов и многие другие киргизские писатели заметно возмужали как художники в последние годы. Именно в эту пору стал широко известен молодой киргизский писатель Чингиз Айтматов. Его небольшие повести покорили читателя каким-то особым чувством душевной теплоты в отношении к человеку.

Чингиз Айтматов, встречая русских писателей во Фрунзе, говорил о русской советской литературе:

«Никакая другая литература — ни английская, ни французская, ни немецкая, ни американская не смогли выполнить такую благородную историческую миссию, не смогли «породить» по своему образу и подобию родные ей национальные литературы. На обширнейшем африканском континенте, где влияние западной культуры исчисляется уже столетиями, нет литературы коренных народов, которая возникла бы и оформилась под влиянием какой-либо западной литературы. Такие талантливые писатели, как Самбен Усман, Виктор Рид и другие, пишут свои произведения на английском, французском, португальском и других языках, но не имеют еще своих национальных литератур».

Очень правильные слова, хорошо отвечающие тем, кто пытается подчас за рубежом извратить действительно братские отношения между народами Советского Союза.

Мысли, высказанные Чингизом Айтматовым, подтверждались буквально всюду, где бы мы ни бывали.

...Удивительное чувство охватывает тебя, когда ты переступаешь порог Киргизского университета. Многотысячный коллектив студентов заполняет его аудитории. Юноши, девушки разных национальностей — все они собрались здесь под одну крышу.

Зал, где проходила встреча с писателями Российской Федерации, не мог вместить всех. Киргизы, русские, казахи, украинцы. Все вместе. Это — настоящее братство народов.

...Открывается тяжелый занавес Оперного театра. Звучат киргизские песни, арии из опер, переливаются цветами радуги пестрые картины танцевальных сюит. Своя культура, выросшая за годы Советской власти. В ней вы ощущаете и наше время и вместе с тем связь с русской театральной культурой, культурами других народов Советского Союза.

Вы покидаете город Фрунзе... Автомашины переносят вас на берега благодатного озера Иссык-Куль. Об этом озере много легенд: и о том, как оно возникло, и о том, что происходило на его берегах. Очень красивые легенды. Их хочется помнить наизусть, потому что, вглядываясь в хрустальные воды горного озера, окаймленного синими далекими хребтами, чувствуешь древнюю мужественную историю Киргизии.

Но одна из самых чудесных «легенд» — это новая, это наша жизнь. Строится она тысячами людей, теми, кто на землях вокруг озера Иссык-Куль сейчас напряженно трудится, чтобы пошло в гору оснащенное техникой сельское хозяйство.

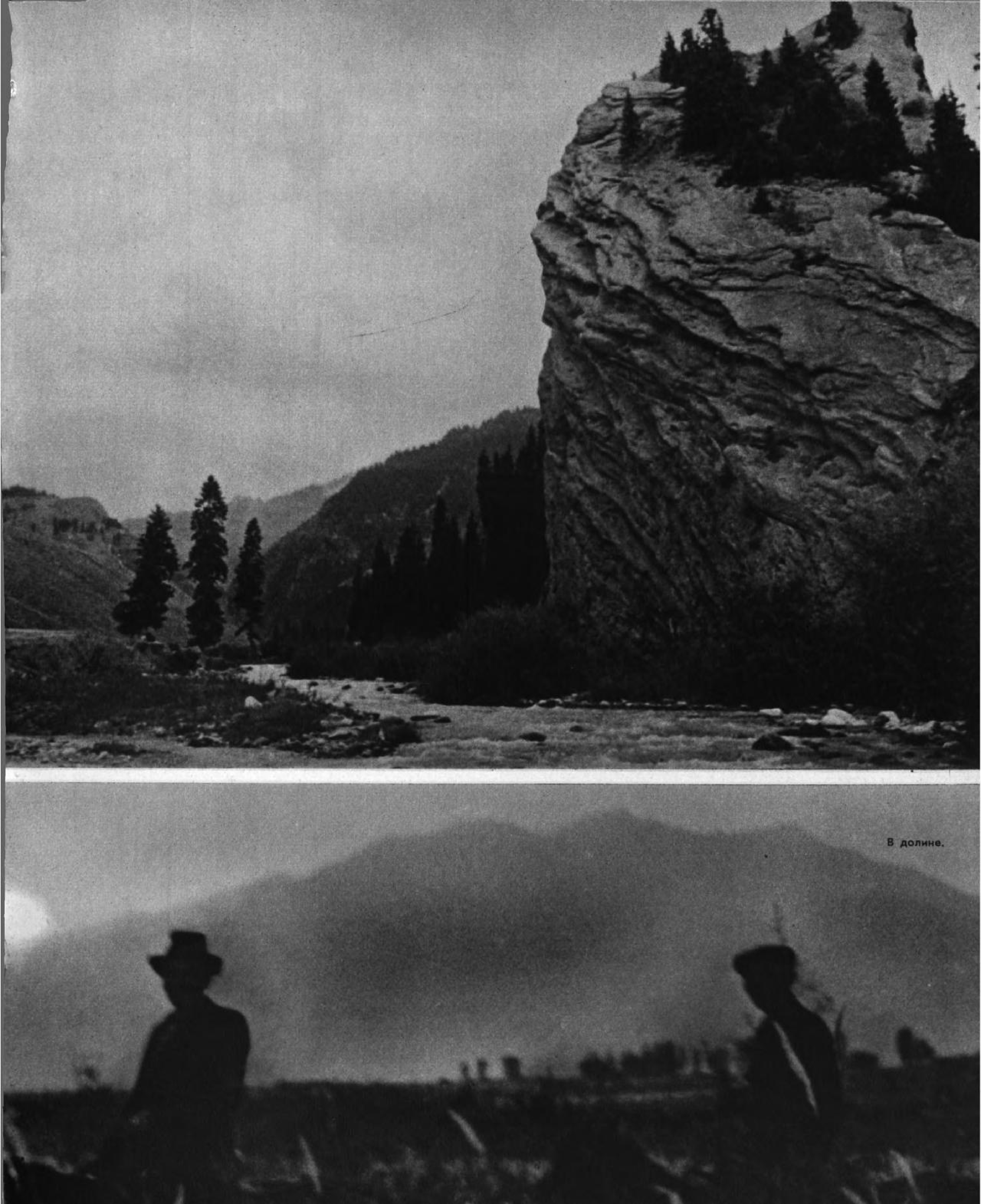
Председатель колхоза «Новый путь» Михаил Яковлевич Смирнов показывал нам земли артели, сады, животноводческие фермы — все, что создано за последние годы. В этом колхозе половина населения — киргизы, половина — русские. Вечером на концерте художественной самодеятельности мы слышали и русские и киргизские песни. И на другой день мы снова слушали песни. Это было уже в колхозе имени Владимира Ильича Ленина, в селе Темировка. Школьница Жузумкан Кадыргычева со своими подругами на киргизском языке исполняла «Подмосковные вечера».

...Можно много увидеть на свете красивых стран и встретить много хороших друзей, но никогда нельзя забыть ладони твоих братьев, отдающих тебе в рукопожатии всю теплоту своего сердца.

Старый Узак Суекеев пришел на собрание колхоза имени В. И. Ленина с внуком Кадырала.

У скал Джеты-огуза.

Жузумкан — по-русски значит виноградинка. Так зовут десятиклассницу Кадыргычеву.



В долине.

Женщины села Темировка, Иссык-Кульского района.

Хороши киргизские скакуны.

ОПТИМАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Можно ли сегодня очертить границы приложения математики и кибернетики? Какое влияние будут они оказывать на прогресс общества?

На эти вопросы по просьбе нашего корреспондента отвечает академик Сергей Львович Соболев.

Академик С. Л. СОБОЛЕВ

Предел! Сегодня его не видно...

Каждый раз, когда в руках общества появлялось новое могучее орудие проникновения в тайны природы, люди в начальный период испытывали чувство восхищения, если не головокружения. В такие моменты истории науки и техники казалось, что сдвинулись с места буквально все представления, что открылся простор самым несбыточным мечтам... Однако несколько позднее, когда выяснялись границы применения нового открытия, наступало отрезвление.

В детстве я зачитывался Жюлем Верном. До сих пор в моей памяти сохранился фантастический воздушный корабль, который поддерживают в воздухе более сотни пропеллеров — по принципу вертолета, а вращаются эти пропеллеры паровыми машинами. Сейчас мы знаем, что подобные воздушные корабли никогда не будут летать. Ведь их двигатели требуют слишком много топлива.

Кто знаком с историей развития математики, тот знает и другой пример — открытие дифференциального и интегрального исчисления, создание теории дифференциальных уравнений. Не умея обнаружить пределы применения новых математических методов, энтузиасты науки тех лет в восторге провозгласили, что отныне, решая дифференциальные уравнения, можно предвычислить, предсказать все явления природы, живой и неживой, с любой точностью описать весь мир. Спустя некоторое время наука вынуждена была проститься со всеми этими чересчур радужными мечтами и воздвигнула очень прочные стены, непреодолимые даже для новых могучих методов, стены, за которые проникнуть было нельзя.

Напоминание об этом, мне кажется, важно потому, что сейчас, в начале века кибернетических, думающих, самообучающихся, логических машин, еще не прошел подобный период первого восхищения. Каждый месяц, каждый год приносит новые сведения о создании все более совершенных машин. И пока никто не может обоснованно заявить, где же этот край, за который не сможет проникнуть новая техника.

Есть, разумеется, чисто технические ограничения. Известно, например, что число клеток в коре головного мозга человека составляет около пятнадцати миллиардов. Каждая клетка мозга — это, по всей вероятности, своего рода ячейка вычислительной машины — триггер, которая имеет только два состояния: возбужденное и заторможенное, или, как принято говорить применительно к логическим машинам, «да» и «нет». Создание машин с миллиардами элементов сегодня невозможно. Но со временем техническое ограничение такого типа отпадет. Залог этому — усиленные разработки новых элементов микроскопического размера для вычислительных машин, построенных на тонких пленках, сверхпроводниках и т. п. Однако как бы ни была совершенна даже эта техника, она пока еще во много раз грубее, чем живая биологическая клетка. Впрочем, я не сомневаюсь, что наступит время использования в машинах и самой тонкой биохимии. Подобные кибернетические устройства будут представлять биологические белковые машины, построенные из молекул живого белка или им подобных. Чтобы обеспечить существование белковых машин, нужно научиться их «кормить», то есть обеспечить обмен веществ. Тогда эти машины будут жить. Нужно научиться также выводить и отходы, образовавшиеся при таком обмене.

Когда это будет? Ответить на этот вопрос сейчас трудно. Можно назвать срок и двадцать и пятьдесят лет, а может быть, и больше.

Сверхчеловек-робот и универсальный человек

Люди малосведущие иногда считают, что математики, работающие в области кибернетики, только и думают над тем, как бы построить искусственного человека-робота, более умного, талантливого, способного, чем человек. Это — ошибочное мнение.

Более реальным следует считать появление искусственных помощников, специализация которых по мере развития техники будет не расширяться, а сужаться. Действительно, зачем обладать разносторонними «психическими», а лучше сказать, логическими, способностями искусственному водителю транспорта? Работа водителя требует максимального напряжения лишь зрительных и слуховых органов, четкой деятельности мозга при решении непрерывно меняющихся логических задач, число которых в общем-то невелико — несколько десятков, в редком случае сотен. Все, кто управляет сегодня автомобилями, электропоездами, самолетами, пароходами, подтвердят, что всякая посторонняя нагрузка или личные переживания отвлекают водителя, мешают ему выполнять необходимые операции.

Если говорить всерьез об универсальном человеке, то такой человек появится рано или поздно, быть может, как результат переделки самого себя в условиях коммунистического общества. И опять немалую роль здесь сыграют кибернетические машины. Освободив человека от утомительных вычислительных работ, они будут постоянно помогать человеку развиваться духовно и физически.

Не будучи специалистом по медицине, я считаю ее родной сестрой математики. Медицина и математика — древнейшие науки, развивавшиеся параллельно. Неверно было бы думать, что медицина самостоятельно справляется с задачей борьбы за здоровье че-

Утро. День. Вечер. Ночь. Без устали бегут волны вычислений по руслам машины. Рядом с ней работают люди математического искусства. Сегодня математики могут рассказать о новой увлекательной сфере творчества, название которому — «математическое программирование». И, кто знает, не позавидуют ли им художники и композиторы?

ловека. Ей всегда помогало творческое содружество физики, химии, механики, а следовательно, и математики.

Более того, в настоящее время передовые медики считают, что наступил момент, когда медицина, биология должны буквально породниться с математикой. Только тогда появятся совершенные биокибернетические устройства, исправляющие дефекты человеческого организма, а также диагностические машины в полном смысле этого слова.

Создав думающие устройства, на первых порах человечество сможет освободить себя от решения логических задач любой сложности, оставив себе привилегию творца новых идей.

Коммунизм — да, капитализм — нет!

Уже недалеко то время, когда кибернетическим автоматам целесообразно будет доверить управление не только производственными процессами, но и выполнение ряда задач государственного масштаба.

Как это будет осуществляться практически? Может быть, общество доверит разработку каждой конкретной проблемы группе специалистов, действия которых, несомненно, окажутся полезными для самого общества. В свою очередь, специалисты при обсуждении предложенной задачи будут консультироваться с узкоспециализированными кибернетическими машинами, запоминающими недоступное объему памяти человека колоссальное количество экономической, технической и прочей необходимой информации. Эти машины будут действовать, в сущности, по тому же принципу, что и современные машины. Их назначение, как в шахматной игре,— продумать на несколько ходов вперед различные варианты и принять наилучший вариант, или, как мы называем, оптимальную стратегию.

В Вычислительном центре Сибирского отделения Академии наук некоторые из таких задач, в масштабах экономики Западной Сибири, решаются успешно уже сейчас.

В связи с этим любопытно отметить один парадокс, связанный с развитием вычислительной техники в капиталистических странах. Известно, что ради увеличения прибыли капиталисты широко применяют новейшие вычислительные машины как для управления производственными процессами, так и для вычислений экономических режимов, наиболее выгодных фирме в целом.

Однако совсем недавно весь капиталистический мир был потрясен биржевыми судорогами, коснувшимися даже фирм, производящих вычислительную технику. Казалось бы, на первый взгляд, достаточно поставить на бирже машину, которая сможет предвидеть все неурядицы и сама же все согласовать. Тем более, что предсказание биржевого состояния на некоторый период времени — вполне разрешимая задача. Но согласовать и управлять... Этого не допустит ни один «порядочный» предприниматель.

Что означает «согласовать»? Это наилучшим образом удовлетворить всех. Предпринимателю такая постановка дела не понравится, он будет возражать. Ведь он таким образом лишается шанса заработать за счет другого. А поскольку в подобном духе рассуждает каждый биржевик, то вычислительная машина в роли примирителя будет нежеланной гостьей в здании биржи.

Этот парадокс (энергичное внедрение вычислительной техники для планирования бизнеса в масштабах фирмы — с одной стороны, и страх перед использованием ее в масштабах государства — с другой стороны) говорит о том, что в сфере капитализма назрел серьезный технический конфликт. Таким образом, вычислительная техника отрицает существование беспланового общества.

Совершенно иные горизонты открываются перед вычислительной техникой в социалистическом обществе. То, что вызывает конфликтную ситуацию в капиталистическом мире,— применение кибернетических машин, оборачивается попутным ветром для корабля планового общества, помогая координировать его экономику наиболее выгодным образом. Совершенно очевидно, что использование координирующих и планирующих вычислительных машин в масштабах всего лагеря социализма позволяет резко ускорить движение вперед, оставив капитализм далеко позади.

* * *

Прогресс математических и кибернетических машин возможен только при полной математизации знаний самого общества. Уже сейчас потребность в программистах, вычислителях, операторах определяется в нашей стране в несколько миллионов человек.

Возьмем, например, средний машиностроительный завод недалекого будущего, оснащенный десятками станков с программным управлением. Кстати, вместо рабочих у станков встанут инженеры. Армии программистов и операторов потребуются в конструкторских бюро, в планирующих организациях, в органах учета и контроля — всюду, где верным помощником предприятия будут вычислительные машины.

Одной из основных своих задач сибирские ученые считают воспитание молодых кадров математиков. Начинать нужно с пересмотра методов преподавания в школе, которое проводится, видимо, вопреки правилам оптимальной стратегии. Разве не удивительно несоответствие обучения детей арифметике с последующей затратой сил на переучивание абстрактному мышлению в алгебраических образах? Как правило, после овладения алгеброй тот же школьник уже не в состоянии решить прежнюю задачу «более простыми», арифметическими приемами. Зачем же тогда обманывать детей, а не приучать их к абстрактному мышлению с самого младшего класса?

Такой, пока предварительный, эксперимент мы будем проводить в первом классе одной из новосибирских школ. Это позволит школьникам уже к девятому классу овладеть элементами высшей математики, а в десятом классе получить серьезное представление о современной вычислительной технике.

Дорога идет вверх

Надежда СВЕТЛОВА

Фото Риммы ЛИХАЧ.

«Кеды» — по-русски «горы». Аджарское село, в которое мы ехали, называется Кеды.

Прежде всего надо признаться, что мы никак не могли себе уяснить, как же все-таки расположены Кеды. Нас добросовестно привезли по дороге, которая состояла главным образом из поворотов. За каждым поворотом, естественно, таилась неожиданность, поэтому ожиданиям не было конца.

Районный центр Кеды возник сразу и сразу исчез. Потом показался новый населенный пункт.

— Это Кеды,— сказал шофер.

— Опять Кеды?

Потом все снова исчезло и возникло новое селение.

— Опять Кеды?

— Опять.

— И много здесь Кед?

— Одни,— сказал шофер.

Кеды крутились перед нами, кокетливо демонстрируя себя со всех сторон. И мы решили, что Кеды на конкурсе красоты должны получить первый приз.

Дорога наконец опустилась в долину реки Аджарис-цкали. Самолетные высоты перевалов остановились. Река Аджарис-цкали серебрилась рыбьим цветом. Она и не собиралась отражать зеленых гор и желтого прибрежного гранита. Она текла сама по себе, соблюдая свои законы, и окружающие краски небес, гор, лесов ее не касались.

Машины переползали узенький мост, по которому не разъехаться. Наиболее вежливые теснились назад, уступая дорогу.

Вот примерно в этом месте мы и познакомились с председателем кедского колхоза Хасаном Диасамидзе.

Диасамидзе сощурился на фотоаппарат и сразу все понял. Есть такие люди, которые все понимают сразу. Мы сказали, что хотели бы познакомить читателей «Огонька» с Кедами. Диасамидзе не возражал.

— Хотя бы вкратце,— пояснили мы.

— Хотя бы вкратце? — переспросил Диасамидзе и, подумав, добавил: — Зачем, слушай, вкратце? У нас есть с чем знакомиться. Чай есть, виноград есть — тридцать два сорта. Цоликаури знаешь? Чхавери знаешь? Алиготе знаешь? Вино знаешь? В бутылках знаешь. А как растет, не знаешь. Сейчас покажем.

Мы обрадовались: можно начинать нашу работу — и поехали снимать виноградники.

Ехали мы долго и занимательно. Дорога, по которой мы прибыли в Кеды, вставала в нашей памяти, как нежные детские воспоминания.

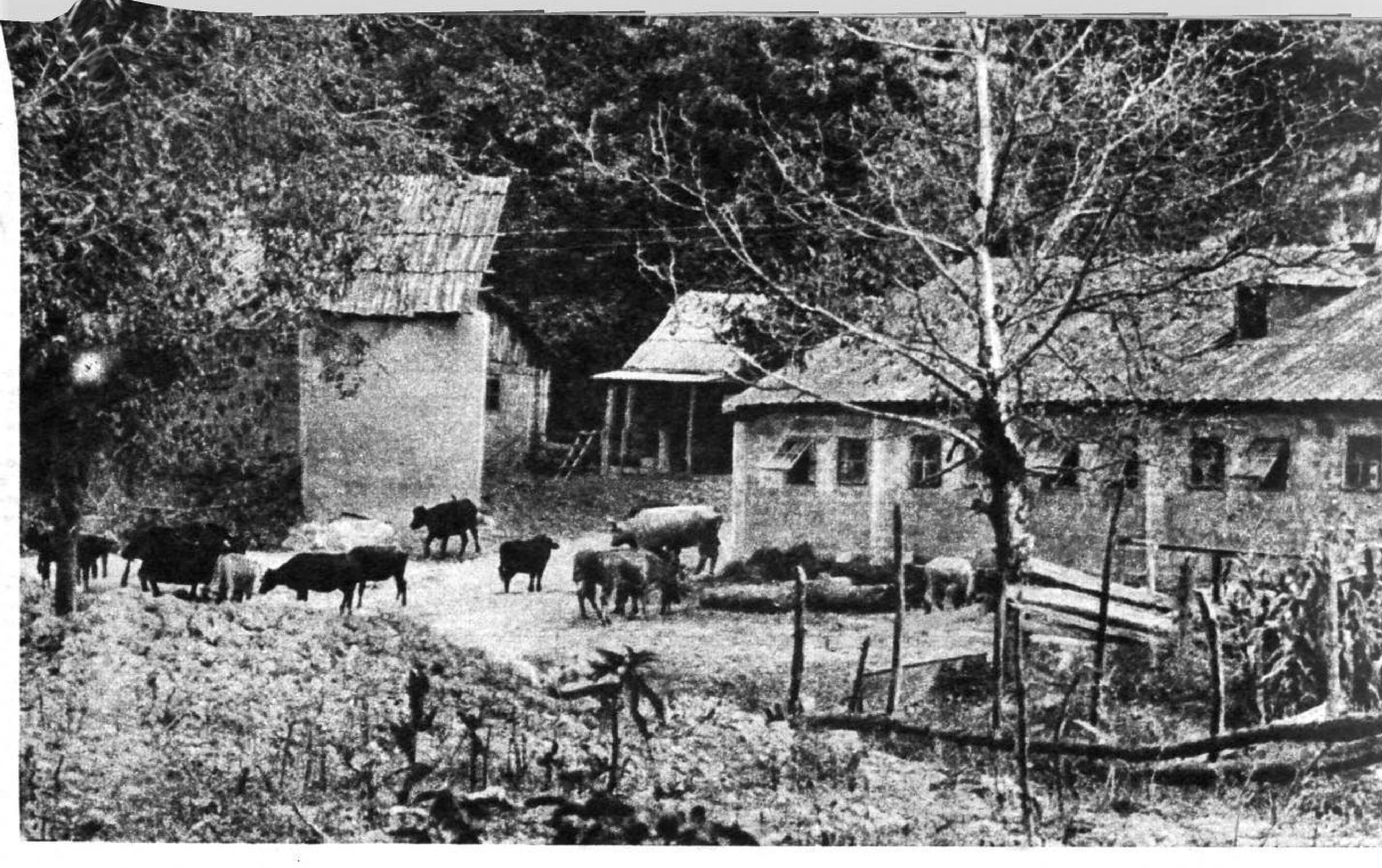
Хасан Диасамидзе смеялся.

— Наконец-то, слушай, можно ехать с комфортом. В машине. Раньше здесь только коза проходила.

То, что козе было трудно, можно заметить и сейчас, передвигаясь с комфортом. Но тридцать три километра головокружительных дорог, построенных колхозниками в последние годы,— это, конечно, победа.

— А когда же виноградники? — пытались выяснить мы в редкие

— Зачем, слушай, вкратце? — удивился Диасамидзе.



Стадо пожаловало домой.

промежутки между обрывами и поворотами.

— Виноградники проехали,— радостно сообщил Диасамидзе.— Зачем вам виноградники? Слушай, виноград везде растет, а такую дорогу где увидишь?

Действительно, нигде. Даже, по правде говоря, ее и здесь трудно рассматривать.

И все-таки виноградники, вернее, один из многочисленных виноградников, мы сфотографировали. Он помещался в ста шагах от моста, от того места, где мы имели удовольствие познакомиться с Хасаном Абдуловичем. Это был могучий виноградный лес, сквозь который, как по просеке, пробирались сборщицы с плетеными корзинками и ящиками.

— Табак покажем, поехали,— заявил Диасамидзе, и мы, поглядывая на вершины, могли только ждать, куда он нас завезет на сей раз.

— Табак везде растет, что интересного,— заявил он, когда мы по нашим представлениям уже напрочь оторвались от земли и парили в облаках.— Пиши сорта табака. Написала? Теперь знакомь читателей «Огонька» с этим видом! Смотри, какой вид, где еще такой есть?

Впрочем, он дал кое-какие сведения о табаке:

— Сушилку механизированную видели? Автомат! Со всего района ездят к нам смотреть, как надо сушить табак.

Сушилка, как и следовало ожидать, находилась в долине, на большой земле, о которой мы давно уже мечтали. Правда, спускаясь вниз, Хасан Абдулович уже высказал соображения о том, что неплохо бы посмотреть чайные плантации:

— Особенно красивый вид!

Мы поняли, что находимся в полной и безраздельной власти человека, обожающего свои края.

Жители Кедского района, пользуясь излюбленными небесными дорогами Диасамидзе, живут на земле, как и полагается жить на земле. Конечно, горы чувствуются во всем. В небольшом ущелье мы обнаружили молочную ферму. Ее окружал романтический частокол, и силосная башня выглядела, как боевая башня старинной крепости. Коровы позванивали колокольчиками и разгуливали по обрывистым склонам довольно храбро, вероятно, научившись этому искусству у коз. Мы же, устав перенимать этот опыт, ждали в ущелье, чтобы сфотографировать стадо, когда оно пожалует домой.

Несмотря на экзотический вид, ферма занималась обыкновенной прозой, выражающейся в заготовке сухих кормов, силоса, увеличении продуктивности стада. Горные коровы распугивают своими колокольчиками лесных зверей и совершенно не пугаются автомобилей. Их даже не удивляет, как это автомобиль мог вообще сюда забраться. Привычка!

На земле как на земле. К услугам жителей Кед четыре школы, поликлиника, больница, клуб, библиотека, хорошие дома...

Надо сказать, строятся здесь прочно. Диасамидзе сказал по поводу одного строящегося дома:

— Обидно. Сто лет теряю, слушай...

— Как сто лет?

— Очень просто. Дом простоит семьсот лет. Я проживу шестьсот. Сто лет разница...

Жители высокогорного села не ощущают никакой оторванности от мира.

— Возьми любую семью,— говорит Диасамидзе.— Вот, например, семья Сулеймана. Семь детей. Бери блокнот, записывай. Старшая дочка, Дарико, окончила сельхозтехникум. Тут же у нас, в Кедах. Следующая дочка, Тина, учится в Батуми. Медиком будет. Остальные дети — в школе. Кроме младшей, Магули, которая пока по дому хозяйничает,— пять лет, слушай...

В одной из школ мы застали учителя Нукзара Хасановича Диасамидзе. Надо сказать, что этот Диасамидзе к тому не имеет никакого отношения. Просто в Кедах большинство жителей носит эту фамилию. Поэтому своих учеников Нукзар Хасанович называет по именам. Вообще в этой маленькой школе бросается в глаза, так сказать, домашность обращения, какая-то семейность, что ли. Учитель с веселой приветливостью объяснял что-то маленькой Мадонне. Не так уж давно он сам был школьником. А потом окончил здесь же педагогическое училище.

Вообще, как выразился Хасан Абдулович, кадры куются на месте.

И кадры эти самые разнообразные. Конечно, здесь работают и учителя, и агрономы, и трактористы, и шоферы, и врачи. Так сказать, профессии, без которых жизни не бывает. Но жизни не бывает также и без библиотекарей, без музыкантов, без актеров. А в Доме культуры большой актерский коллектив. Он объединяет и учителей, и сестер, и трактористов, и монтеров. И по тем же головокружительным дорогам, которыми гордится Хасан Абдулович, добираются к своим зрителям самоотверженные артисты Кедского района. Их продвижение к зрителю похоже на серьезный альпинистский поход. Они доставляют свой реквизит высоко в горы. Даже в те места, куда неугомонный Хасан Диасамидзе еще не успел проложить дорогу. Искусство — это великий труд — так вам скажет каждый кедский артист. И кедский зритель в этом не сомневается.

Когда над Кедами опускается вечер, горы исчезают. Звезды проступают всюду, сколько хватает глаз, и трудно определить, настоящие ли это звезды или электрические лампочки, вспыхивающие высоко в горах. Над Кедами спускается тишина, которую нарушает своенравная Аджарис-цкали. Реке тесновато. Бетонная перемычка электростанции стеснила ее движение. Река работает, и путаница ночных звезд в Кедах — ее работа. Впрочем, она работает и днем, когда гаснут звезды, когда горы четко отделяются от неба и только роторы электромоторов продолжают свою трудовую жизнь. Табак, чай, виноград... Да мало ли нужно энергии современному хозяйству, даже уединившемуся в высоких горах!

Мы покидаем гостеприимные Кеды, где человек использует каждый клочок плодородной земли, спрятавшейся за камнями, где зеленеет множество крошечных плантаций, где от одного участка до другого добираются, совершая восхождение, где, по меткому выражению Хасана Диасамидзе, кукурузу сажают из рогатки, стреляя зернышком в склон горы, чтобы не топтать маленький участок.

Мы покидали гостеприимные Кеды, где в одном селе четыре школы, расположенные на четырех склонах гор, чтобы детишки не карабкались с кручи на кручу, отправляясь в свой ежеутренний поход.

Мы покидали маленькое село, о котором давно уже никак нельзя сказать, что оно затеряно в горах...

Иван ПАНЬКИН

СКАЗЫ О ТУЛЬСКИХ

Рисунки Н. ГОРДЕЙЧИКА.

ВОЛШЕБНЫЙ МАСТЕР

Стоит кому-нибудь прославиться, после него хоть в тысячу раз лучше делай вещи,— все равно будут говорить о первом мастере.

На нашем заводе был паренек по имени Сашка, по фамилии Кольчугин. Он на одной точке семь подписей ставил. На торце спички пятьдесят подков укладывал. И когда он свои работы показывал другим, ему говорили:

— Хорошо, но у Левши чуточку лучше...

Кольчугин разозлился:

— Ежели так, покажите, как работал Левша.

Остался от работ Левши только один гвоздик, которым он прибивал подковы блохе, да и тот в Туле держали под двадцатью замками и даже дышать на него боялись.

Старым мастерам дерзким показался вопрос паренька.

— На! Хоть месяц смотри.

А что ж парень?! Он сгоряча взял гвоздь и пошел домой.

Проходит месяц, он все еще не несет гвоздя.

— Ты не потерял его? — тревожатся старики.

— Нет.

Прошел еще месяц. Парень даже не заикается о гвозде.

— Покорежил, наверно? — снова допытываются старики.

— Да нет,— отвечает парень.

— А что же тогда не несешь? А ну-ка пойдем.

Схватили его за шиворот, потащили домой. Приходят, взглянули на гвоздь — он действительно покорежен. Все так и ахнули. Положили под микроскоп, чтобы посмотреть, нельзя ли его выправить. Первый мастер только прильнул к микроскопу и тут же отпрянул.

Оказывается, Сашка Кольчугин из этого гвоздя выковал самого Левшу.

Писатель И. Ф. Панькин написал на основе народных сказов книгу о тульских умельцах. Мы публикуем некоторые сказы из этой книги.

ЛЕГЕНДА О САПОГАХ

Любо или не любо кому, а у нас повелось так: после аз, буки, веди никого не зовут дядей Федей. А кто любит хвалу и чтоб о нем в медные трубы дули, тому нечего делать в Туле.

На оружейном заводе работал мастер Иван Никитин. Не любил он, когда на его руки смотрели с разинутыми ртами,— тут же бросал работу. А руки у Ивана были что твои оглобли, кулачины — как ведра. И не диво, что такими руками он мог из пятака наперсток выдавливать.

При виде такого дела истый туляк и то ахнет.

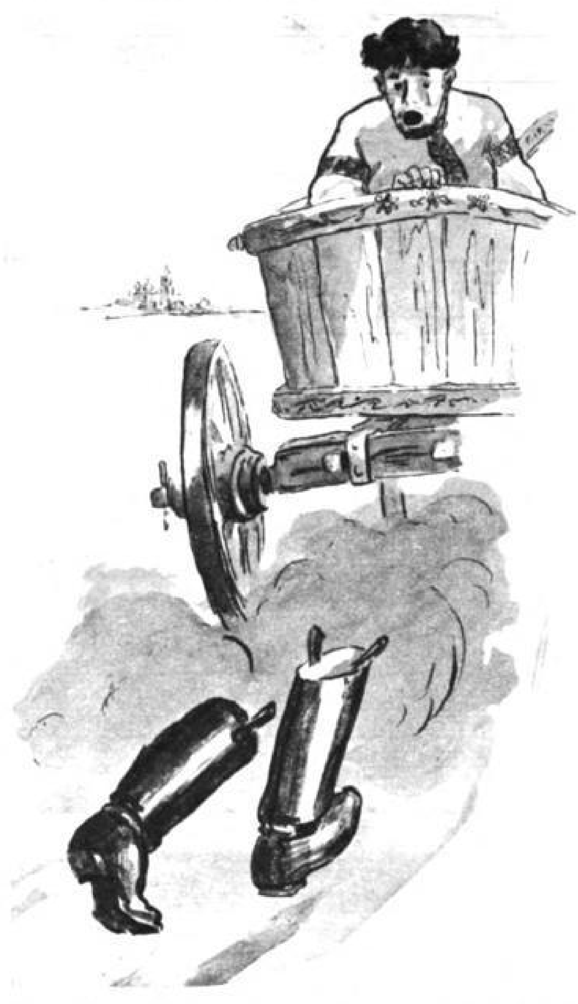
Однажды кимрские сапожники решили показать, что они тоже не из глины слеплены,— могут не только мастерством удивлять людей, но и шутить над ними, даже с умыслом.

У Ивана Никитина было тринадцать дочерей — чертова дюжина.

Однажды из Кимр заявился жених, не парень — конфетка. Вся рубаха расписана петухами, штаны небесного цвета да еще плисовые, а в сапоги и глядеться можно. А тульскому мастеру привез он сапоги и того лучше. В одну сторону голенищ поглядишь — Россию до Сибири видишь, в другую — до самого Черного моря. А до товара дотронешься, он так и хрумтит под руками.

Иван по-всякому вертел сапоги и мял — никакого изъяна не нашел. Одобрил их.

Как только жениха проводил, обулся, прошелся в сапогах по избе и чувствует, что-то в них неладно. А когда прислушался, оказывается, они ворчат точно так же, как ворчит он сам.



Рассердился Иван, снял сапоги, бросил их на верстак.

А парень едет себе на своем тарантасе и ухмыляется. Рад своей уловке.

Когда начал подъезжать к Серпухову, вдруг услышал позади топот. Оглянулся — за ним бежали его сапоги.

Парень хотел перекреститься — рука не поднялась. Хотел вымолвить слово — язык не повернулся. Так и приехал немым в Кимры, даже не смог рассказать, что с ним сделал тульский мастер.

ВЕТКА

Издавна повелось: когда перед молодым человеком впервые открывают заводские ворота, его никогда не спрашивают, что доброго принес он в своей душе. Его спрашивают, к какой работе хочет он приложить руки. И случаются потому печальные истории.

Когда-то давно, еще при царствовании Катерины Второй, на нашем ружейном заводе приключилась вот какая история.

Однажды в искусный цех, где украшают ружья серебром да златом, приняли в учени-

УМЕЛЬЦАХ

ки парня. Ну, приняли так приняли; он должен мотать на ус, что скажет мастер, к которому приставлен. А на работе ведь так водится: люди не только шевелят руками, но и язык не оставляют без дела. Один завернет какое-нибудь острое словцо, а другой прибавит к нему и того похлестче. Без шуток и прибауток самая задушевная работа покажется каторгой. А парень тот, видя, как на работе вольно держатся мастера, тоже за ними: хи да ха. Только вертит во все стороны башкой да ловит, кто скажет что-нибудь смешное. А время-то идет. Не всю жизнь возле мастера тереться. И тогда парень задумался: как ему быть? И начал он языком пробиваться в люди. То на одного мастера что-нибудь наплетет, то на другого. Бывает, кому-нибудь и пятки полижет. Будто чирем на заводе стал. Так «Чирь» и прозвали. А люди ведь как иной раз глядят на эти болячки:

— Эй, Иван, чирь на твою ногу сел!

— Разве это чирь, когда его в лапоть можно втиснуть?

Пока мастеровые рассуждали этак, парень — Чирь — и в лапоть не стал влезать. Сначала он перед начальством выдвинулся браковщиком — ценителем работ мастеров, а потом — надзирателем. Потом своего учителя начал учить да за бороду подергивать. Когда же сверстники ему показывали какую-нибудь хорошую работу, он даже синел от зависти. А когда Чирь почувствовал, что на него косо стали глядеть, совсем отделился от мастеровых и переехал с заречной стороны, где жил рабочий люд, на Стародворянскую улицу.

Но вот однажды произошел такой случай. Один из старых мастеров приметил в какой-то деревушке остроглазого мальчишку и привез его на завод. Мальчишка был еще не совсем разумного возраста, поэтому работать его не заставляли. И вот он ходит по цеху, то около одного мастера постоит, то около другого. То мастерит себе, пилит и прочее там мальчишеское дело делает. Особенно-то никто за ним не следил. Не шалит — и ладно. Но как-то раз его учитель нечаянно взглянул, над чем возится мальчишка, и ахнул. Этот пострел держал в руках дубовую ветку. Ветка, словно настоящая, и ее листы были настолько нежны и отдавали такой свежей зеленью, к которой даже не привык человеческий глаз. Эту ветку мальчишка будто сорвал с дерева совсем другой планеты. Тульских мастеров трудно удивить, ибо каждый из них видел на своем веку немного всяких чудесных вещей, но ветка их удивила. Они вынесли ее на улицу и поставили на забор: сядут ли на ветку птицы? Птицы сели.

Тогда мастеровые спросили мальчишку, о чем он думал, когда делал ветку. Но что мог им ответить малый? Он сказал:

— Я не знаю.

— Но о чем-то ты, наверно, уж думал? — настаивали мастеровые.

— Я не думал,— сказал мальчишка,— а только заметил. Я заметил, что когда начинают зеленеть дубравы, люди становятся добрее.

— А так они злые?

— Да,— сказал мальчишка.

Тогда люди опустили головы и задумались, почему жизнь заставляет их быть злыми. Пока они думали, во дворе появилось заводское начальство, а с ними и надзиратель Чирь. А тогда времена были лихие, неспокойные. На ружейном заводе мастеровые тоже чувствовали себя, как начиненные порохом. Начальство побаивалось, когда рабочие собирались вместе.

— Что за сборище? — закричало начальство.— Разойдись!

Желая показать свое усердие в службе, Чирь

сорвал с забора ветку и начал хлестать мальчишку. А сколько же надо малому! Чирь хватил его несколько раз по голове железным прутом, тот и поник. А надзиратель спокойно, как будто ничего не случилось, выкинул ветку через забор в отвал, куда сбрасывают мусор, и опять встал рядом с начальством. Тут, у кого было и каменное сердце, и тот не мог сдержать гнев. Все с кулаками пошли на Чиря. Видит, дело плохое — стал отступать. Приперли его к воротам. Когда Чирь увидел над собой молот, он неожиданно превратился в собаку и юркнул через подворотню. Люди распахнули ворота, кинулись за ним, но разве собаку сразу поймаешь! Потом эта собака каждый вечер подходила к заводу и выла у ворот.

Начальство, перепугавшись, как бы с ними не произошла такая участь, потому что у каждого из них было собачье сердце, вызвало срочно солдат и приказало как можно скорее похоронить парнишку, чтобы он не тревожил больше сердца. А мастеров потом долго мордовали, многих даже в цепи заковали. Когда у людей начали сходить от батогов рубцы, они опять вспомнили ту ветку. Начали говорить граверам, чтобы они нашли ее, перерисовали для детей и внуков, пока ее не истребила ржа.

Когда пошли в отвал, увидели: ветка цела, она даже пустила свежие листы.

Добрые вещи даже и среди мусора не погибают!

г. Тула.

П И С А Т Е Л И И К Н И Г И

Люди добрые

В обстоятельном предисловии к однотомнику избранных произведений Николая Почивалина «Чистый тон» Сергей Сартаков пишет: «Н. Почивалин избирает темы наших дней сообразно со своими творческими силами... Не о мелочах жизни пишет он, а о малых делах, из которых складывается и все великое».

В книге собраны повести «Юность», «После зимы», «Сибирская повесть», «Чистый тон», написанные автором за последнее десятилетие.

Герои Н. Почивалина — люди труда, у которых читатель непременно займет что-то доброе для себя.

Повесть «Юность» рассказывает о войне, об армейской печати. Сдержанно повествует автор о близоруком юноше-журналисте, «белобилетнике», который, схитрив, все-таки попадает на фронт сотрудником газеты. Автор воссоздает правдивую атмосферу жизни армейских газетчиков.

Быть честным, прямым, с благородной душой, идти с теми людьми, которым знаешь цену, а не с теми, к кому порою неосознанно влечет и жизнь с которыми была бы оскорблением для самого тебя.— эту основную мысль, объединяющую всю книгу, утверждает в своих повестях Н. Почивалин.

Из гущи жизни почерпнул писатель материал для повести «Чистый тон». В ней рассказывается о людях фабрики музыкальных инструментов. Запоминаются образы комсомольцев Ани Ореховой, Игоря Истомина, Петра Якушева — людей с беспокойными, горячими сердцами. Игорь Истомин в душе поэт-мечтатель, он еще не нашел своего места в жизни, и ему хочется поездить, в новых местах пожить, людей повидать. «Земля-то у нас какая огромная, разная! Да как же я, человек, по ней пройти не должен? Чтобы и степь, и реки, и горы — все мое».

Не менее интересен в повести образ Семена Аверина. Его тянет родная земля, работа в деревне. И хотя Семен хорошо зарабатывал на фабрике, в нем постоянно жила душа хлебороба и тягу к колхозному труду невозможно было ничем подавить. «Из деревни пришел, в деревню и ухожу»,— говорит Семен. Характер его, пожалуй, наиболее сложный, и он рельефно выписан автором.

Творчество начинается задолго до того, как задумана книга: оно в наблюдении, изучении, осмыслении жизни. В «Чистом тоне» Почивалин размышляет о новаторстве, о дерзании, о косности, бюрократизме.

Современная тема — главная в творчестве Н. Почивалина. Голос его крепнет с каждым новым произведением.

В. ШИШОВ

Николай Почивалин. Чистый тон. Повести. Пензенское книжное изд-во. 1962.

ПРИДИ, СКАЗКА!

Глубоким сном спит прекрасная принцесса. И нет юноши, который попытался бы разбудить ее своим поцелуем.

Такова грустная современная сказка... о сказке. В самом деле, как редко встречаются ныне сказки для взрослых!

И поэтому надо быть признательным Издательству восточной литературы, выпустившему книжку Назыма Хикмета.

«В этой маленькой книге,— пишет Хикмет в кратком предисловии,— я по-своему переработал некоторые сказки, записанные крупным турецким фольклористом Боратавом и его учениками. Спросите, почему переработал? Для того, чтобы подчинить сказочные сюжеты проблемам современности. Кроме того, я сам, воспользовавшись техникой сказки, но не копируя эту технику, попытался написать несколько сказов. Не знаю, понравятся ли вам мои сказки...»

Думается, что из всей книжки читателям больше всего понравятся как раз собственные сказки поэта: про идола, про влюбленное облако и другие.

Это по-настоящему современные сказки. Хороший пример тому — сказка Хикмета про идола и мудрого старца. Очень короткая, поэтичная и поучительная сказка. О том, как старый-старый, дряхлый-дряхлый человек обрел вечную молодость и силу, когда решился говорить правду. Правду о золотом идоле «высотой в тысячу раз больше человека, со сверкающими глазами из драгоценных камней, с волосами из чистого серебра и телом из чистого золота». Старец бросил свою правду прямо в лицо идолопоклонникам. А их было много, и, рассердившись, они хватали с земли камни и бросали в старца. Но старец продолжал говорить, становясь моложе и сильнее. Защитники же идола старели и дряхлели. «Когда у них согнулись спины и затряслись руки, они уже не могли больше защищать своего идола. Ставший же вечно молодым мудрейший среди самых добрых и добрейший среди самых мудрых человек одним ударом кулака свалил огромного идола».

Составитель сборника и его комментатор Л. Старостов отмечает, что популярность сказки в современной турецкой литературе «объ-

ясняется, помимо всего прочего, также и тем, что турецкие писатели прибегают к сказке, как к «куш дили» (эзопов язык или «язык птиц» в буквальном переводе).

...Закрываешь книгу Назыма Хикмета с невольной грустью: когда-то еще встретишься снова с современной сказкой!..

Г. МИТИН

Назым Хикмет. Влюбленное облако. Сказки. Издательство восточной литературы. Москва. 1962. 112 стр. Рисунки М. и Т. Асмановых.

СЕРГЕЙ СЫН МАРИИ

Н. ТАРАСЕНКОВА

Рассказ

Рисунки Л. ХАЙЛОВА

Николай Гаврилович Маркушин работал матросом на буксире «Чайка». «Чайка» была невзрачной, потемневшей от грязи и старости. Она шла медленно, тяжело дышала и истошно гудела на поворотах.

Работать Маркушину приходилось за двоих. Севастьяныч, капитан «Чайки», высокий, сухой старик, словно подвяленный на солнце, говорил, что возьмет на буксир «недостающую единицу». Но уж который раз «Чайка» уходила в рейс, а нового матроса все не было.

Если б еще харчи хорошие! Ну какой кок из этой девчонки Катерины! То борщ пересолит, а то макароны подаст, словно одна лепешка. Капитан, посмеиваясь, говорил, что принял Катерину на буксир за красоту. Вся команда ругала Катерину, но только за глаза. А Маркушину надоело. Он так и сказал ей:

— В ящик сыграешь с этой жратвой. На кой черт такая забава!

А она затараторила, не стесняясь, громко:

— Не нравится, ну и не надо! Давно мечтала уйти! Что я здесь забыла? Одни пенсионеры.

И ходила обиженная, презрительно смотрела по сторонам.

А в общем-то и нельзя было назвать Катерину красавицей. У нее и глаза разные. Один черный, другой посветлее: не то карий, не то рыжий, не поймешь. И была она полновата. Губы всегда сложены капризно. Но было в Катерине что-то такое, что заставляло смотреть на нее с восхищением.

Ее побаивались и уважали. Потому что знали: дотронься до нее пальцем, завизжит так, что испугаться можно. И когда кто-нибудь из мужчин подходил к ней близко, в ее глазах появлялась настороженность и она говорила негромко: «Ну чего, чего, чего?»

Маркушин отдыхал дома три дня. А когда пришел на пристань, узнал новости: во-первых, капитан Севастьяныч взял наконец «недостающую единицу», а во-вторых, Катерина упросила капитана, чтобы оставили ее. Так и сказала: «Буду стараться, только не выгоняйте».

День был жаркий. Небо чистое. И солнце, точно лапами, схватило деревню. Дышать нечем.

На этот раз «Чайка» потащит лес. Бревна лежали на реке, крепко стянутые тросом.

Николай Гаврилович сразу увидел «недостающую единицу». Был он молод, лет семнадцати, не больше, но высок и широк в плечах. Парень поздоровался со всеми за руку, смущенно улыбаясь.

«Чайка» стояла у причала, готовая к отходу. Вот она загудела хрипло, натянулся трос, и послушно потянулись вслед за «Чайкой» тесно прижатые друг к другу бревна.

Николай Гаврилович должен был встать на вахту через четыре часа. Он хотел было спуститься в каюту, как увидел новичка, красившего палубную надстройку. Николай Гаврилович подошел к нему.

— Значит, нашу «Чайку» решил приукрасить?

Парень только головой кивнул. Голый до пояса, он старательно водил кистью.

Медленно прошла Катерина, глянула на его крепкое, загорелое тело, вымазанное краской, бросила на ходу:

— Прибрал бы добро свое, а то я по ошибке синькой борщ заправлю.

В глазах ее уже не было той прежней настороженности, а какая-то вызывающая веселость. Он нехотя разогнул спину и проводил ее взглядом.

Потом Маркушин сидел рядом с ним в маленькой, тесной столовой команды. Парень ел торопливо и снова отправился водить кистью по старым доскам «Чайки». И к вечеру она действительно преобразилась.

— Ну, парень,— сказал ему Николай Гаврилович,— когда «Чайка» станет на причал, ты и ребрышки ей подмажешь со всех сторон — глаз не оторвешь!

— А то! — с гордостью ответил парень.

— Маркушин!

Николай Гаврилович обернулся. Сзади стоял капитан Севастьяныч.

— Не тебя — меньшого,— пояснил он и обратился к матросу:— Закончишь работу — зайдешь ко мне.

Николай Гаврилович удивился.

— Как зовут?

— Сергеем.

— А из какой деревни? — не сразу спросил Николай Гаврилович.

— Из Лебеды.

— Чей ты?

— Как чей? Марии сын,— ответил он так, словно все должны знать об этом.

Николай Гаврилович не заметил, как ушел Сергей. Он стоял на корме и смотрел на реку. Он никогда не смотрел на нее так бессмысленно и равнодушно. Солнце село, вода стала густой и темной. Кто-то спросил его:

— Чего ужинать не идешь, Гаврилыч?

Он не ответил. Все исчезло вокруг. Слышно было, как где-то тяжело дышит пароход. Но вот он выполз из-за поворота. Только три глаза движутся навстречу: красный, зеленый, желтый. Прожектор с парохода ослепил ярким, отчаянным светом. Погас. И наступила такая темнота!..

Николай Гаврилович вспомнил все. Да он и не забывал этого никогда.

Она сидела с ним рядом на широкой деревянной лавке. Какая-то баба выкрикивала громко и пьяно: «Жить всю жизнь молодым на зависть людям другим!» А она смеялась, и в глазах ее были слезы. И была она какая-то беспомощная, маленькая. Он ее звал Маней, а все в деревне — Марией. Соседка Груня, толстая, крикливая женщина, все время нашептывала ему:

— Ты не смотри, что Мария на цыпленка похожа — в глазах грех сидит. Строгим с бабами надо быть, а то как вожжи опустишь...

Он отвернулся: смешно было слушать эту толстую дуру. Какие вожжи! С Маней только за руку ходить, а отпустишь руку — потеряется, пропадет!

Они поженились незадолго до войны. Она все хотела ребенка. Но оставил он Марию одну.

И когда уходил на фронт, сказал:

— Хорошо, что детей нет. Куда теперь с ними? Одно несчастье!

Она тогда шла рядом с ним. Не плакала, не голосила, как другие женщины. А просто шла рядом, держась за его рукав.

Вернулся он через три года — весной, ранней и холодной. Люди не сразу узнали его. И потом как-то виновато улыбались ему, точно хотели что-то сказать и не решались.

Он отворил калитку, потом вошел на крыльцо. Толкнул от себя тяжелую дверь. В комнате было светло — солнце залило ее ярким, радостным светом. Мария стояла у окна. Она, видимо, следила за ним, когда он шел по двору. Что поразило его в первую минуту — это перемена во взгляде ее. Не было прежней растерянности и беспомощности. Большие глаза ее смотрели выжидающе и решительно.

Он остановился. Маленькая кровать стояла у стены, накрытая марлей. Он понял все. Но верить не хотелось: может, соседи попросили поставить, изба ведь пустая! Спросил хрипло:

— Что это?

— Сын у меня.

И вдруг она показалась ему такой незнакомой, будто впервые увидел ее. Неужели о ней думал он все эти годы? Перед ним стояла чужая женщина.

Она вдруг подошла к нему, и в ее глазах появилось прежнее выражение растерянности. Она боязливо дотронулась до его плеча, он брезгливо оттолкнул ее.

— Сука,— сказал он растянуто, с каким-то наслаждением.— Сука!— И вышел из комнаты.

Он стал жить у Груни. Она постарела и похудела за эти годы, но по-прежнему была шумной и крикливой.

По вечерам они сидели за столом в полутемной избе. Груня рассказала ему всю эту простую историю. Раненых распределили по домам. У Марии изба пустая — к ней первой поместили. Ухаживала она за ним, вот черт и попутал! А потом ушел постоялец. Может, и в живых нет давно. Мария убивается, все спрашивает о нем, о Николае.

Он слушал и говорил:

— Для меня будто все провалилось куда-то. Нет ее, Маньки-то! Перечеркнуто!

— Нехорошо, нехорошо она поступила,— приговаривала Груня.— Помнишь, я еще тебе на свадьбе пророчила, что грех в ней сидит.

А как-то раз вечером Груня возилась у печки, гремела ухватами, а он, как всегда, говорил о Марии, ругал ее. Груня вдруг зажмурилась от дыма, вытерла рукавом слезящиеся глаза и спросила:

— Ты сам-то святой, Николай?

Его удивил ее тон, насмешливый, вызывающий.

— Святой не святой — дело не в этом. Ребенка она оставила, вот что.

— А что ж живое губить? — сказала Груня смиренно.— Живое губить нельзя.— И снова затарахтела в печке ухватами.

Он больше не говорил с Груней. Посидел немного в избе, а потом вышел на крыльцо покурить.

Ни зги не видно. Но глаза скоро привыкли к темноте. Ему показалось, что кто-то стоит по ту сторону забора. Мария! Она смотрела на него, и он смотрел на нее. Он не видел ее лица, какое-то темное живое пятно было перед ним, но он знал точно — она! Будто Мария тихо позвала его. А может быть, только так показалось. Ветер. Он повернулся и пошел, тяжело ступая по скрипучим ступенькам.

Он решил уехать из этой деревни. Навсегда. Был у него брат Демьян, жил в тридцати километрах отсюда,— там он и начнет свою новую жизнь.

Он пришел на другой день к Марии за вещами. Она, похудевшая, с опущенными ресницами, тихо ступала по комнате, собирая его вещи. Заплакал ребенок. Она подбежала к кроватке, закачала ее. А ему казалось, что все это не с ним происходит, что он в чужом доме, что чужая, незнакомая женщина складывает чьи-то вещи.

Он ушел не попрощавшись. Все было перечеркнуто.

Николай Гаврилович шел по дороге, чуть влажной от вчерашнего дождя. Трава была неестественно зеленого цвета. Листья уже широко и свободно раскрылись на деревьях. Он шел долго, пока не подобрала его попутная машина. Он сидел в кузове, подняв воротник шинели. Ветер был свеж по-весеннему. И от того, что вокруг так неистово зеленело и что везла его грязная полуторка в какую-то новую, неведомую жизнь, на душе становилось спокойнее.

Изба у Демьяна большая, приземистая, огороженная крепким, свежевыкрашенным забором. Николай Гаврилович вошел в комнату, остановился. Демьян, не поднимаясь с табуретки, крикнул:

— Вот нежданно-негаданно!

Потом они сидели за столом друг против друга. И жена Демьяна, Шура, долговязая и худая, металась по комнате, ставила на стол выпивку и закуску. Николай выпил стакан водки, рассказывал Демьяну, а тот качал головой, приговаривая:

— Вот ведь какая баба! А прикидывалась тихой-тихой! Угадай их поначалу. Моя Санька похоронную получила, а ждала. Шура, ну-ка ходи сюда! — крикнул он жене.

Она села на край лавки очень прямо, точно хотела откинуться назад. Николай представил Маню, какою она была в первые дни их жизни,— испуганную, растерянную — «вот и угадай их поначалу». Он снова налил себе и выпил, не дожидаясь Демьяна. И вдруг Шура закачалась, как маятник. У Демьяна лицо стало широким. А рядом с ним еще лицо того же Демьяна. А потом все в комнате закланялось: и самовар и лампа. И Николаю стало вдруг весело. А что Мария? Что, на ней свет клином сошелся? Он встал, шатаясь, держась за стенку, а потом, оттолкнувшись от нее, топнул ногой и пошел по комнате, раскинув широко руки.

Наутро болела голова, и он сказал Демьяну:

— Опохмелиться бы.

— Можно.— Демьян достал бутылку, стукнул по донышку:— Пока Саньки нет.

Но когда она пришла, то уже не скрыть было от ее глаз, что они опять пировали. Она не разговаривала ни с Демьяном, ни с Николаем. И делала все раздраженно, и лицо ее еще больше вытянулось и посерело.

На другой день, входя во двор, Николай увидел, как Шура и Демьян возились в грядках. Они не видели его. Он хотел подойти бесшумно и испугать их. И вдруг услышал, как Демьян кричал на Шуру:

— Не вмешивайся, брат он мне, родной брат!..

— Так он что — к нам водку приехал хлестать?..

— Несчастье у него, ты что, не знаешь?

— Тоже мне несчастье! Пусть другую бабу возьмет и уйдет от нас. Что их, мало на деревне? Нечего здесь водку!..

Она увидела Николая и отвернулась.

Вечером они сидели вдвоем в избе. Шура ушла к соседям. Сначала пили чай, а потом на столе снова появилась бутылка. Николай не сказал Демьяну, что слышал их разговор.

— Поехали,—сказал Демьян, поставил стакан, вытер губы коркой хлеба. Помолчав, добавил:— Жениться тебе надо, Николай. Баб одиноких полна деревня.

Николай промолчал.

— Видал, ходит мимо дома нашего Сима, гладкая такая? Муж у нее без вести пропал с первых дней войны. В живых, пойди, давно нет. Вот бы тебе...

И вдруг шальная мысль захватила Николая. Жениться. А ведь правда! Что ему болтаться теперь, как неприкаянному!

— Пойдем свататься,— сказал Николай.

Он сунул в карман бутылку. Вышли на улицу. Ночь светлая, и луна огромная смотрит на дорогу. Они прошли совсем немного. Вот он, дом. Постучали. Отворила Сима. Она не удивилась, заговорила быстро:

— Заходите, заходите, пожалуйста.

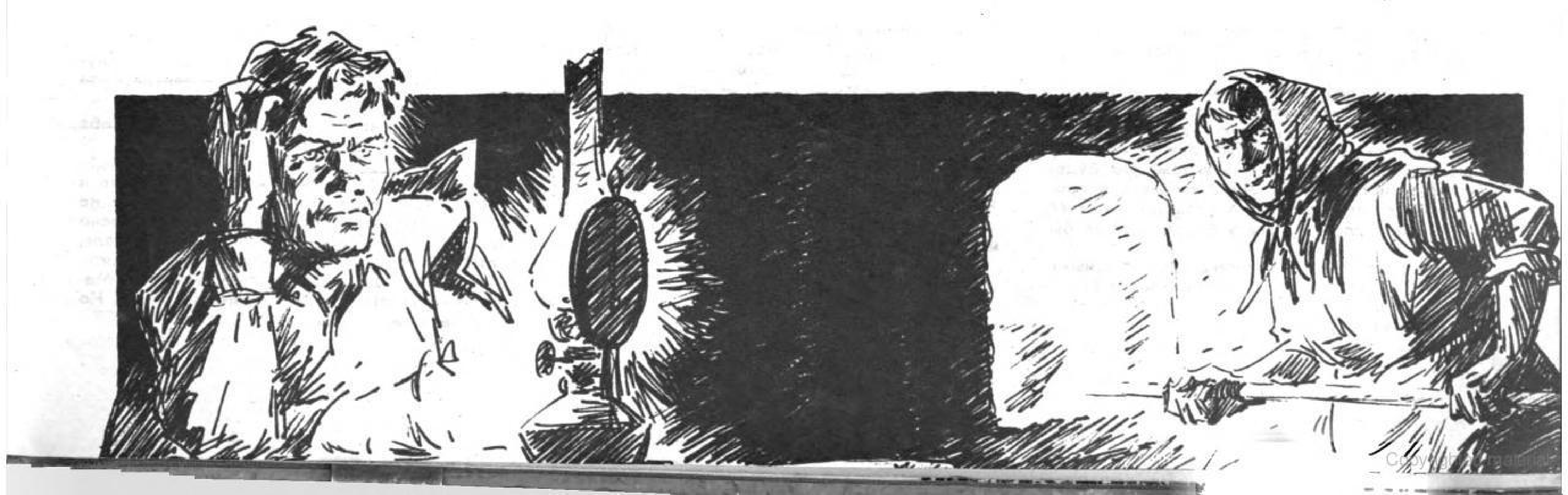
— Мы вот к тебе по какому вопросу,— сразу начал Демьян.

Она чуть усмехнулась полными губами, словно уже знала, зачем они пришли.

Демьян так и выпалил:

— Свататься!

Она посмотрела на них внимательно и, ви-



АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ДЖОН БОЙНТОН ПРИСТЛИ после пятинедельной поездки по Советскому Союзу 16 ноября выехал из Москвы на родину. Перед отъездом он провел пресс-конференцию, рассказал о своих впечатлениях и встречах с советскими людьми в Узбекистане, Грузии, Армении, Крыму и в Москве. Вспоминая о своем посещении СССР в 1945 году, писатель сказал о сегодняшнем дне нашей страны: «Это новый и лучший Советский Союз, более процветающий, более свободный, более счастливый, способный внести великолепный вклад в нашу мировую цивилизацию. А о ней мы должны подумать, друзья, о нашей мировой цивилизации, которую мы либо должны совместно улучшить, либо можем совершенно уничтожить».

Джон Б. Пристли и Константин Федин в Москве. Ноябрь 1962 года.

Фото Ал. Лесса.

димо, заметила бутылку, торчавшую из кармана Николая. Брови ее чуть приподнялись, а потом опустились. Она рассмеялась негромким, довольным смехом.

— Быстрые вы какие!..

— Чего же быстрые! Николай видел тебя не раз, приглянулась.

— Не знаю, не знаю,— говорила Сима и, видимо, хотела встретиться взглядом с Николаем. Но он не смотрел на нее. Тогда она встала, сказала решительно: — Нет уж, буду ждать, может, мой вернется.

И словно ударила этими словами Николая. Братья вышли молча и пошли почему-то в другую сторону от дома.

Николаю стало одиноко, захватила острая жалость к себе. Захотелось вдруг своей тихой, спокойной жизни, своего дома, своих забот. И мысль, что надо жениться, теперь не покидала его.

Демьян остановился, оперся на палку. На улице тихо-тихо...

— Ну, чего теперь?

Николай молчал.

— Зинаиду знаешь? Тоненькая такая, словно тростиночка. Бухгалтером в правлении работает. Видал? Дочка у нее.

— Видал,— тихо ответил Николай.— Бухгалтер она, не пойдет за меня, за простого.

— Да ведь дочка у нее. А каждой бабе счастья своего хочется.

Они подошли к дому. Николай встал чуть поодаль. А Демьян постучал в дверь. На крыльцо вышла женщина, платок накинут на плечи. Они поговорили, и женщина ушла.

Демьян рукой подозвал Николая.

— Приглашает. Говорю тебе, согласится: дочка ведь у нее.

Прошел уже у Николая хмель. Только голова болела, и снова подумал: «Зачем это я?» Но делал он уже все механически, просто шел за Демьяном. В комнате было светло, и женщина пошла к ним навстречу. Она посмотрела на Николая открыто и ясно. Такой добрый был взгляд у нее, точно она ждала именно его и знала, что рано или поздно он непременно придет в этот дом.

Она сказала:

— Садитесь. Я сейчас маму позову и дочку.

Мать-старуха ничего не могла понять спросонья. Дочка Любка смотрит удивленно. Ей десять лет. И Любка тоже нравится Николаю. Глаза у нее круглые и черные. А Зина сидит с ним рядом. Он легонько теребит ее за локоть и говорит ей тихо, сам не узнавая своего голоса:

— Зинуша, вот так-то, Зинуша.

И свадьба была веселая. По одну сторону сидела Зинаида, по другую — Шура. Он не сердился на Шуру. Он был даже ласков с нею. Это она помогла ему в том, что будет теперь у него жена и будет он жить в просторной, светлой избе. Не услышал бы того разговора — слонялся бы у брата, хлестал бы водку.

Серое лицо Шуры покрылось красными пятнами. Она то и дело наклонялась к Николаю и говорила:

— Считай, в рубашке родился...

Иногда ему казалось, что это та, прежняя свадьба, когда рядом сидела Мария. Но он отгонял эти мысли, он встречался с глазами Любки, ловил на себе ее недоверчивый взгляд. Николай встал, поднял граненый стакан, сказал громко:

— Пью за семью свою: тещу Пелагею Ивановну, жену Зинаиду и дочку Любку.

Было шумно, и в избе стоял пар от горячей пищи. И на душе стало хорошо.

Николай стал работать на буксире матросом. Река была не близко от дома, километрах в пяти. И он не торопился домой, хотя там всегда ждали его, там было тепло и уютно. И он не был ласков с Зиной. Его всегда раздражало, что была она покорна и точно была благодарна ему, что он «взял ее с дочкой». Она во всем старалась угодить ему, и это раздражало его. Раздражала старая теща, молчаливо ходившая по избе, и Любка с настороженным, недоверчивым взглядом.

Он только тогда был добрым с Зинаидой, когда выпивал. Тогда он говорил, словно выпрашивал у нее: «Зинуша, ведь хорошо с тобой живем, а?»

— Хорошо, хорошо,— быстро поддакивала она ему.

Как-то ночью он проснулся. Показалось, что жена плачет.

— Чего ты? — Он легонько толкнул ее. Она не отвечала.— Да говори, что случилось?

Она ответила не сразу, громко, обиженно всхлипнув.

— Баланс чего-то не сходится. С утра до вечера в конторе, устала я.

— Сойдется,— сказал Николай.

Он знал, что не из-за баланса плачет она, а из-за того, что жизнь у них не клеится. «Ведь каждой бабе счастья хочется»,— как сказал в тот вечер Демьян. Он и сам чувствовал себя квартирантом здесь. Если не на буксире, так торчит у брата, а к дому не лежит душа.

— Спи,— сказал он, прислушиваясь к неровному дыханию жены.

Но уже не мог заснуть. Не спала и Зинаида. И так лежали рядом, притворяясь спящими.

Как-то он ушел далеко от дома, в лес. Выбрал небольшую полянку и лег на нескошенную траву. Над ним было небо молочного цвета, и он долго смотрел на него, пока деревья не закружились над ним. Пахло цветами и медом. Он вдруг почувствовал, что сейчас встанет и пойдет по этой дороге. К вечеру постучит в дом к Марии, увидит ее перед собой, маленькую, беспомощную. Вот встать и пойти отворить дверь. Но он знал, что не сделает этого никогда. Он вспомнил годы войны, когда только и думал о ней, и снова злоба охватила его.

Всякое бывало и у него в те годы. Он и имя женщины не помнит, у которой жил три дня. Помнит только, как смотрела она на него преданными глазами, спрашивала:

— А может, вернешься, может, дома никого не осталось, может, напишешь?

Николай неловко обнял ее, и она прижалась к нему.

— Напишу, отчего ж не написать.

— Адрес-то возьми, спрячь.

Она протянула ему маленький листок бумаги.

А когда он сел в машину и машина тронулась, а он вынул махорку, чтобы закурить, вылетел из кармана маленький листок бумаги с адресом. А он даже не попытался его поймать.

...За лесом была дорога. Встать и пойти по ней. Войти в дом к Марии, сказать: «Все, что было, Мария, давай забудем».

Он встал, медленно пошел домой, увидел во дворе Зинаиду.

— Где был? — спросила она ласково.

— Да так, ходил.

Они сидели рядом во дворе на скамейке.

— Завтра опять на реку уйдешь?

— Уйду.

Помолчали. А потом Зинаида сказала:

— Пойдем обедать, что ли.

Ему всегда казалось, что он скоро уйдет из этого дома. Но бежали годы. Умерла бабка Пелагея. Любка вышла замуж и ушла в другую деревню. А он так и остался с Зинаидой. Хорошая она женщина, другой такой не сыскать. Он по-прежнему выпивал частенько и тогда, лаская жену, говорил ей шепотом:

— Зинуша, ведь ладно с тобой живем. Ну скажи, а?

Утро. Солнце в тумане. Но вот оно все ярче и ярче. Небо темное, и солнце уже вылупилось на нем, уставилось на реку удивленно. А река красивая в такой час. Вода кажется густою, и пар идет от нее, и бегут по реке колючие золотые искры, будто кто-то на дне реки жжет костер.

Идет «Чайка» неторопливо. Река то сожмется в берегах, то разольется широко-широко, подойдет к ярко-зеленой траве, напоит ее.

Николай Гаврилович вышел на палубу. Сергей сладко потянулся и тоже завороженно стал смотреть на реку. Появилась Катерина, что-то сказала Сергею на ходу, и он что-то ответил, и они рассмеялись оба, и Катерина, еще раз оглянувшись на парня, исчезла в дверях.

Николай Гаврилович подошел к Сергею.

— Утро доброе!— И, подмигнув в сторону Катерины, спросил: — Хороша?

— Здорова больно,— ответил он весело.

— Ишь ты, уже губы кривишь, а на губах еще молоко не обсохло!

Сергей рассмеялся. И было видно, что сказал он это так, лишь бы что-нибудь сказать. Просто он счастлив, что работает на буксире, и что утро такое свежее, и что кок здесь — красивая девчонка, уже влюбившаяся в него по уши.

— Куришь?

— Курю.

— А мать отпустила тебя на реку? Подолгу видеть тебя не будет!

— Что ж теперь? — ответил он небрежно.— Я ведь и в городе уже на заводе работал. В подарок платок ей привез. Большущий, в цветах весь.

— А рада была?

— Много ли бабе нужно!

Он старался казаться старше и говорил грубо, а глаза смотрели по-мальчишески наивно, и поэтому было смешно его слушать. Николаю Гавриловичу было приятно стоять с ним рядом, смотреть на него, говорить о чем придется.

— Значит, так и будешь по реке ходить?

— На море уйду.

— Река тебе тесная...

Опять прошла мимо Катерина, и что-то открыто бесстыжее было в ее глазах, и опять рассмеялась радостно.

— Фамилии у нас с тобой одинаковые,— сказал Николай Гаврилович.

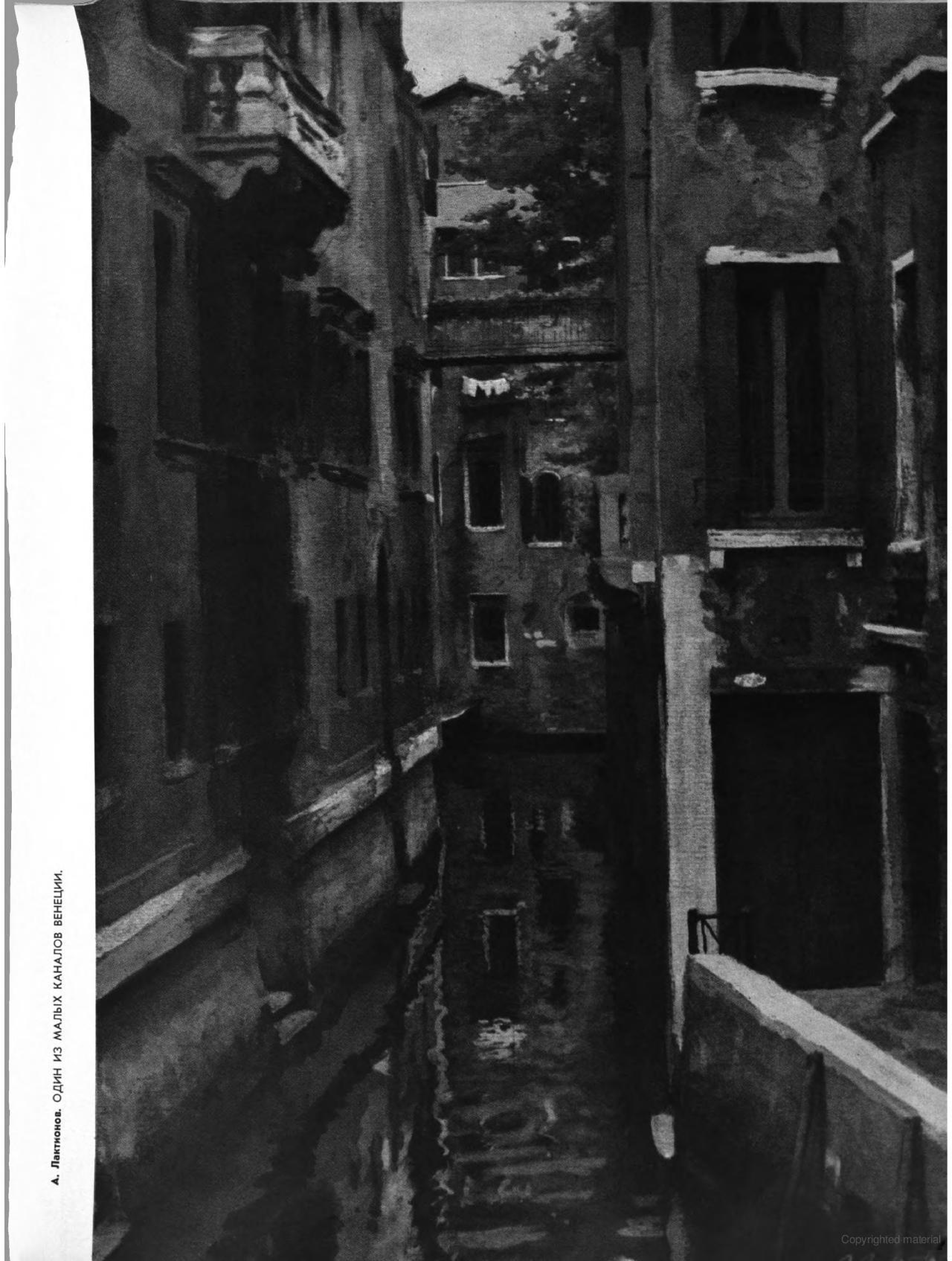
— Бывает,— ответил Сергей.

Они стояли и смотрели, как бревна, стянутые крепким тросом, послушно тянулись за «Чайкой».

— Мне на вахту пора. Приходи, учить тебя буду у штурвала стоять.

Было свежо, хотя солнце стояло уже высоко. На душе у Николая Гавриловича хорошо и грустно. Он хотел представить Марию и не смог, точно Сергей спутал все. Он всегда ясно видел ее перед собой, а теперь она исчезла, и он никак не мог восстановить ее в памяти.

Он сказал одними губами: «Какая ты, Мария!» — и оглянулся. Рядом стоял Сергей. Но он ничего не слышал.



А. Лактионов. ОДИН ИЗ МАЛЫХ КАНАЛОВ ВЕНЕЦИИ.

Э. Калнынь. КРУТО К ВЕТРУ.

С. Григорьев. В ПРИЕМНОЙ

В. ПОНОМАРЕВ

Сел да поехал, но...

Если не сразу удается сесть в переполненный автобус, если, продвинувшись через предельно набитую машину, чувствуешь себя так, будто тебя пропустили через мясорубку, тогда ты в сердцах поминаешь организаторов автобусного движения самыми нелестными словами.

С течением дней, недель и лет у нас народилось некое устойчивое отношение к автобусу: так, мол, на роду написано, что коли они существуют, эти автобусы, то неизбежны и помятые костюмы, и взвинченные нервы, и обезьянья ловкость в часы пик.

Однако не потому ли автобусные огорчения кажутся такими неизбежными, что мы попросту привыкли к ним? Более внимательное ознакомление с природой автотранспортных бед убеждает, что никакого рока тут нет.

Попробуем это доказать на некоторых частностях, с которыми мы встретились в Минске и его окрестностях.

Ступенчатый график

Когда в кабинете А. Е. Андреева, начальника Главного управления автомобильного транспорта при Совете Министров БССР, пошла речь о перегрузках в часы пик, ожидалось, что он посетует на нехватку машин.

— Да, часы пик — часы автобусных страданий,— согласился Анатолий Евгеньевич,— однако проблема не снимется, если парк машин увеличить в несколько раз. Трудности, пожалуй, даже возрастут. Допустим, Минск будет иметь такое количество автобусов, что все пассажиры утром разом сядут на свои места и поедут на работу. А что будут делать эти машины днем? Ведь и теперь на многих линиях в дневные часы автобусы ходят полупустые. Во что обойдется простой машин и чем занять водителей? Разве это по-хозяйски?

— Где же выход?

— Нужен ступенчатый график.

— Что это такое?

— Сейчас Минск начинает трудовой день в основном ровно в восемь или девять часов. Если же предприятия, крупные цехи, учебные заведения и учреждения будут начинать день не разом, а согласно уже подготовленному нашей исследовательской лабораторией графику — с семи до девяти часов с интервалами в пятнадцать минут, то и при нынешнем количестве автобусов все будут перевозиться самым лучшим образом.

— За кем же дело?

— За горисполкомом. Наше предложение по этому поводу маринуется там уже давно.

Позиция или амбиция!

Из беседы с А. Е. Андреевым можно сделать вывод, что стоит только внедрить ступенчатый график, как все станет куда благополучнее. А пока решения такого нет, пуговицы трещат, пассажирские нервы взвинчиваются и пресловутый автобусный фольклор процветает. И если человек куда-то спешит и опаздывает, то, махнув рукой на автобус, он устремляется к стоянке такси. Казалось бы, сел да поехал, но...

Да, тут свои «но».

Если это случится в рабочие часы будних дней, тогда все прекрасно: на остановке много машин и компания приветливо улыбающихся, изнывающих в безделье водителей. Однако если ты решил воспользоваться такси вечером, да еще в субботу или, что совсем худо, в воскресенье, тогда на стоянке увидишь лишь взволнованных пассажиров.

Неравномерная загрузка такси понятна: люди наши трудовые — в будни работают, а отдыхают вечерами и по воскресеньям. Но и здесь задача решается просто.

В Минске имеется солидный парк служебных и так называемых лимитных машин. В рабочие часы они заняты, а по вечерам и в выходные дни простаивают. Объединить бы эти служебные и лимитные с такси, и в будни такси не простаивали бы, возили бы пассажиров с лимитными книжками. А в нерабочее время лимитные машины пополнили бы таксомоторный парк. И государство и пассажиры — все в выигрыше.

— Что же мешает такому объединению?

— Мы ставили этот вопрос перед высшими инстанциями, но нас не поддержали,— рассказали нам в главке.— Разная позиция у людей. Управляющий республиканской конторой Госбанка товарищ Поляков, скажем, считает, что авторитету руководителя мешает даже то, что на его служебной машине стоит фирменная марка «Автолимит». А уж если ему предложить пользоваться машиной с шашками, то он, чего доброго, станет убеждать, что это скажется на делах возглавляемого им учреждения. Товарищ Поляков, кстати говоря, единственный человек в республике, выхлопотавший себе полуторный лимит на 3 300 километров в месяц. Но хлопотал он, видать, опять же ради мнимой солидности. Работа его кабинетная, выезжать приходится редко. Вот и получается, что в апреле он наездил лишь по 14 километров в календарные сутки. А закрепленная за ним машина со стертой маркой «Автолимита» (все же упросил стереть!) простаивает. Зато в июле, то есть в разгар дачного сезона, товарищ Поляков накатал 3 856 километров.

Да, странная позиция у товарища Полякова, который по роду своей службы должен рублем охранять государственные интересы. Впрочем, тут, пожалуй, не столько позиция, сколько амбиция, потерянная способность беречь и считать народную копейку, когда дело доходит до личных благ.

Ваши и наши

В Белоруссии, республике с весьма густой сетью автомобильных дорог, мало, медленно и плохо строятся автобусные станции, вокзалы и павильоны. Особенно досадно несуразное устройство остановок. Автобусная станция — это чаще всего походящее на средневековую часовню монументально-безвкусное кирпичное сооружение очень малой вместимости, с массивными стенами, без необходимых навесов и с такой крохотной вывеской, что ее с шоссе прочтет, наверное, только дальнозоркий. Строит эти уроды Гушосдор — есть в Белоруссии и такой главк,— который к эксплуатационным организациям не имеет никакого отношения. У него свои заботы о линейных, квадратных и кубических метрах. А того, как это сказывается на людях, за частоколом цифр, похоже, не видно!

Создание станций и вокзалов — дело нужное. Но дорогое. И появилась мысль: там, где это возможно и целесообразно, объединить, что называется, под одной крышей автостанцию и железнодорожный вокзал. Здесь уже все есть: и залы ожидания, и кассы, и рестораны, киоски, комнаты матери и ребенка, медпункты — все, что нужно пассажирам. Потребовалось не менее года, пока разумный голос был услышан и появился приказ министра путей сообщения, поддерживающий разумную кооперацию.

Приказ появился, но как нелегко ломаются барьеры ведомственной ограниченности и консерватизма!

— В Барановичах сходятся пути разных направлений. Многие пассажиры добираются от нас до Минска автобусами, которые ходят чаще и в более удобное время, чем поезда. Но перед тем как сесть в автобусы, пассажиры хватят лиха. Случается, в непогоду, ночью они пешком тащатся со своей кладью на городскую автостанцию за пять километров!

Начальник барановичского вокзала Г. С. Попеко детально и красочно расписывает мучения пассажиров, которые были «его», а как слезли с поезда — стали «ихние».

— Так давайте кооперироваться! — предлагает работник автотранспорта.

— А зачем? Вам выделили землю для вашего вокзала — стройтесь! Мне ваши пассажиры не нужны! Мне хватит забот о наших.

— А вы знаете, что автобусный вокзал обойдется в полтораста тысяч? Зачем тратить эти деньги, когда железнодорожный недогружен? — начинает волноваться представитель автотранспорта.— И потом, разве вам не известен приказ министра путей сообщения?

— Всякий приказ нужно выполнять с умом! — поучающе, с уверенностью в незыблемости своего решения отвечает начальник вокзала.

— Барановичский вокзал больше минского, а обслуживает пассажиров впятеро меньше,— снова пытается урезонить железнодорожника автомобилист.

— Я за Минск не отвечаю. А мой вокзал, слава богу, считается образцовым. Мы на хорошем счету, и ваших пассажиров нам не нужно. Вопрос обсуждался и в отделении и в горкоме партии — все ясно. Вот так!

«Ваши» да «наши», а то, что все они наши, советские,— это Попеко не волнует.

Тридцатилетний опыт подсказывает

Александр Кондратьевич Липатов — шофер Минского городского автобусного парка. Он водитель первого класса. Всю свою шоферскую жизнь — а это больше тридцати лет — проездил он с первым талоном. С ним мы тоже завели разговор об автотранспортных мытарствах.

— У меня по этому поводу своя, шоферская, точка зрения,— начал старый водитель,— поэтому я прежде всего должен отметить недостатки наших автобусов. Все они, на мой взгляд, должны делиться на четыре типа: междугородные, пригородные, городские и сельские. Выпускаемые марки ближе всего подходят к потребностям пригородного сообщения. У всех у них один общий недостаток — немощность двигателей. Львовский автобус, например, поднимаясь в гору, теряет скорость до двадцати километров. Заберешься, только-только раскачаешь до шестидесяти — семидесяти, глядишь, снова подъем и новое падение скорости. Это сильно сказывается на двигателях, которые быстро изнашиваются на предельных режимах работы.

Если говорить о городском автобусе, то ему, кроме увеличения мощности двигателя (тут тоже не успеешь разогнаться, как светофор или остановка), нужны более широкие двери с дополнительными автоматическими выдвигающимися освещаемыми ступеньками. Надо, чтобы пассажирам с детьми и престарелым было удобнее входить и выходить.

Междугородному автобусу необходимы холодильник и туалет, кресла самолетного типа, которые есть только у устаревшего «ЗИЛ-127» (да и то без индивидуального освещения). В сельской машине важна высокая проходимость, эластичность подвески и емкость багажного отделения.

Все автобусы должны быть снабжены противотуманными фарами, на худой конец желто-зелеными лампами, легко включаемым и регулируемым отоплением. Ведь для того, чтобы пустить калорифер в том же львовском автобусе, на котором я сейчас работаю, необходимо снимать заднюю спинку дивана, беспокоить пассажиров. Таковы мои пожелания. Они подсказаны тридцатилетним опытом.

x x x

Тут названы лишь некоторые из автотранспортных бед.

Мы к ним привыкли, и потому порой они кажутся нам чуть ли не неизбежными. А приглядишься повнимательнее и видишь, что затянувшаяся хворь излечима.

Зоя Алиева рассказывает о своих товарищах.

Володя Приходько — он же Давыдов в «Поднятой целине».

Лена Калинина хочет сыграть Анну Каренину.

Володя Наумец мечтает о Дон Карлосе.

Комсорг Надежда Касинович.

«Познакомьтесь: целинная студия!»

Так еще о себе никто не заявлял. Не потому, что раньше в стенах ГИТИСа не было молодежи с целины. Но сессия есть сессия. И никому в голову не приходило относиться к экзамену лирически, раскрывать в нем свою биографию. Трудно сейчас сказать, да и не так уж важно, кому первому пришла эта идея, нарушившая многолетнюю институтскую традицию, но поддержала ее вся студия единодушно. И по старой целинной привычке в самый разгар зимы, как только кончились каникулы, стали готовиться к весне. Вспомнили и еще одну хорошую привычку целинников: не кивать на другого, не ждать, когда тебе поднесут готовенькое, а проявлять инициативу, все делать самому. Нужен сценарий литературной композиции, которую решили показывать на сессии,— напишем; стихи — сочиним; песни, музыку — ведь народ все певучий — тоже сложим. И сложили, да еще какие! Потом долго распевал их весь институт. А так как сейчас в Москве, в театральном институте, занимаются люди не только из разных республик, но и из многих стран, то говорят, что в международном лагере, где-то под Констанцей, распевала молодежь:

В путь-дорогу, молодость моя!
Нам мечты родней и ближе стали!

Слова и музыку этой песни сочинил студент тогда еще I курса актерского факультета Виталий Логвиновский.

Никогда прежде музыки он не сочинял и даже мало ее слушал. В украинском селе, где проходило его детство, затем в целинном совхозе, куда переехали родители, музыка звучала только в радиорепродукторе. А вот петь он всегда любил. И пел. В школе, в хорkружке, в совхозных мастерских за работой, после лекций в институте, это уже в Целинограде.

Утром в институте они бывали раньше всех. Помещение у ГИТИСа маленькое; с 9 часов утра аудитории расписаны по минутам, но до этого все здание, даже сцена, в твоем распоряжении. А что им — людям, привыкшим на рассвете выходить в поле,— встать пораньше на часок-другой!

Но сессия не вечер самодеятельности, а экзамен. Поэтому в свою литературно-музыкальную композицию о жизни на целине студенты включили лучшие этюды из тех, что делали в течение года. Программа I курса — работа над этюдами. Осваивают основу актерского мастерства — азбуку его: умение действовать на сцене, правдиво жить в предлагаемых обстоятельствах.

Наиболее трудным был этюд, названный «Вечер несбывшихся мечтаний». И не потому, что занят в нем чуть ли не весь курс. Сама тема уж очень была неожиданна для исполнителей — 20-летних юношей и девушек, мечты которых, самые, казалось бы, нереальные, сбылись.

Зоя Алиева о себе и о товарищах

— Как обо всех? Ну что вы, это я не могу. Ребята все смеяться будут: Заяц дает интервью. Они меня Зайцем зовут. Это я сама виновата. Рассказала, что дома в совхозе так называли, они и обрадовались. А дома-то, когда приехала летом на каникулы и стала работать пионервожатой, так меня все дети — и не такие уж маленькие, некоторые с меня ростом — Зоей Сергеевной звали. Но вы это не записывайте. А о курсе спросите лучше Надю Касинович — она у нас комсорг, знаете, как в людях разбирается. И всегда все помнит: кому надо врача вызвать, с кем роль разобрать. Как только времени хватает! Ведь она и Кручинину репетирует, и Василису в «На дне», и Анну Андреевну — все классику. А я больше люблю современные роли.

Знаете, что я себе выбрала? Варюху-горюху из «Поднятой целины» Шолохова. Ну, вылитая я. И биография похожая. Только я из Кокчетавской области. У нас тоже семья большая, а я самая старшая. Досталось тоже немало.

А знаете, кто мой Давыдов? Володя Приходько. Он просто в него влюблен. Он и на аттестат зрелости писал сочинение о Давыдове и, когда на целине в ГИТИС набирали, «Смерть Давыдова» читал. И сам вроде Давыдова. В совхозе комсоргом был, так днем в мастерских с ребятами работал, а ночью, когда горячая пора, посевная или уборка, за баранку и до утра в поле. В то же время и в концертах выступал. Впрочем, это мы все успевали. А некоторые даже в театре играли.

Вот Виктор Шахов. Серьезный такой, взрослый — 23 года ему уже. Коммунист. Он в сельскохозяйственном техникуме учился, а вечером в театре в массовках выходил, иногда даже и в эпизодах.

И Толя Власов, когда на зоотехника учился, вечером в театре работал. Мальчики-то наши, сами видите, все красивые, видные, ну, конечно, их театры и приглашали. Но только разве это серьезно — в массовке выходить? Нет, я, конечно, теперь уже знаю, что нет маленьких ролей, а есть маленькие актеры. Я не об этом. А хочешь стать актером — надо учиться, и по-серьезному. Вот Лена Калинина Вальку в «Иркутской истории» в Кустанайском театре играла, а Сергей Гордеев Пчелку в «Стряпухе». Популярность, поклонницы. А все равно поняли, что без знаний долго не продержаться. И счастливы, что поступили в ГИТИС. Меня, вы не поверите, уже в Москве два раза приглашали в кино сниматься, даже удивительно, правда, что во мне нашли? А Мария Николаевна не разрешает, и правильно. Какая я сейчас актриса? А когда выучусь, даже Катерину в «Грозе» сыграю. Правда, говорят, я не подхожу: рост подгулял и характер не тот. А мне кажется, это не важно. Вот Володя Наумец Хлестакова репетирует и Сережку в «Битве в пути», и сам такой веселый, смешливый, а мечтает о «Дон Карлосе». Еще в своем Коке-Янгаке мечтал. И сейчас в общежитии по ночам учит.

Прошел год

О чем мечтает актер? О роли. У молодого и старого, начинающего и народного всегда есть заветная роль... Одна, две... Когда после каникул в торжественный первый день занятий I целинный курс собрался вместе и Мария Николаевна Орлова, художественный руководитель, с некоторой опаской спросила, что они хотят играть, в ответ посыпалось столько названий, словно все герои, что ни есть в античной и современной драматургии, русской и иностранной литературе, устремились на подмостки этого студенческого театра. Мария Николаевна не могла скрыть радостную улыбку. Вот теперь только она увидела по-настоящему, что этим людям дал институт.

...Это было ровно год тому назад. Первый день первого учебного года. Первая встреча людей, которым предстоит прожить одной семьей четыре года в институте, а затем, может быть, еще и долгие годы вместе в театре. Первое знакомство с ними педагогов, тех, что должны подготовить мальчиков и девочек, влюбленных в театр, к самостоятельной, самозабвенной, трудной жизни в искусстве.

Правда, этот курс не мальчики и девочки. Эти, несмотря на молодость, люди уже взрослые, с твердыми принципами, устоявшимися взглядами, желаниями, вкусами... Это радовало и настораживало. Что знали они о театре, каких артистов, какие спектакли видели? К сожалению, в те далекие места, откуда эти молодые люди прибыли, большое искусство доходит пока еще мало. Ведь театры, бригады московских и республиканских артистов, выезжая на целину, играют в Целинограде, в Павлодаре, а чем мельче селение, тем реже... Каковы же сценические идеалы этой молодежи, что ищет она в искусстве, чего ждет от него, что хочет получить и что дать? Внешний облик некоторых настораживал... Длинные шевелюры, бакенбарды, неописуемого цвета носки и рубашки, какие-то немыслимые шарфы. Этакие Актер Актерычи. Правда, чувствовалось, что все это специально подготовлено к сегодняшнему торжественному дню. Но откуда-то взялось такое представление о внешнем облике актера. А может быть, не только о внешнем?

Разговор не вязался. Что хотят играть? Все. Что именно? Молчат. Пьес знают мало. Натренированное ухо театрального педагога

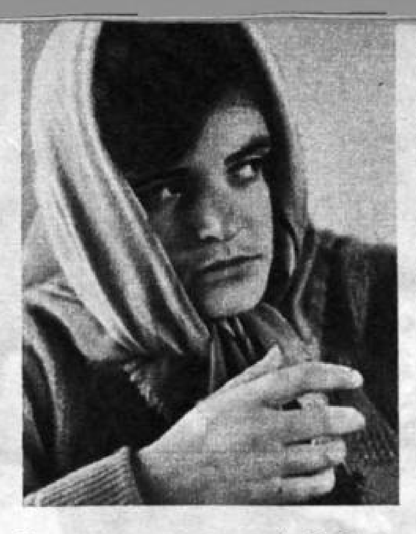
И. ВЕРШИНИНА

Фото Д. УХТОМСКОГО.

НАШ КУРС ЦЕЛИ

Виктор Шахов репетирует Челкаша.

Анатолий Власов свое внимание делит между Андреем Белугиным и Швандей.



Нет маленьких ролей. И Татьяна Вавилова работает над Галчихой.

Поэт и композитор курса Виталий Логвиновский.

Василий Дзиндзела мечтает сыграть космонавта.

тревожно отмечает дефекты речи: наслоение множества акцентов...

Разговор о театре, об искусстве совсем не получился... А впереди четыре года. Всего четыре года. Только четыре года...

И вот прошел один...

Когда репетируют двое

— Заполняй свое сценическое поведение человеческими мыслями. Важно не показывать зрителю, что ты мыслишь, а думать на самом деле. На сцене обязательно должен совершаться мыслительный процесс, но думы в это время будут уже не твои, а царя Федора Иоанновича.

В классе тишина, только поскрипывают авторучки, и в 20 тетрадях появляются слова педагога Марии Николаевны Орловой, обращенные, казалось бы, только к одному исполнителю.

Почему выбрал 20-летний Сережа Гордеев царя Федора? Что привлекло его в беспомощном правителе Руси?

Может быть, воспоминание о том, что более 60 лет назад в этом самом здании, а может быть, и в этом классе первый царь Федор русского театра — Иван Михайлович Москвин — постигал актерскую азбуку, учился думать на сцене? А это значит — много и глубоко думать в жизни.

— Царь Федор — патриот, вот почему о нем всегда интересно сказать свое слово актеру,— продолжает профессор.— Его играли, и замечательно играли, такие актеры, как Москвин, Хмелев, Добронравов. Но ты не можешь и не должен даже хотеть играть, как они. Потому что ты работаешь в 1962 году и должен смотреть на роль нынешними глазами. Иначе ты не артист, а иллюстратор.

И вновь склонились головы над толстыми тетрадями — будущие артисты записывают, запоминают, думают...

«Поэма о руках». Да, так и сказал Всеволод Порфирьевич Остальский (педагог по мастерству актера), что о руках, о ее руках, он должен надумать поэму.

Кажется, чего проще: приехал Андрей Белугин к Елене свататься, поздоровался, преподнес цветы и переходи к главному — к предложению. И вот тут-то и развернись: ведь и пьеса называется у Островского «Женитьба Белугина». Так нет.

Снова и снова повторяют Надежда Касинович и Анатолий Власов сцену приезда.

— Какая у Елены пластика, какие движения, как подает руку она, дворянка, купцу Белугину?

И Надя, та самая Надя, которая еще недавно считала самым важным, чтобы ее руки ловчее, чем руки других, укладывали кирпичную кладку, сейчас вновь и вновь высокомерно, плавно и многозначительно удостаивает богатого купца рукопожатием.

Два часа репетируется этот маленький эпизод. И вновь склоняются головы студентов над толстыми тетрадями. Вот, оказывается, сколько всего надо продумать, прежде чем обменяться на сцене рукопожатием. И будущие артисты записывают, запоминают, думают...

И так изо дня в день.

Землеустроители

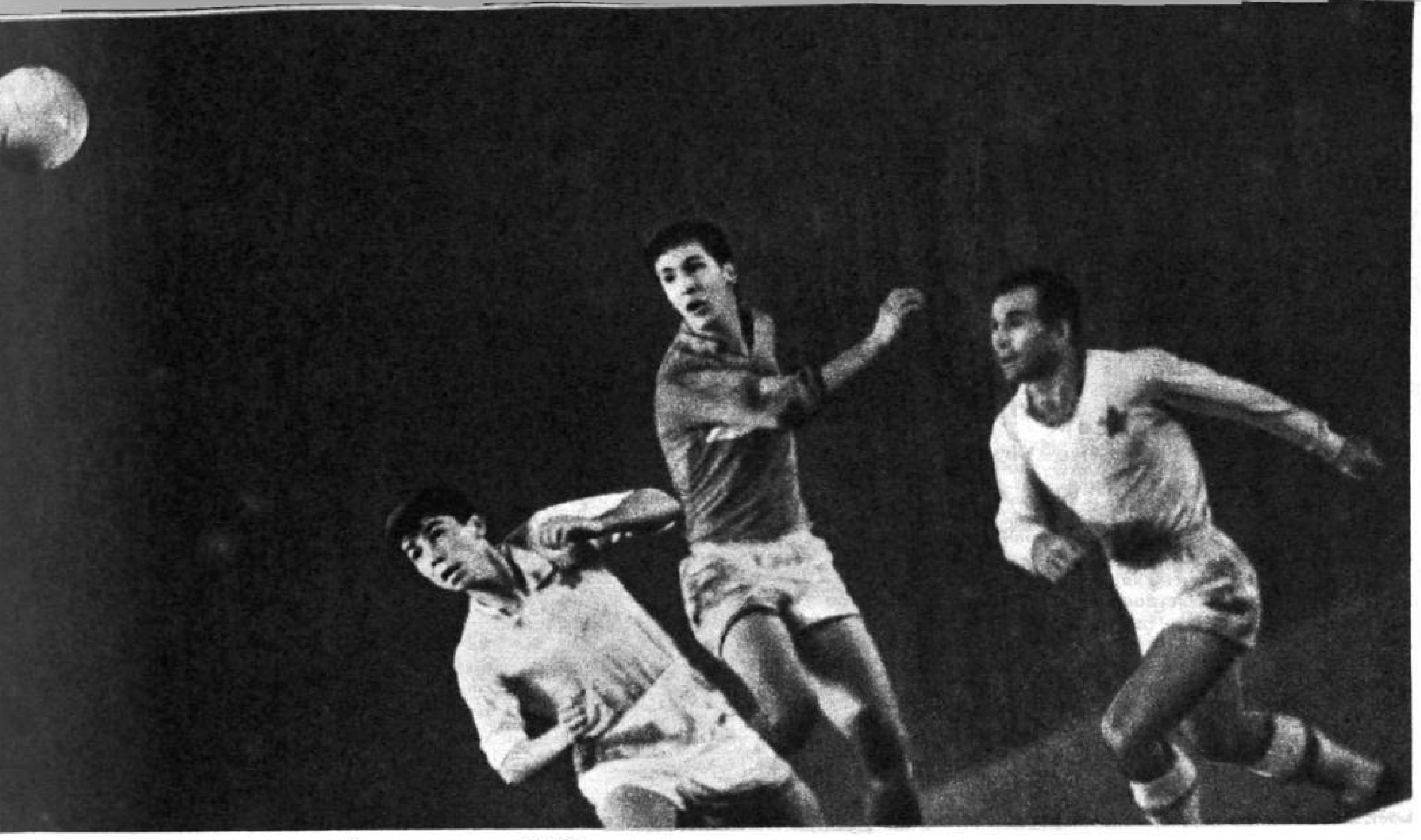
После весенней сессии, в которой раскрылись эти творческие, целеустремленные и жизнерадостные люди, до того зачастую неуверенно чувствующие себя в непривычной обстановке театрального института, их признали все. Казалось, студия заполонила весь институт.

В библиотеке и на спортивной тренировке, в любительской киностудии и на ремонте здания, на многолюдном диспуте о роли искусства — всюду целинники были в авангарде.

Теперь они не молчали, когда заходил разговор о назначении актера и общественной функции театра. Они осознали, что хотят получить от театра и что — дать ему, знали, зачем пришли в искусство. Недаром в трудовом списке многих из них в графе «профессия» написано: «землеустроитель». Правда, они уже не будут заниматься обработкой земли, но землеустроителями останутся навсегда. Всегда будут помогать людям переоборудовать планету для счастья.

НЫЙ

На целинном курсе идут занятия по мастерству актера.



Ю. Севидов (в центре) бьет по воротам ЦСКА.

Лев КАССИЛЬ

СПУРТ «СПА

Утром еще все было скрыто туманом... Я говорю о дне 18 ноября 1962 года и имею в виду туман не в метеорологической сводке, а в таблице футбольного чемпионата СССР.

Надо ли напоминать, что к последнему дню футбольного сезона 1962 года — нелегкой годины для болельщиков многих команд — лидеры, до последнего часа претендовавшие на золотые медали чемпионов, оказались у вершины футбольного Олимпа крепко прижатыми друг к другу в кипучей тесноте. Бои у вершины всегда очень сложны, а в этом году сражения у самого пика чемпионата отличались особенным драматизмом. И даже самые дальновидные футбольные прорицатели уклончиво пожимали плечами и потирали задумчиво темя, затрудняясь дать точные прогнозы насчет исхода борьбы.

Все дело осложнил московский «Спартак». К финальным играм, право на которые завоевали двенадцать лучших команд страны, спартаковцы пришли с основательно потрепанными очками. Вместе с командой донецкого «Шахтера» они делили пятое-шестое места таблицы. Их далеко обошли столичные армейцы, прошлогодние чемпионы — киевские динамовцы, динамовцы Тбилиси, земляки и извечные соперники «Спартака» — динамовцы Москвы. Но когда речь идет о спортивной борьбе у самого пика состязания, будь то легкая или тяжелая атлетика, футбол или гимнастика, дело решает сантиметр или доля секунды, какие-нибудь полкилограмма или одна тысячная доля очка. А на зеленом поле — решает один мяч. Таким, например, и был роковой для московских динамовцев гол, когда мяч от ноги киевлянина Бибы, миновав на мгновение замешкавшегося Яшина, влетел в сетку. Или еще более трагический для динамовцев мяч донбассовца Сапронова, забитый в их злосчастные ворота буквально на последних мгновениях игры против «Шахтера». Ведь известно, что ноябрьский мяч стоит десяти майских!

Зато осенний финиш спартаковцев был поистине блистательным. Есть в спорте такой термин: «спурт». Так называют бегуны, велосипедисты, лыжники резкий, внезапный, неудержимо бурный, длительный, все наращивающий быстроту рывок. Для спурта необходимы и отточенная техника, и огромный резерв сил, до времени таимый подспудно, и ясная уверенность в своих возможностях, и особый склад характера, способного на подлинное дерзание. И вот спартаковцы показали в финальных играх все эти великолепные качества истинных спортсменов, подлинных бойцов. Их спурт был ошеломляющим. Недаром кто-то шутя уже предложил переименовать их в «спуртаковцев»... Действительно, вступив в игры решающей финальной футболиады, московские спартаковцы не проиграли ни одного матча и только в двух удовольствовались ничейным счетом. Шаг за шагом, одну за другой обходили они опередившие их летом команды; гол за голом укрепляли они свое положение в таблице, поднимались все выше по ее ступеням, ведущим к футбольному Олимпу.

В выступлениях спартаковцев ощущалась страстная жажда победы, которая как бы сливала воедино волю всех игроков и вооружала команду. Вообще-то спартаковцы не отличаются ровной игрой. Они считаются командой настроения. И хотя настроение у них сейчас отличное, вряд ли это, конечно, звучит похвалой. Но это так! Команда, в рядах которой играют такие блистательные мастера, как Нетто, Крутиков, Маслаченко, Масленкин, Хусаинов, Фалин и другие, сокрушив самого опасного противника, может в следующей игре неожиданно уступить победу третьестепенному сопернику. Бывали случаи, когда спартаковцы проявляли нервозность при временных неудачах или слишком рано успокаивались на раннем успехе.

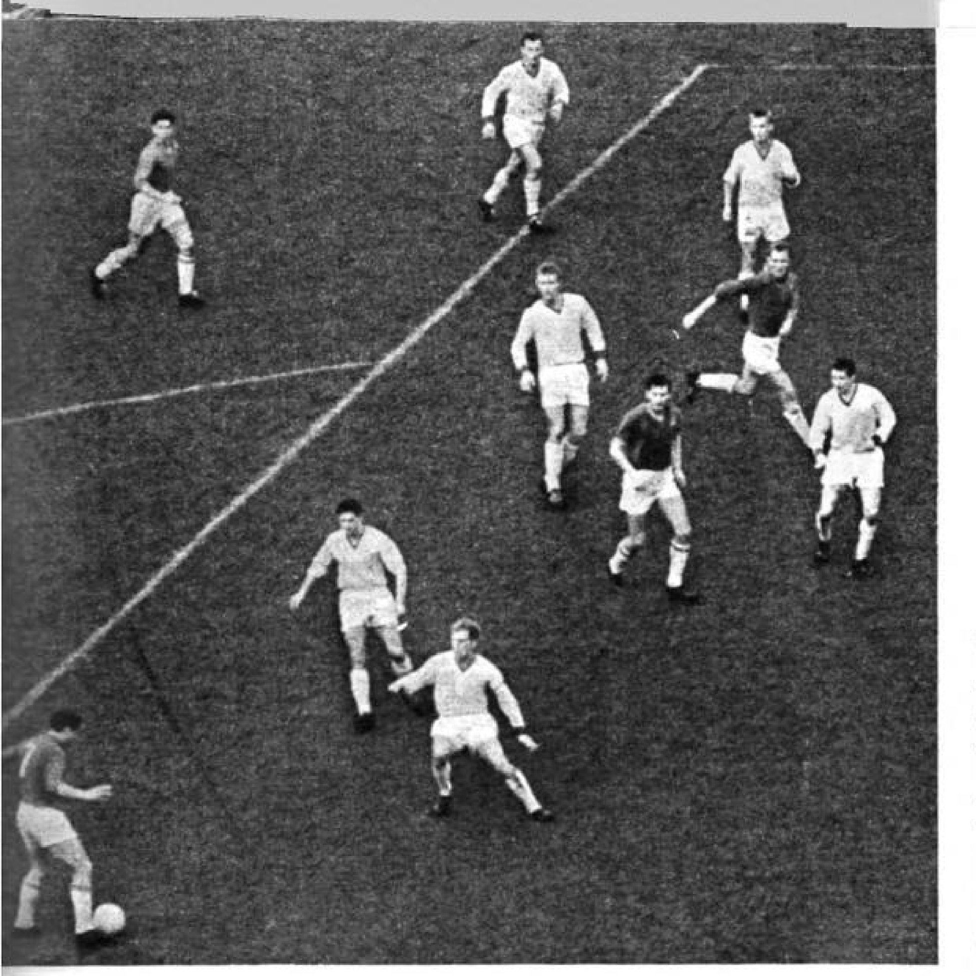
Пусть спартаковцы не обижаются: они знают, что я их давний и неколебимый приверженец. И право старого друга — говорить неприятные истины в лицо, не считаясь с устаревшей пословицей: «Победителей не судят». Но спартаковцы, всегда отличавшиеся умением на самых решающих и трудных этапах внезапно преображаться, сплачиваться, проявлять неукротимую волю к победе, играли осенью вдохновенно и в то же время методично. В каждом матче ощущался определенный тактический замысел, умело создаваемый тренерами Никитой Симоняном и Николаем Дементьевым применительно к различным особенностям противника. И вот к последнему, решающему дню, 18 ноября, «Спартак» пришел, имея очень твердое основание приобрести почетное и желанное звание чемпиона Советского Союза.

В этот же день, как вы знаете, исконные соперники спартаковцев столичные динамовцы играли в Ростове-на-Дону против тамошних армейцев. А столичные армейцы проводили свою последнюю игру в Тбилиси с динамовцами грузинской столицы. И вот, если бы спартаковцы проиграли киевлянам, а динамовцы Москвы и Тбилиси ушли бы с поля победителями, на первом месте с одинаковыми 30 очками оказались бы сразу три команды. И тогда пришлось бы проводить впервые в истории наших футбольных чемпионатов особую «пульку» трех претендентов на золотые медали...

Да, был денек! Любители футбола носились по волнам всесоюзного радио, метались от репродукторов к телевизорам. Сердца болельщиков «Спартака» и динамовцев обеих столиц изнемогали от надежд и тревог. Но уже среди дня стало известно, что тбилисским динамовцам придется удовольствоваться бронзовыми медалями. Мяч армейца Стрешнего, забитый на последней минуте игры, точно обозначил для тбилисцев третье место в таблице.

Теперь надо было ждать, чем кончится игра в Ростове. Столичные динамовцы, так превосходно выступавшие в финальной части футбольного календаря, если не считать его последних дней, приложили в Ростове героические усилия, чтобы догнать спартаковцев. Им удалось забить мяч в ворота хозяев поля. Но ростовские армейцы сумели отквитать его, и игра принесла ничейный результат. Ну, и все!.. Теперь у динамовцев было 29 очков, то есть серебряные медали, и «Спартак» был уже недосягаем.

С точки зрения человека, не очень точно чувствующего дух нашего спорта, спартаковцам уже было все равно — выигрывать или проигрывать киевлянам. Но меня, как старого болельщика, дорожа-



На поле — московские динамовцы...

РТАКА»

щего той благородной, бескорыстной страстью к спорту, которую разделяют миллионы приверженцев его, порадовало немногим меньше, чем успех «Спартака» в таблице, поведение его на поле киевского стадиона в этот знаменательный день. Спартаковцы остались спортсменами до последнего свистка судьи, возвестившего о конце футбольного сезона. Они вышли на поле уже чемпионами, но играли так, будто их судьба зависела от результата встречи. Спартаковцы играли не для проформы, не для того, чтобы формально заполнить пустовавшую клеточку в таблице. И они выиграли эту встречу. Один гол, как известно, забил Хусаинов, а второй, с одиннадцатиметрового штрафного удара,— Севидов.

Молодой спартаковский бомбардир стал в этом году одним из самых результативных нападающих. К последнему дню футбольного сезона он имел уже на своем текущем, нет, не текущем, а летучем счету пятнадцать мячей. Но его настиг и обогнал на один мяч бакинец Э. Маркаров, про которого сложена в верхних рядах стадиона даже шутливая поговорка: «Загнали нас, куда Маркаров мячи не гонял». В Киеве на последних минутах последней игры сезона товарищи по команде предоставили молодому форварду возможность пополнить счет забитых мячей и сравняться с Маркаровым. Севидов забил свой шестнадцатый мяч сезона. И болельщики «Спартака» послали ему из Москвы телеграмму: «Имели на него все виды. И оправдал их наш Севидов».

Что же касается приверженцев других команд, то они нашли в себе мужество, чтобы справиться с собственными огорчениями и великодушно поздравить московских спартаковцев с их головокружительной победой: «Вот это да! Вот это так!.. Вот это дал нам всем «Спартак»!...»

Вообще цвета спартаковцев, чье спортивное знамя озарено сейчас отблесками золотых медалей, заиграли с большой силой на футбольных аренах прошедшего сезона. Всесоюзный приз юниоров тоже выиграла юношеская команда московского «Спартака». И приз «малого футбола» также достался самым младшим спартаковцам столицы — команде мальчиков. Можно еще прибавить к общей славе «Спартака», что и первенство Российской Федерации по футболу выиграли спартаковцы Краснодара. Хорошо показали себя и резервы московского «Спартака», которые, несмотря на свою неудачу в последней игре на киевском стадионе, остались на первом месте и завоевали приз дублирующих составов.

...Итак, в последний раз пропел финальный свисток судьи на поле. И мяч, «веселый, звонкий мяч», что с апреля месяца носился вскачь по стадионам, метался на экранах наших телевизоров, был гоним яростно прочь от ворот и все же нет-нет да и влетал в сетку, футбольный мяч сезона 1962 года, принятый на центре поля руками арбитра, канул в проходе под трибунами, куда удалились футболисты. Мяч зашел за горизонт. Сезон окончен. Очень волнующий и содержательный сезон. Попрощаемся с мячом: он взойдет снова над зеленым или еще только зеленеющим полем будущей весной.

Итак, до весеннего свидания с мячом!

ХОРОШАЯ КОНЦОВКА!

Мне случилось быть в раздевалке «Спартака» на киевском стадионе в день последней встречи футбольного сезона. Буквально за несколько минут до начала матча с киевским «Динамо» пришли вести, что в Ростове-на-Дону матч местных армейцев с динамовцами столицы закончился вничью. «Спартак» уже стал чемпионом! Надо было видеть, как крепко обнялись старейшие спартаковцы Н. П. Старостин и Никита Симонян. Надо было видеть, как плясали самые молодые спартаковцы!..

— Неужели правда, мы чемпионы? — растерянно спрашивал белокурый, встрепанный Валерий Рейнгольд.

Игорь Нетто, бессменный капитан, стараясь и сейчас быть серьезным, сосредоточенно жонглировал белым мячом, готовясь к выходу на поле.

— Игорь, а у тебя какая по счету медаль?

— Золотая — пятая...

Игра с динамовцами Киева, казалось бы, уже не имела значения. Но смена чемпионов должна была стать убедительной и боевой. Так решили спартаковцы. Я слышал, как Никита Павлович Симонян говорил ребятам: «Дадим хорошую концовку!..»

Хорошую они дали концовку! Сильная команда киевлян сделала все возможное. Атаки хозяев поля были мощны и настойчивы, но новый чемпион играл лучше. Настолько убедительным было его превосходство, что даже самые горячие патриоты своих земляков-футболистов говорили друг другу на трибунах: «Ну, таким не стыдно и проиграть... Это уж точно: чемпионы!..»

Прямо со стадиона поехали победители чемпионата страны домой, в родную Москву. Я видел, как пожилая проводница вагона, в котором ехали футболисты, пожимала каждому входящему спартаковцу руку и говорила: «Едва вагон сегодня успела убрать, так за вас болела...»

Поезд стремительно мчался сквозь ночь, а в восьмом вагоне очень долго горели все окна. В коридоре, во всех купе шли разговоры, разговоры... Тесно было в купе, где ехали тренеры Никита Симонян и Николай Дементьев. Вездесущие и бессонные корреспонденты газет и радио брали интервью. Тренеры раздумывали вслух: да, футбол минувшего сезона принес много интересного, нового. Еще более ясной стала тенденция к мощной обороне. Хорошо это или плохо? Если думать только о том, чтобы не пропустить мячи в ворота, то это ведет к ничьим, к скучной игре. Если же эта оборона лишь трамплин для перехода едва ли не всей команды в мощное наступление,— это хорошо.

«Спартак» избрал второй путь. Вспомните решительные атакующие действия защитников Анатолия Крутикова, Геннадия Логофета. Вспомните волевое стремление вперед неутомимого Игоря Нетто и незаметного, но бесконечно полезного команде Юрия Фалина. И вот цифры: за последние шесть встреч «Спартак» забил тринадцать мячей, а пропустил один.

— Это все так...— размышляет вслух Никита Симонян.— Но я вот думаю: что нам еще помогало? Как думаешь, Игорь?..

— Дружба,— говорит Игорь Нетто.

— Верно...— кивает седой головой Николай Петрович Старостин.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Экс-чемпионы — киевские динамовцы — поздравляют чемпионов 1962 года — спартаковцев Москвы.
Фото А. Бочинина.

Это было в Чернигове...

Городничий: ...Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя.

Н. В. Гоголь

Н. ЧЕТУНОВА

Давно ушли в небытие гоголевские городничие. Однако нет-нет да и вспомнят где-нибудь заветы многоопытного Антона Антоновича. И то сказать, строительством кого теперь у нас удивишь? Строят, например, в Чернигове столько заводов, и фабрик, и жилых домов, сколько всем городничим вместе и во сне не снилось, а кто этому удивляется? А вот сломать здание попрочнее да поценнее, да чтобы далеко за Черниговом об этом знали,— вот тут уже и удивить можно! Кто сейчас не дивился на витебского председателя исполкома горсовета товарища Сабельникова, того, что очистил свою витебскую землю от собора двенадцатого века? Все дивились. И в газете о нем писали и в кино его видели. В историю, можно сказать, человек вошел.

С Сабельниковым, конечно, тягаться трудно. Памятников двенадцатого века осталось на Руси немного — раз-два и обчелся. Но вот в Чернигове такой памятник имеется — Пятницкая церковь двенадцатого века. В книге профессора Н. Н. Воронина о ней прямо сказано — лучший из всех памятников той эпохи. Но сколько ни старались черниговские охотники за славой — «разрешите-де изничтожить Пятницкую церковь!» — не вышло.

И вдруг как осенило: чего же еще искать?! Как раз у самой этой Пятницы в сквере стоит интересная круглая колоколенка. Не двенадцатый век — всего начало девятнадцатого, но тоже прославиться можно, если снести эту колоколенку — первый образец возрождения национального украинского стиля в архитектуре. Плохо ли? И даже преимущество перед витебским Сабельниковым есть. Там хоть и обманом (фальшивую бумажку правительству подали, будто ничего в той церкви ценного не осталось — один религиозный дурман), но все законно оформили и, прежде чем сносить собор, сняли его, что называется, с охраны. А черниговскую колоколенку, сколько ни бился начальник областного отдела архитектуры Гребницкий, чтоб сняли ее с охраны, не согласились снять. Двенадцать заседаний всяких академий и ученых советов было, и все как один: ценная колоколенка! Не позволяют сносить. Мало того, музей в этой колоколенке устроили по архитектуре Пятницкой церкви. Это на третьем этаже. А во втором — музей «Слова о полку Игореве» затеяли собирать. Семьсот семьдесят пять лет исполняется в этом году «Слову», и писалось оно будто на Черниговщине, и Пятница-то, оказывается, ему ровесница. Так нигде, как в этой колоколенке, и быть, говорят, музею того самого «Слова»!

...Есть в нашей стране закон, в котором записано: «Все находящиеся на территории СССР памятники, имеющие научное, историческое или художественное значение, являются неприкосновенным всенародным достоянием и состоят под охраной государства».

Закон законом, а у местной власти, что же, прав нет? И Гребницкий, который как раз за охрану памятников отвечает, снова в атаку на колокольню идет. И в одном ряду с ним — главный черниговский архитектор товарищ Сергиевский: «Надобно колокольню снести!» И товарищ Призант, черниговский инспектор по охране памятников: «Никакой такой ценности в колоколенке не имеется».

Не знаем, так ли именно рассуждало черниговское городское начальство, другим ли ходом мысли пришло оно к своему решению, но решение было принято: состоящую под охраной государства колокольню Пятницкой церкви — выдающийся памятник национального зодчества Украины — снести!

Задумано — сделано. 30 августа рабочим, выполняющим реставрационные работы, приказано было удалиться, и началась ломка колокольни. Ломали по последнему слову техники: в ход пошли бульдозеры, экскаваторы, тракторы. Председатель горсовета тов. Дусь не поскупился: приказал горкомхозу снять со строительства дороги всю нужную для задуманного дела технику. И работа закипела.

Из Киева полетели телеграммы. Поехали гонцы. Того же 30 августа Дусь получает телеграмму председателя научно-методического совета Академии наук УССР С. Н. Бибикова: нельзя ломать колокольню! Того же 30-го числа правительственная телеграмма пошла в Чернигов от председателя Госстроя УССР С. Н. Андрианова: «Розборку дзвіниц П'ятницької цирквu пам'ятника архитектури прошу... не провадити». 2 сентября все с тем же наказом — не ломать памятник! — Госстрой Украины послал в Чернигов товарищей Гончарова и Асеева, научных сотрудников Академии наук и Академии архитектуры УССР.

Да, не слабые люди правят городом Черниговом! Принятых решений не меняют.

Одно мешало: крепко была колоколенка построена! Глядеть — невеличка, а сколько сил положили, чтоб поломать! Четыре полных дня да полдня пятого трудились шестьдесят человек со всей мощной техникой. Новый дом можно бы этими силами при наших темпах поставить, а ее, проклятую, еле-еле сломали.

Зато подчистую! Когда приехала в Чернигов комиссия Министерства культуры СССР, на месте ни ограды, ни колокольни не оказалось. Что сейчас под охрану возьмешь? И кирпич увезли и щебень трактором разровняли. Ищи-свищи теперь музей-колоколенку...

И все меры к благоустройству уже приняты: вместо памятника национального зодчества будет стоять хорошая, благоустроенная... общественная уборная. Даже сирень и розы для нейтрализации запаха запланированы. Уже и проект утвержден областным отделом архитектуры. А инспектор Призант вместо акта о совершенном преступлении — уничтожено состоящее под охраной народное достояние! — проектик чертит. Придется, оказывается, вместо сломанной ограды подпорную стенку сооружать, потому как осыпаться стал грунт, когда ограду снесли, надо укреплять. Конечно, деньги потребуются на эту ограду, так то ж государственные, а не из своего кармана!

* * *

Здесь рассказ о том, как в Чернигове справили юбилей «Слова о полку Игореве», мы прерываем. Продолжение его, по нашему крайнему разумению, следует печатать не на журнальных полосах, а на страницах протокола судебного следствия и приговора по делу о нарушении ст. 207 Уголовного кодекса УССР, где черным по белому написано, что умышленное уничтожение, разрушение или порча памятника культуры, состоящего под охраной государства, строго карается законом.

М. Бабанова и А. Лукьянов в спектакле «Собака на сене». Театр Революции. 1938 год.

НА ВЕКА ЖИВОЙ

К 400-летию со дня рождения Лопе де Вега

Современники называли Лопе де Вега «чудом природы». В нем соединялось, казалось бы, совершенно несоединимое — страстная любовь к радостям жизни и ее удовольствиям и неистовая трудоспособность. По свидетельству самого Лопе, им было написано свыше полутора тысяч пьес. Бывали случаи, когда за неделю из-под его пера выходило несколько комедий. В Испании еще при жизни он стал «самодержцем театральной империи».

Сила правды, энергичная веселость, возвышенная поэтичность продлили жизнь пьесам Лопе де Вега на века. Они продолжали ставиться на сценах многих театров мира. И каждая новая эпоха открывала в них что-то свое.

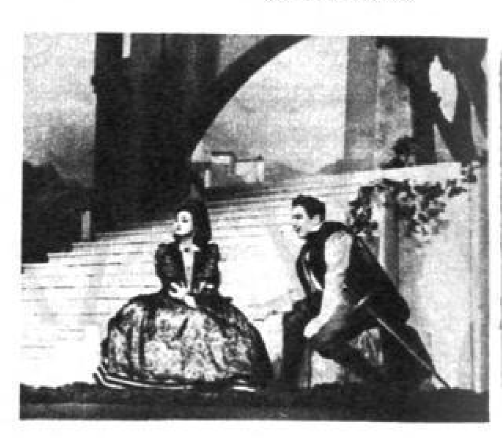
Когда в Малом театре поставили «Овечий источник» с Ермоловой в роли Лауренсии, это было подобно взрыву бомбы. В гнетущей атмосфере царской России конца 70-х годов спектакль прозвучал как призыв, как пропаганда идеи крестьянской революции.

Прекрасной легендой останется в истории советского театра и постановка «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»), осуществленная К. Марджановым в Киеве, в 1919 году. Солдаты, отправлявшиеся прямо из театра на фронт, пели во время действия «Интернационал».

В десятках театров нашей страны, в самодеятельных коллективах, театральных студиях ставятся пьесы Лопе де Вега.

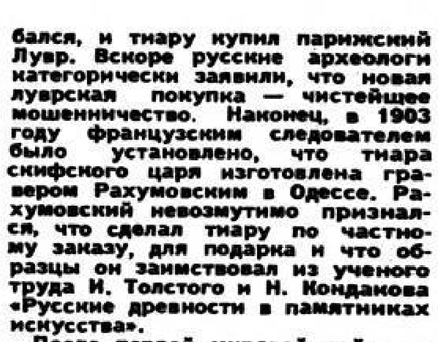
Блестящее исполнение М. Бабановой роли Дианы в «Собаке на сене», В. Зельдиным — Альдемаро в «Учителе танцев», С. Гиацинтовой — Леонарды в «Валенсианской вдове» — все это новые страницы в прочтении бессмертного наследия великого испанского драматурга.

Л. ОСИПОВА



С. Гиацинтова и Г. Палин в «Валенсианской вдове». Театр Ленинского комсомола. 1940 год.

В. ВЛАДИМИРОВ



Время от времени печать капиталистических стран, захлебываясь, сообщает об очередном сенсационном процессе, разоблачающем подделку произведений искусства и исторических документов. Эпидемия подделок охватила «свободный» мир. Это уже не эпизоды, а особый вид «промышленности». Некоторые ретивые журналисты всерьез размышляют, не следует ли воздать должное талантливым фальсификаторам и не считать ли их «гениями особого рода». При этом ссылаются на то, что подделки существуют со времен Адама.

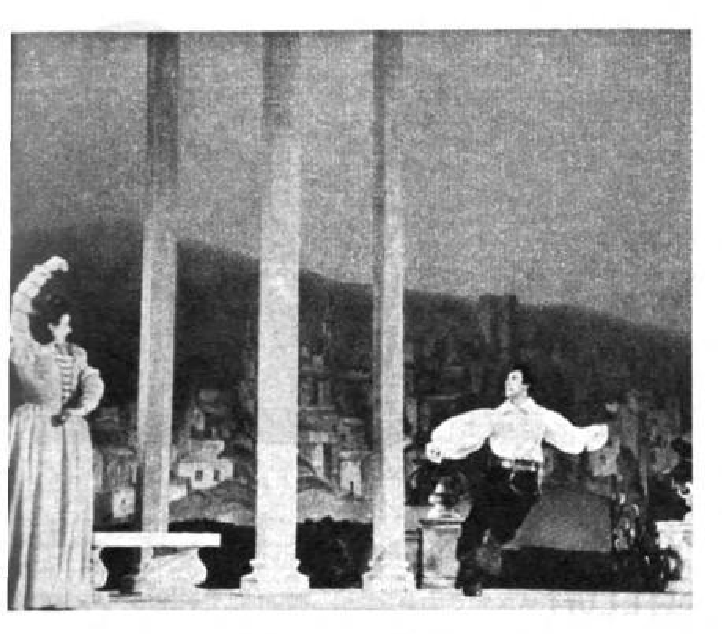
Известно, что знаменитому немецкому художнику Альбрехту Дюреру пришлось судиться в Венеции с фальсификаторами его гравюр: 990 произведений были подделаны. В 1506 году главному «деятелю» в этой области — граверу Маркантонио Раймонди — было лишь запрещено ставить на подделках подпись Дюрера.

Но фальсификации отдаленных времен бледнеют перед размахом операций и смелостью мошенников эпохи капитализма.

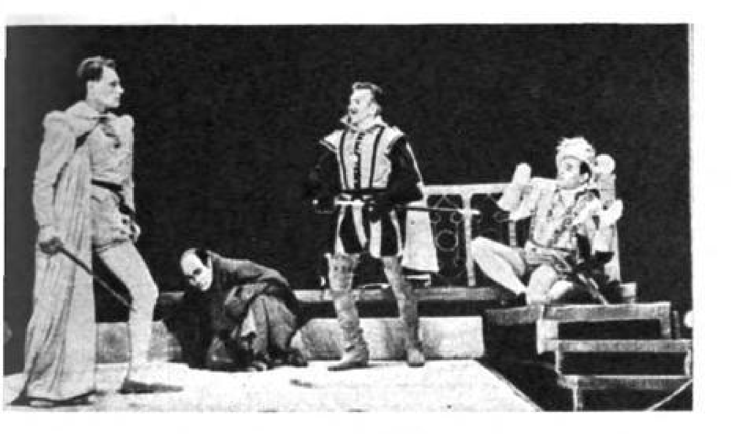
Классическим случаем был знаменитый эпизод с тиарой скифского царя, которая была ему подарена греческими колонистами из Ольвии и найдена при раскопках в районе Очакова. Эта тиара демонстрируется до сих пор в парижском музее декоративных искусств как искусная ювелирная работа . Это золотой колпак с эпизодами из греческой истории и скифского быта. В 1896 году эту тиару предложили купить венскому музею за 200 тысяч крон. Но музей заколебался, и тиару купил парижский Лувр. Вскоре русские археологи категорически заявили, что новая луврская покупка — чистейшее мошенничество. Наконец, в 1903 году французским следователем было установлено, что тиара скифского царя изготовлена гравером Рахумовским в Одессе. Рахумовский невозмутимо признался, что сделал тиару по частному заказу, для подарка и что образцы он заимствовал из ученого труда И. Толстого и Н. Кондакова «Русские древности в памятниках искусства».

После первой мировой войны в Европе появляется новый тип коллекционера — это разбогатевший американец, лихорадочно скупающий старинные картины и ценности. В 1925 году известная американская коллекционерша мисс Фрак купила в Италии за 225 тысяч долларов мраморную группу с датой «1316», якобы высеченную художником Мартини, хотя Мартини никогда не был скульптором. Еще два барельефа того же времени купил газетный магнат Рэндольф Херст за полтораста тысяч долларов. К сожалению, по тому же пути устремились и музейные специалисты из Бостона и Кливленда. Купленные ими в Италии произведения якобы находились в подземной часовне, поврежденной землетрясением и не имевшей входа. Американские сыщики долго и безрезультатно разыскивали эту часовню.

В конце концов громадная афера раскрылась. Автором скульптур из таинственной подземной часовни оказался римский мастер надгробных памятников Альсео Доссена, который фабриковал все



«Учитель танцев» в Центральном театре Советской Армии.



Впервые в постановке Московского областного драмтеатра идет пьеса Лопе де Вега «Раба своего возлюбленного».

ТРАКТАТ О БОЛЕЛЬЩИКАХ

Владимир ЛИФШИЦ

Болельщиков люблю
футбольных —
и пожилых и очень юных,
ликующих и недовольных,
вопящих дружно на трибунах.
Поборники игры народной —
они хорошие ребята.
Я этой страсти благородной
и сам подвержен был когда-то,
и я сопровождал удары
победным кличем или стоном...
Подобен реву Ниагары
бывал наш рев над стадионом...
(То было, говоря конкретно,
в начале первой пятилетки,
когда технично и корректно
в футбол играли наши предки,
когда Бутусов легендарный
так бил под штангу с поворота,
что, словно видя сон
кошмарный,
вратарь с мячом влетал в
ворота.)
Но в ту ли пору, в эту ль
пору —
здесь изменений незаметно —
«Зениту» или «Пахтакору»
болельщик предан беззаветно.
— У Вити вырезали гланды!..
Бежит Пахомыч как-то сонно!..
Всех игроков своей команды
болельщик знает поименно.
Вступая в долгие беседы,
ей предвещает достиженья
и празднует ее победы,
оплакивает пораженья.
И друг для друга необидно,
академическим манером,
ведут достойно и солидно
спор пионер с пенсионером...

Но попадаются порою
болельщики иного сорта.
Они — я этого не скрою —
пятно на стройном теле спорта.
Исполнен яростного пыла,
благоухая спиртом едко,
такой вопит: «Судью на
мыло!!!» —
хоть мылом пользуется редко.
Соседу: «Гад!!!» Соседке:
«Дура!!!»
И это все еще цветочки...
Чтоб облегчить твой труд,
цензура,
я сам спешу поставить точки...

. . . .

А если пересохнет глотка,
он тут же пьет, бутылку пряча.
Посевернее — это водка,
а поюжнее — это чача.
С трибуны в поле, как гранату,
пустую мечет он бутылку,
стремясь инсайду-супостату
попасть бутылкой по затылку.
Он эту акцию проводит,
сопровождая злобным воем,
и вот его уже выводят
со стадиона под конвоем.
Он отбывает заключенье
как тип, для общества опасный.
Увы! Бывают исключенья
в семье болельщиков
прекрасной...
Люблю болельщиков
футбольных —
и пожилых и очень юных,
высокий жар суждений вольных,
страстей кипенье на трибунах.

ЭРА ПОДДЕЛОК

эти подделки для американских церквей, причем за небольшую плату, а его заказчики загребали миллионы лир.

Скандал следовал за скандалом. В 1928 году немецкий танцор Отто Ваккер продал около тридцати полотен голландского мастера Ван-Гога, которые впоследствии были обследованы рентгеновскими лучами и оказались фальшивками. Ваккер употреблял древесный клей, который быстро сохнет и старит картины. В подлинных полотнах Ван-Гога нет и следа древесного клея. Ваккер угодил в тюрьму.

Следующим фальсификатором оказался внук известного французского художника Милле. Этот недостойный потомок великого деда заказывал полотна под Милле живописцу Казо и выдавал их за семейные реликвии. Полиция накрыла Казо в мастерской Милле-младшего. Арестованный сознался, что подделывал не только Милле, но и других французских мастеров, в том числе Дега.

Совсем недавно со страницы газеты «Юманите» на нас глянуло холодное, высокомерное лицо некоего Жан-Пьера Шекруна, который использовал моду на кубистскую, абстрактную и сюрреалистическую живопись и создал невероятное количество рисунков гуашью, пастелью и акварелью, подписав их именами Брака, Пикассо, Леже, Миро, Пикабиа и других художников.

Сам Шекрун в свое время был учеником Леже, но скоро увидел, что ему не пробиться. И Шекрун решил добиться успеха любым способом. Он завел знакомство с неким Маниэ и братьями Боттон, которые и предложили ему стать фальсификатором. За два года Шекрун изготовил до сотни имитаций. Некоторые заказы он делал за час-другой у себя в меблированной комнате. Компаньоны за короткий срок положили в карман до 250 тысяч новых франков, а общий оборот этого бизнеса достиг миллиона. Шекрун покинул меблированные комнаты и стал жить на широкую ногу. Его компаньоны продавали рисунки в Швейцарии, ФРГ, Англии. Все они были снабжены свидетельствами о подлинности, выданными экспертами парижских картинных галерей. Впоследствии оказалось, что свидетельства были такие же поддельные, как и рисунки.

Шекрун был арестован на курорте, где занимался зимним спортом. Шикарной жизни временно пришел конец. Сейчас Шекрун снова на свободе.

Мошеннический бизнес распространяется не только на картины. В отчете вашингтонской библиотеки конгресса за 1928 год помещены ноты песни, написанной якобы рукой Моцарта,— «Любовные и нежные поцелуи», с датой 7 октября 1770 года. Знаменитый дирижер Тосканини усомнился в подлинности этих поцелуев, полагая, что песня Моцарта за полтораста лет вряд ли могла остаться неизвестной.

Через несколько месяцев к нему явился некий соотечественник-итальянец с новой рукописью Моцарта. Тосканини показал ее в музее Моцарта в Зальцбурге и услышал, что рукопись подлинная.

Но в последующие годы рынок редкостей стал буквально наводняться неизвестными произведениями великих композиторов. В

Тиара скифского царя.

1934 году Миланское издательство прислало Тосканини целую груду рукописей Моцарта, Глюка, Вагнера и Генделя, которые продавал все тот же итальянец, Тобиа Никотра. У него произвели обыск, который дал ошеломляющие результаты: оказалось, что Никотра подделывал не только ноты, но и исторические документы. Помимо пяти «подлинников» все той же песни Моцарта, были обнаружены два экземпляра письма Христофора Колумба, из которого следовало, что Колумб родился в Испании. Затем из папок были извлечены

Статуя из подземной часовни.

«автографы» Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна, Лютера, Галилея, Леонардо да Винчи.

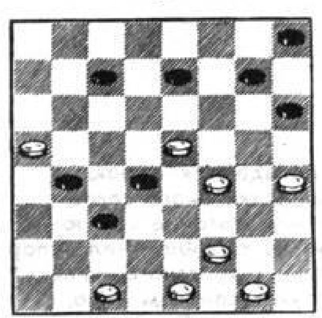
Процесс Никотра велся секретно, чтобы не скомпрометировать виднейших экспертов, попавших впросак. Подсудимый получил всего-навсего два года тюрьмы и уплатил небольшой штраф.

ШАШКИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ МАСТЕРА Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

КОНЦОВКА

Г. В. Кетлер (Кривой Рог)
Белые начинают
и выигрывают



Решение концовки И. Качерова, помещенной в № 43 «Огонька»

1. f2—g3 d6—e5 2. h4—g5 f4 : h6 3. d2 — e3 f8 — e7 (если 3... g7—f6, то 4. e3—f4 с ничьей впереди) 4. g3—f4 e5 : g3 5. h2 : f4 g7—f6 (или e7—f6) 6. c3—d4 c5—b4 7. d4—c5 b4 : d6 8. e3—d4 и, несмотря на две лишних шашки, черные не могут выиграть. Оригинальный финал!

ЦВЕТЫ И АКВАРИУМЫ

В Ленинграде, во Дворце культуры имени 1-й Пятилетки, работает клуб любителей аквариумных рыб и комнатных растений. В трех залах расположены жардиньерки с комнатными растениями и подсвеченные электролампами аквариумы. По четвергам в клубе выступают ученые, участники экспедиций, любители природы, демонстрируются научно-популярные фильмы.

Недавно в Ленинграде, во Дворце культуры имени Ленсовета, открыт второй клуб любителей комнатных растений и аквариумов.

М. МАХЛИН

Ленинград.

На снимке: Центральный зал клуба любителей цветов и аквариумов.

На первой странице обложки: Ударник коммунистического труда комсомолец Виталий Попов — токарь механосборочного цеха завода «Ростсельмаш».

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Поздняя осень.

Фото М. Савина.

ТМО

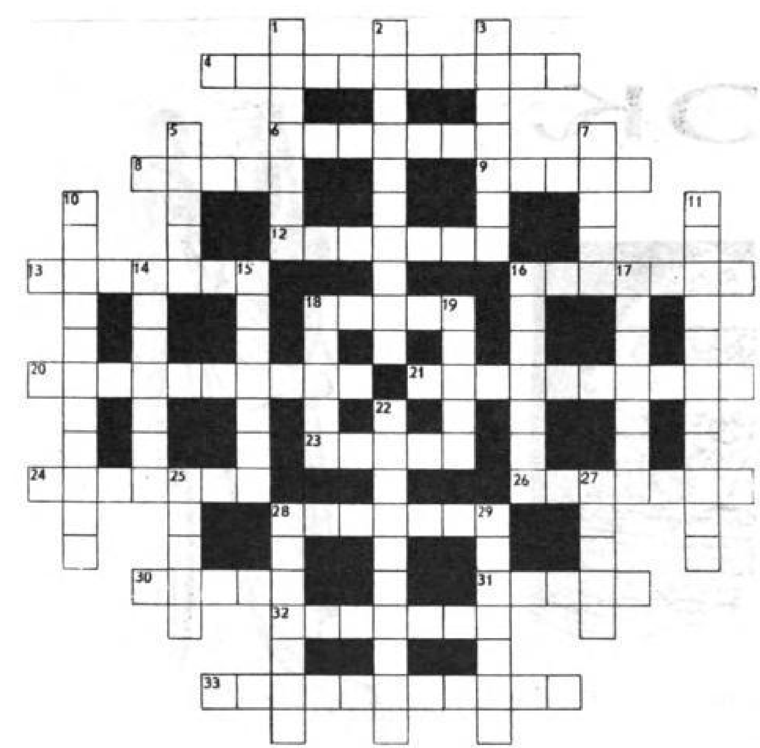
Театр Миниатюр «Огонька»

ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ИНТЕРВЬЮ

Исполняет заслуженный артист РСФСР В. И. ХОХРЯКОВ.

Режиссеры Л. Самойлов и Ю. Кривоносов.

КРОССВОРД



По горизонтали:

4. Центр автономной области. 6. Небольшая поляна. 8. Итальянский композитор. 9. Река в Африке. 12. Прибор, механическое устройство. 13. Рубанок с длинной колодкой. 16. Мягкие цветные карандаши. 18. Название коньков 20. Орудие. 21. Представление между действиями спектакля. 23. Растение. 24. Декабрист. 26. Небесное тело. 28. Порода овец. 30. Строительный материал. 31. Плодовое дерево. 32. Морская рыба. 33. Опера Н. А. Римского-Корсакова.

По вертикали:

1. Рыболовная снасть. 2. Кассир. 3. Управление факультета. 5. Советский писатель. 7. Созвездие северного неба. 10. Русский мореплаватель. 11. Окно в корпусе судна. 14. Музыкант. 15. Твердый минерал. 16. Роман О. Гончара. 17. Персонаж трилогии А. Толстого «Хождение по мукам». 18. Стихотворная форма. 19. Единица веса. 22. Садик перед домом. 25. Озеро в Красноярском крае. 27. Объявление о предстоящих спектаклях, концертах. 28. Государство в Северной Америке. 29. Тип тропической и субтропической растительности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

7. Кошевой. 8. Лауреат. 9. Литература. 11. Узбекистан. 12. Швартов. 13. «Ермак». 14. Ортопед. 17. «Последние». 20. Ефимов. 21. Отпуск. 22. Цандер. 23. Аккорд. 28. Котовский. 32. «Квартет». 33. Дюрер. 34. Антарес. 35. Арифметика. 36. Телеграмма. 37. Чонгури. 38. Яркость.

По вертикали:

1. Горицвет. 2. Перекрытие. 3. Мочалов. 4. Баккара. 5. Красноярск. 6. Хабанера. 10. Апрель. 11. Уганда. 15. Мороженое. 16. Синтаксис. 18. Риони. 19. Сурок. 22. Центрифуга. 24. Декламатор. 25. Сосюра. 26. Асбест. 27. Коверкот. 29. Ареометр. 30. Серебро. 31. Снегирь.

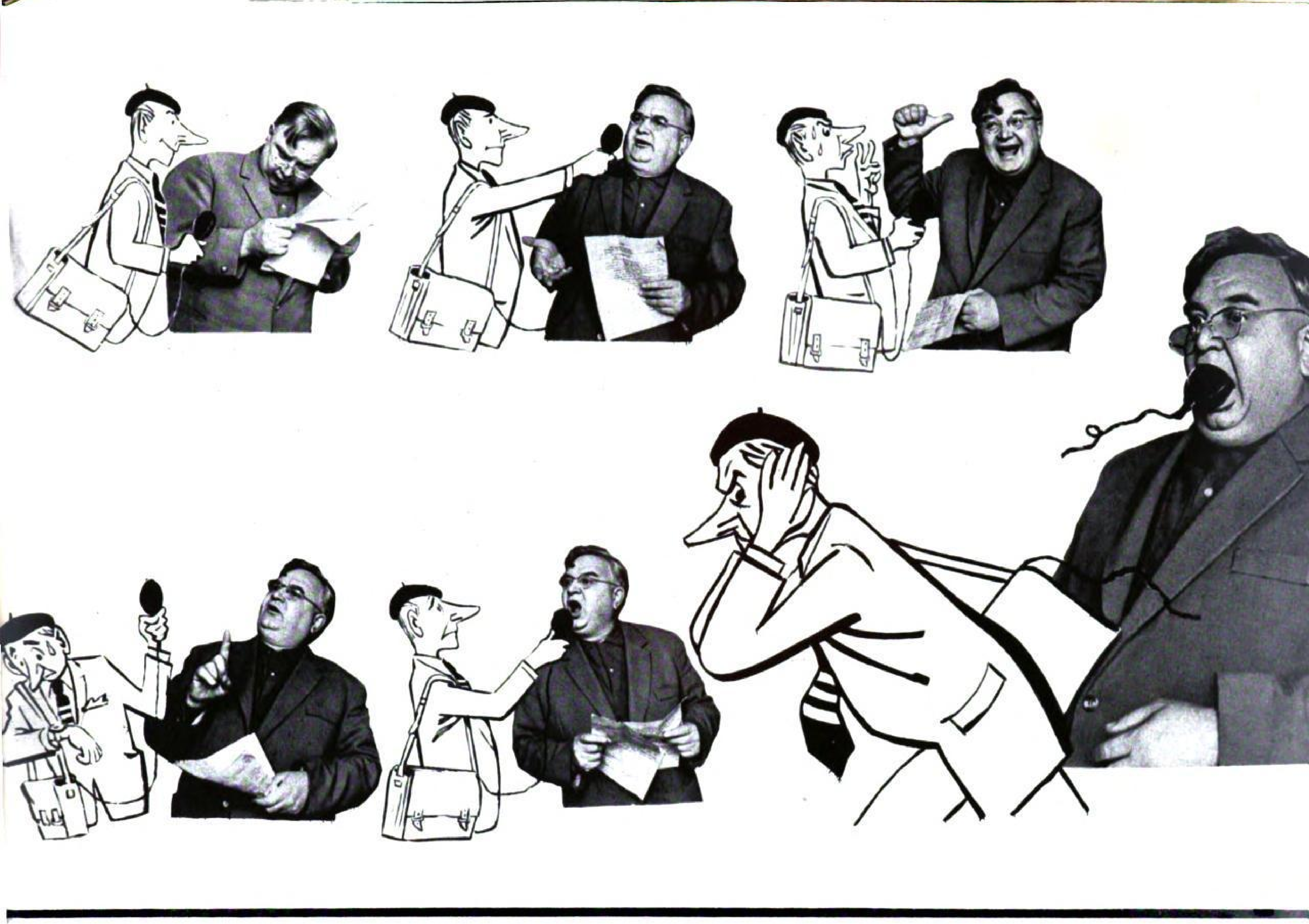
Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00205. Подписано к печати 21/XI 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 2001. Зак. 3119.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Читатель встретится и со своими старыми знакомыми. Герои трилогии Константина ФЕДИНА («Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер») начинали свой путь на заре революции; во второй книге романа «Костер» мы увидим их в годы Великой Отечественной войны. Илья ЭРЕНБУРГ продолжит свои воспоминания «Люди, годы, жизнь». Сотни читательских писем — взволнованных и благодарных — вызвали в свое время «Дневные звезды» Ольги БЕРГГОЛЬЦ. В будущем году писательница опубликует в «Новом мире» продолжение «Дневных звезд». Во второй книге романа Владимира ФОМЕНКО «Память земли» мы снова увидим станичников из донского хутора Кореновского, в чьих характерах и взаимоотношениях ярко отразилась жизнь современной советской деревни. Картины сельской жизни, размышления о труде, о культуре и быте села читатель «Нового мира» найдет также в «Деревенских дневниках» Ефима ДОРОША.

Из новых произведений советских писателей «Новый мир» в 1963 году намерен также опубликовать роман Веры ПАНОВОЙ, путевые записки Константина ПАУСТОВСКОГО, Виктора НЕКРАСОВА, повести Валентина КАТАЕВА и Владимира ТЕНДРЯКОВА, роман Александра КРОНА «Дом и корабль». Уже из самого названия повести, обещанной журналу Григорием БАКЛАНОВЫМ — «Июль 1941 года»,— видно, что автор не изменяет военной теме. Современной жизни индустриального советского города посвящена повесть Евгения ГЕРАСИМОВА «Машиностальь». Сегодняшнему дню посвящены обещанные «Новому миру» романы Анатолия РЫБАКОВА «Пока дышу, надеюсь» и Владимира ДУДИНЦЕВА «Уходим в море», повести Чингиза АЙТМАТОВА, Василия АКСЕНОВА, Сергея АНТОНОВА, Константина ВАНШЕНКИНА, Сергея ЗАЛЫГИНА.

В 1963 году адмирал флота Советского Союза И. С. ИСАКОВ продолжит свои «Невыдуманные рассказы о флоте». Автор тепло встреченных читателем воспоминаний и рассказов о первых годах революции Е. Я. ДРАБКИНА готовит для нашего журнала повесть «Три минуты молчания», Виль ЛИПАТОВ — роман «Седьмой пот», Марк ГАЛЛАЙ — вторую книгу записок летчика-испытателя.

Из произведений зарубежных писателей, которые намечены к опубликованию в «Новом мире» в 1963 году, следует назвать романы Уильяма ФОЛКНЕРА «Солдатская награда», Альбера КАМЮ «Чума» и повесть Анны ЗЕГЕРС «Свет на виселице».

В будущем году в «Новом мире» появятся новые произведения Б. АГАПОВА, Н. АТАРОВА, Ю. БОНДАРЕВА, А. БРУШТЕЙН, Л. ВОЛЫНСКОГО, В. ГРОССМАНА, И. ГРЕКОВОЙ, С. ГЕОРГИЕВСКОЙ, Н. ДУБОВА, И. ЗЫКОВА, Т. ЖУРАВЛЕВА, М. ГАНИНОЙ, М. КОРШУНОВА, Ю. КУРАНОВА, Н. МЕЛЬНИКОВА, А. МАРЬЯМОВА, И. МЕТТЕРА, А. НЕКРАСОВА, В. ОВЕЧКИНА, Е. РЖЕВСКОЙ, В. РОСЛЯКОВА, А. СОЛЖЕНИЦЫНА.

Со стихами и переводами в журнале выступят поэты М. АЛИГЕР, А. АХМАТОВА, О. БЕРГГОЛЬЦ, П. БРОВКА, К. ВАНШЕНКИН, Е. ВИНОКУРОВ, Р. ГАМЗАТОВ, Е. ЕВТУШЕНКО, Л. ЗАВАЛЬНЮК, А. ЖИГУЛИН, Ф. ИСКАНДЕР, М. КАРИМ, К. КУЛИЕВ, А. КЕШОКОВ, Р. КАЗАКОВА, С. КАПУТИКЯН, Н. КОРЖАВИН, В. КОРНИЛОВ, М. КВЛИВИДЗЕ, А. КУЛЕШОВ, С. ЛИПКИН, М. ЛУКОНИН, Н. МАТВЕЕВА, Э. МЕЖЕЛАЙТИС, А. ПРОКОФЬЕВ, М. РЫЛЬСКИЙ, Д. САМОЙЛОВ, Я. СМЕЛЯКОВ, В. СЕРГЕЕВ, М. ТАНК, А. ТВАРДОВСКИЙ, Я. ХЕЛЕМСКИЙ, Я. УХСАЙ, В. ШЕФНЕР, Б. ШИНКУБА, С. ЩИПАЧЕВ, Г. ЭМИН, А. ЯШИН.

В 1963 году журнал сохранит свои постоянные разделы, стремясь освещать насущные вопросы жизни нашего общества, проблемы, связанные с дальнейшим развитием промышленности и сельского хозяйства.

В журнале по-прежнему будет предоставляться слово читателям для выступлений на самые разнообразные темы.

В литературно-критических статьях и рецензиях найдут отклик книги советских и зарубежных писателей, а также широкие литературные проблемы.

ПОДПИСКУ НА «НОВЫЙ МИР» ПРИНИМАЮТ ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ «СОЮЗПЕЧАТИ».

Подписная цена	на год	на 6 мес.	на 3 мес.
без переплета	— 8 р. 40 к.	4 р. 20 к.	2 р. 10 к.
в переплете	— 10 р. 80 к.	5 р. 40 к.	2 р. 70 к.

Цена номера 30 коп.